

Валерий Брюсов

**Стихотворения, не
включавшиеся в авторские
сборники**

Содержание

ПОЭЗИЯ «Ты знаешь, чью любовь мы изливаем в звуки?..»	0017
ПОЭЗИЯ «Поэзия везде. Вокруг, во всей природе...»	0018
«Я за то свою мысль ненавижу...»	0019
ПРИ ПОСЫЛКЕ П. ВЕРЛЕНУ ПЕРЕВОДА	
«РОМАНСОВ БЕЗ СЛОВ»	0020
ТЕМА ПРЕДЧУВСТВИЙ	0021
«Здесь же, в театре, когда-то с тобой...»	0022
«Чужда мне красота раскинутых степей...»	0023
«Гнутся высокие лотосы...»	0024
«У друга на груди забылася она...»	0025
«Что за тени: ты ли, греза?..»	0026
«Печален был туманный взор...»	0027
«Сегодня мертвые цветы...»	0028
«Мне дорог весь мир...»	0029
КУЧИ СВЕЗЕННОГО СНЕГА	0030
«Слово бросает на камни одни бестелесные тени...»	0032
В БИБЛИОТЕКЕ	0033
«Призраж луны непонятен глазам...»	0035
«Светлым гаснущим закатом...»	0036
«Умрем в объятиях полночной тишины!..»	0037
«Белеет ночь. Деревья сквера...»	0039
«Небо задернула бледная пленка...»	0040

«За годами год, девятнадцатый год...»	0041
«Грезы быстрые, как чайки...»	0042
«Вся жизнь моя — бесформенная греза...» . .	0043
РАННЯЯ ВЕСНА	0044
«На самом дне мучительной темницы...» . .	0045
«Без обоев бревна и тес...»	0046
«Я свечку погасил — и прямо под окном...» .	0047
СПИНОЗИАНЫ	0048
«Я люблю у застав переулки Москвы...»	0049
«Я часто размышлял о сущности вещей...» .	0050
К ВЕТРАМ	0051
ДВА МАКА	0052
ВЕСТАЛКА	0053
СЛИШКОМ	0054
«Торжественно-больное беспокойство...» . .	0055
«Полно, не во сне ли видел я вчера...»	0057
«Иду по бульвару. В померкшей листве...» .	0058
ОХОТА ЗА КАБАНОМ	0060
«В глуби пустыни, в безвестном оазе...»	0061
«Дрожащие листья на бледные щеки...»	0063
А. М. ДОБРОЛЮБОВУ	0064
СТИХИ О ЛЮБВИ	0066
ПОДЗЕМНЫЕ РАСТЕНИЯ (Лилейно-сосновый сонет)	0067
К СОЛНЦУ	0068
ПЕСНЯ	0069
ОДНОСТРОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ	0071
ЭПИТАЛАМА	0072

«Сквозь разноцветные стекла закат...»	0073
«Женский голос — он прозрачен...»	0075
«Не говори мне, что ты любишь меня!..»	0076
«Последним отблеском овеянный...»	0077
Я ЛЮБЛЮ ДРУГОГО	0078
«Я угадал за яркой сменой...»	0079
«Дальний шум фонтана...»	0080
ЛЕТНИЙ ПРАЗДНИК	0081
«Отвращенье...»	0082
«Есть одно, о чем плачу я горько...»	0083
«Черный лес луной пронизан...»	0084
«Речи несмелых признаний...»	0085
К ПРОШЛОМУ	0086
«В последний раз пропел петух...»	0087
«Люблю я вспоминать утраченные дни...»	0088
ПОЛИКРАТ	0089
«Если мне суждено умереть...»	0090
«Мы гордо людей презираем...»	0091
«Твои стихи — как луч случайный...»	0092
ВЕСЕННЯЯ ПОЭМА	0093
ВСТУПЛЕНИЯ К ПОЭМЕ «АТЛАНТИДА»	0095
ОТРЫВОК	0097
ПИФИЯ	0098
ПОЛНОЛУНИЕ	0099
ВСТРЕЧА	0100
«Ветер уныло летает над палубой...»	0101
СЕСТРЕ	0102
К БАЛЬМОНТУ	0103

ПЕРЕПЕВЫ БАЛЬМОНТА	0104
«Костей, бутылок продавать!..»	0105
«Засияла моя стена...»	0106
СОНЕТ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПОЭТУ П. Д. БУТУРЛИНУ	0107
РОНДО	0108
ДОМА	0109
«Я в высокой узкой башне...»	0110
НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ У СЛУЧЕВСКОГО	0111
СОНЕТ О ПОЭТЕ	0112
ЖЕЛЕЗНЫЙ ПУТЬ	0113
НА ОСУЖДЕНИЕ ДРЕЙФУСА (29 августа 1899)	0114
ЗА ПРЕДЕЛАМИ СКАЗОК	0116
«Я люблю в твоих стихах...»	0117
«А сколько радости и неги...»	0118
«Будущий век...»	0119
МАТЕРИ НА ИМЕНИНЫ	0121
ИЗ ДЕТСКОЙ КНИЖКИ	0122
«Есть слова волшебства. Вы всеильны...»	0123
«Я от стыда закрыл лицо...»	0124
«Заботы дня, как псы, меня бесславно травят...»	0125
ЗА ГОРОДОМ	0126
«Люблю я имя Анна...»	0128
«Я жду у ветхого забора...»	0130
«— Кто ты? — Я — чувство, я — любовь...»	0131
«Настали дни печальные, как воды...»	0132

«Вы неисполненных надежд...»	0133
«Я жизнью пьян. Напиток жгучий...»	0134
«Торжествовать! какие звуки!..»	0135
«В глуби тайные вселенной...»	0136
«Хорошо бы нам додуматься...»	0137
МОНА ЛИЗА	0138
БРАТЯ БЕЗДОМНЫЕ	0139
«Так это будет летом. Кисея...»	0141
«Вот брошен я какой-то силой...»	0142
«Нет душе покою...»	0143
«Непересказанные думы...»	0145
«Я снова одинок, как десять лет назад...» . . .	0146
«Все бездонней, все безмерней...»	0147
«Надо струны перестроить...»	0148
«Неужели это была ты...»	0149
«Я много лгал и лицемерил...»	0153
SUB SPECIE AETERNITATIS	0154
«Я путешественник случайный...»	0156
«Да, в нашей жизни есть кумир для всех единый...»	0157
«Дивный генуэзец! как нам стали понятны...»	0159
«— Пусть лобзает меня — он лобзаньем своим!..»	0161
«Влачась по дням, при новой встрече...» . . .	0163
«Прими послание, о Виктор!..»	0164
«И вдруг все станет так понятно...»	0165
«Над бредом наших разных ликов...»	0166

ОРФЕЙ	0167
«— Дитя, скажи мне, что любовь?..»	0170
СФИНКС	0171
«Есть поразительная белость...»	0174
«СКОРПИОНУ» И «ГРИФУ»	0175
МАКСИМИЛИАНУ ШИКУ	0176
«Я не видал таинственных лесов...»	0177
«Царил над миром рифм когда-то...»	0179
«На площади, полной смятеньем...»	0180
К НАРОДУ	0181
«Ужель доселе не довольно?..»	0184
ВЕСЫ КАЧНУЛИСЬ	0185
БЛИЗКИМ	0186
ПРЕДАНИЕ	0188
ПЛАЧ ЛАОДАМИИ	0193
ПОД УТРО	0195
ОСТРОВ	0196
НИТЬ	0197
«Встав, прошумят и сгибнут города...»	0198
«Все ближе, все ближе, все ближе...»	0199
«Я безволен, я покорен...»	0201
БАЛАГАНЫ	0202
ЖИГУЛИ	0204
«Трубите в траурные трубы...»	0205
СХОДНЫЕ РЕШЕНИЯ	0206
У ВАГОННОГО ОКНА	0207
Я И КОТ	0209
«Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-	

скромной...»	0211
«Здесь раннего посева всходы...»	0213
КЛАДБИЩЕ	0214
ВЕТРЕННЫЙ ВЕЧЕР	0215
ВЕЧЕР В ПОЛЕ	0216
ОДИНОКАЯ ЕЛЬ	0217
РАБЫ	0219
«Желанье, ужасу подобное...»	0222
«Не так же ль годы, годы прежде...»	0224
ВЕСНА	0225
«Душа томится надеждой тщетной...»	0226
«Я видел много городов...»	0228
ВОРОБУШЕК	0229
«Так повелел всесильный Демиург...»	0231
«Двадцать лет назад ты умерла...»	0232
«Как ангел тьмы и ангел света...»	0233
МОЕЙ ДЖЕННИ	0235
В ОТВЕТ ТОМУ, КТО ПРЕДЛОЖИЛ МНЕ «ВЫБОР»	0237
«Нет тебе на свете равных...»	0239
«Прости мой стих, безумьем гневный...»	0241
«— Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!..»	0242
«Чуть видные слова седого манускрипта...»	0243
ПРИ ЭЛЕКТРИЧЕСТВЕ	0244
«Зыблются полосы света...»	0246
«Три женщины — белая, черная, алая...»	0247
«Сердце утомленное хочет одного...»	0248

«Как струны оборвавшейся жалобный звук...» . . .	
0249	
«Любовь, как властный недруг, вяжет...» . . .	0251
«Безумец! думал плыть ты по...»	0252
«Огни! лучи! сверканья! светы!..»	0253
РЕБЕНОК Сонет	0254
«Всем душам нежным и сердцам влюбленным...»	
.	0255
«Речи медной, когда-то звучавшей на форуме	
Римском...»	0256
«День красочный, день ярко-пестрый...» . . .	0258
«Разбегаются снова поля за окном...»	0260
«Строго и молча, без слов, без угроз...»	0261
«Мне кажется, что в саване я...»	0263
«После долгих скитаний тебя я обрел, моя	
девочка!..»	0265
«Три змеи, три кольца, окружили меня...» . .	0267
«Как из коры точит желтеющую камедь...» .	0269
«Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных...» . .	
0270	
«Проходит день, как смена отражений...» . .	0272
«Я в море не искал таинственных Утопий...»	
0273	
«Опять мой посох приготовлен...»	0278
«— Плохо приходится старому лешему...» . .	0280
«Ступени разрушенной лестницы...»	0281
ЭЛИСУ	0282
ЛИСТОК, СПРЯТАННЫЙ В КОРЕ	0283

«Не как молния, смерти стрела...»	0285
ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ...	0286
ВСХОЖДЕНИЕ	0288
«Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи...»	0290
ДВА ВРАГА	0291
БОЛЬШЕ НИКОГДА	0293
ГЕРМАНИЯ Отрывки	0295
СЕМЕЙНАЯ КАРТИНКА Аллегория	0297
ВИТРАЖ — ТРИПТИХ	0299
«Да, я безумец! я не спорю!..»	0302
«Мелькали мимо снежные поляны...»	0303
МАЙСКИЙ ДОЖДЬ	0304
«Я устал от светов электрических...»	0305
«Ночью ужас беспричинный...»	0307
ПОЛЬША ЕСТЬ! В ответ Эдуарду Слонскому .	0309
«Я прошел пути и перепутаться...»	0311
ЗАВЕТ СВЯТОСЛАВА	0312
К СТАЛЬНЫМ ПТИЦАМ	0314
ЗОВ СТАРИННЫЙ	0316
ЗАГРОБНЫЙ ПРИЗЫВ	0317
«Ты приходишь из страны безвестной...» . .	0318
В АЛЬБОМ	0320
ВСЕ КРАСКИ РАДУГИ	0321
«Волны волос упали...»	0323
<ИЗ ВЕНКА СОНЕТОВ>	0324
«С волнением касаюсь я пера...»	0326
«Пришли рассеяния годы...»	0328

ВЕРНЫЕ ЛИРЕ	0330
ЛЕВ И СВИНЬЯ Басня по Ф. Достоевскому . . .	0332
«Иногда хорошо и отрадно...»	0334
МОЛИТВА	0336
«В круженьи жизни многошумной...»	0337
«Рядность померкла за очерком гор...»	0339
«Закат ударил в окна красные...»	0340
БАЛЛАДА	0341
ВЕЧЕРНИЕ ПЕОНЫ	0343
РИМЛЯНЕ В КИТАЕ 166 г. н. э.	0345
«В том сером доме, в этом переулке...»	0347
«Еще недолгий срок тебе рыдать, река...» . . .	0349
ПОСЛЕ НЕУДАЧИ	0351
КОСЦЫ В «СФЕРЕ ОГНЯ»	0353
VIA ARRIA	0355
«Тот облик вековой огромных городов...» . . .	0356
В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД	0358
КРАТКИЙ ДИФИРАМБ	0360
ГОЛОС ГОРОДА	0361
«На дальней полке мирным строем стоя...» .	0363
ТАБАКЕРКА	0365
СКОЛЬЗЯЩАЯ ТЕРЦИНА (Наброски)	0367
«Я — междумирок. Равен первым...»	0369
«Народные вожди! вы — вал, взметенный бурей...»	0371
«Слепой циклон, опустошив...»	0373
ВЕШНИЕ ВОДЫ Импровизация	0374
«Парки бабье лепетанье...»	0377

ТОМНЫЕ ГРЕЗЫ Вариация	0379
«Ночное небо даль ревниво сжало...»	0381
СОНЕТ	0382
ОКТАВЫ	0383
«В тихом блеске дремлет леска...»	0386
ПОСЛЕ СЕНОКОСА	0387
СВЕТОЧ МЫСЛИ Венок Сонетов	0389
I. АТЛАНТИДА	0389
II. ХАЛДЕЯ	0390
III. ЕГИПЕТ	0391
IV. ЭЛЛАДА	0392
V. ЭЛЛИНИЗМ И РИМ	0393
VI. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ	0394
VII. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ	0395
VIII. СРЕДНИЕ ВЕКА	0396
IX. ВОЗРОЖДЕНИЕ	0397
X. РЕФОРМАЦИЯ	0398
XI. РЕВОЛЮЦИЯ	0399
XII. НАПОЛЕОН	0400
XIII. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК	0401
XIV. МИРОВАЯ ВОЙНА XX ВЕКА	0402
XV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	0403
«Пора! Склоняю взор усталый...»	0404
ВСТУПЛЕНИЕ	0406
ПРАЗДНИК ТРУДА Гимн Первого мая 1919 года	0407
ТРУД	0410
ПЕРВЫЙ ПРИВЕТ	0412

«Что день, то сердце все устaley...»	0413
У ЦЕЛИ	0415
«Сложив стихи, их на год спрятать в стол...»	0417
«Мелькают дни, и с каждым новым годом...»	0419
ЗНАКОМЫЙ СТИХ	0420
EXPOSITIO	0420
EXOUIMUM	0421
НАБРОСОК	0422
«Я доживаю полстолетья...»	0423
«Я выросал в глухое время...»	0425
«Пусть вечно милы посевы, скаты...»	0427
БЕССОННАЯ НОЧЬ	0429
«Гордись! я свой корабль в Египет...»	0431
УНЫНИЕ	0433
ПАЛОМНИЧЕСТВО В ВЕКА	0435
«Не лги, мечта! былого жгуче жаль...»	0437
ДВОРЕЦ ЦЕНТРОМАШИН	0438
«Когда над городом сквозь пыль поют...»	0441
БУНТ	0442
«Мечта внимай! Здесь, в полночи бездонной...»	0443
«Когда стоишь ты в звездном свете...»	0446
«Современность грохочет, грозит, негодует...»	0447
«Не довольно ль вы прошлое нежили...»	0449
«С тех пор как я долго в немом ожидании...»	

0450

«Снова сумрак леса зелен...»	0452
ВСАДНИК В ГОРОДЕ	0454
В ВАГОНЕ	0456
БОЛЕЗНЬ	0458
ВОЗВРАЩАЯСЬ	0460
«Дни для меня не замысловатые фокусы...» .0462	
«Еще раз, может быть, в последний...»	0464
«В священной бездне мглы архангел мне предстал...»	0466
«Эй, рабочие мира! ложь — все то сладкопенье!..»	0469
А. К. ГЛАЗУНОВУ	0470
«Странствующий рыцарь, Дон Кихот!..»	0471
«Быть может, у египетских жрецов...»	0472
«Люблю в закатном замираньи...»	0474
УЛЬТИМАТУМ ВЕСНЫ	0475
РЕСПУБЛИКА ПОСЛЕДНИХ СНОВ	0477
«Развертывается скатерть, как в рассказе о Савле...»	0479
ШАРМАНКА	0481
ГЕРМАНИИ 1923	0483
НА СМЕРТЬ ВОЖДЯ	0486
РЕКВИЕМ На смерть В. И. Ленина (Музыка Моцарта)	0488
«Смерть обмер, тени наклонились...»	0490
«Трава весенняя допела...»	0491
DOLCE FAR NIENTE	0493

«Краткими складками взморщи...»	0495
МАКСИМИЛИАНУ ВОЛОШИНУ	0497
ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ	0499
СОЛОМОН	0500
КРЫМ	0502
«Вот я — обвязан, окован...»	0504
ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ Поэма в 6-ти главах (Обработка и окончание поэмы А. Пушкина)	0506

**Валерий Брюсов
СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ
ВКЛЮЧАВШИЕСЯ В АВТОРС
КИЕ СБОРНИКИ
1891–1924**

ПОЭЗИЯ

«Ты знаешь, чью любовь мы изливаем в звуки?..»

Ты знаешь, чью любовь мы изливаем в звуки?

Ты знаешь, что за скорбь в поэзии царит?

То мира целого желания и муки,

То человечество стремится и грустит.

В молениях о любви, в мучениях разлуки

Не наш, а общий стон в аккордах дивных

слит.

Страдая за себя, мы силою искусства

В гармонии стиха сливаем мира чувства.

18 ноября 1891

ПОЭЗИЯ

«Поэзия везде. Вокруг, во всей природе...»

Поэзия везде. Вокруг, во всей природе,
Ее дыхание пойми и улови —
В житейских мелочах, как в таинстве любви,
В мерцании фонаря, как в солнечном восходе.
Пусть твоя душа хранит на все ответ,
Пусть отразит весь мир природы бесконечной;
Во всем всегда найдет блеск красоты предвечной
И через сумрак чувств прольет идеи свет.
Но пусть в твоей любви не будет поклонения:
Природа для тебя — учитель, не кумир.
Твори — не подражай.
— Поэзия есть мир,
Но мир, преломленный сквозь призму вдохновения.

23 мая 1892

«Я за то свою мысль ненавижу...»

Я за то свою мысль ненавижу,
Что в холодном кристалле ее
Я вчерашнее счастье свое
Беспощадно развенчанным вижу.
Я за то презираю себя,
Что сегодня, как скучную сказку,
Осмею я безумную ласку
И тот миг, где я плакал, любя.
И что страстных признаний порывы,
Что мечты вдохновенный полет
Я сочту за безмолвный расчет
И за пафос заученно-лживый.
17 апреля 1893

ПРИ ПОСЫЛКЕ П. ВЕРЛЕНУ ПЕРЕВОДА «РОМАНСОВ БЕЗ СЛОВ»

Еще покорный ваш вассал,
Я шлю подарок сюзерену,
И горд и счастлив тем, что Сену
Гранитом русским оковал.
23 ноября 1894

ТЕМА ПРЕДЧУВСТВИЙ

Зигзаги
Волны
Отваги
Полны,
И саги
Луны
Во влаге
Слышны!
Запрета
В искусство
Мне нет.
И это
Предчувствий
Сонет.
26 ноября 1894

«Здесь же, в театре, когда-то с тобой...»

Здесь же, в театре, когда-то с тобой
Так же следил я за шумной толпой,
Так же ловил незнакомые взгляды,
Чьи-то движенья и чьи-то наряды.
Нынче и ты здесь смешалась с толпой.
Ныне безмолвно слежу за тобой.
Точно у цепи порвались звенья,
Точно оборвана нить единенья,
Чужды друг другу — бредем мы одни...
Или в золе догорели огни?
Или растерлись в песчинки камня?
Или, и правда, оборваны звенья?
28 ноября 1894

«Чужда мне красота раскинутых степей...»

Чужда мне красота раскинутых степей,
Невнятен ропот океана.

Мне ближе улица с мерцаньем фонарей
Во мгле ненастного тумана.

Я не могу любить беспечное дитя,
Кто чарам отдается слепо.

Мой идеал! В любовь играешь ты шутя,
О, дочь порока иль вертепа!

И молча я смотрю на символы любви,
Не подходя к распятью.

Христос! Забудь меня, напрасно не зови,
Оставь меня проклятью!

29 ноября 1894

«Гнутся высокие лотосы...»

Гнутся высокие лотосы,
До неба высятся маки,
И воскрешенные образы
Медленно бродят во мраке.
Ночь, где Адамовы головы
Машут крылами вампира,—
Где от полета тяжелого
Зыблется зеркало мира!
Стонешь и бьешься в усилии
Грез разорвать вереницы,
Ширятся черные лилии
Куполом бледной гробницы.
30 ноября 1894

«У друга на груди забылася она...»

У друга на груди забылася она
В каюте, убранной коврами и цветами,
И первый сон ее баюкала волна
Созвучными струями.
На чуждом берегу она пробуждена,
Ни паруса вдали над синими волнами,
И безответная мерцает тишина
Над лесом и полями.
Она покинута! И на пыли дорог,
Упав, она лежит, рыдая, пламенея,
То мщение зовет, то молит за Тезея.
А из лесу меж тем выходит юный бог,
Вот, в шкуре тигровой, в гирлянде вино-
градной,
Он, очарованный, стоит над Ариадной.
3 декабря 1894

«Что за тени: ты ли, греза?..»

Что за тени: ты ли, греза?
Ты ли, дума о былом?
Точно листьями береза
Шевельнулась за стеклом.
И прозрачные узоры,
Расплетаясь на полу,
Шелохнули жизнью мглу,
Обманули светом взоры.
Что за грезы, что за звуки,
Что за тени под окном?
Ты ли, дума о былом,
Ты ль, мелодия разлуки!
Легкой сеткою березы
Разбивается луна.
Что за звуки, что за грезы,
Что за тени у окна!
12 декабря 1894

«Печален был туманный взор...»

Печален был туманный взор,
Слова невнятные и короткие,
А я разглядывал узор
Перебегающей решетки.
И был мне чуждым этот миг,
Слова упреков, обвиненья...
Казалось, звук речей твоих
Чуть долетал из отдаленья.
И поднял я к тебе глаза,
Прощаясь с бронзовой решеткой.
Твой взор глядел темно и кротко,
И в нем дробилась слеза.
14 декабря 1894

«Сегодня мертвые цветы...»

Сегодня мертвые цветы
Из пышной вазы вынимая,
Я увидел на них мечты,
Твои мечты, о дорогая!
Весь вечер здесь мечтала ты,
Благоухание вдыхая,—
И мысль твоя, еще живая,
Порхнула в свежие листы.
Стою смущенный богомольно,
И в грезах высится невольно
Вокруг меня забытый храм.
Звучит божественное пенье,
И я ловлю твои движенья,
Твои молитвы к небесам.
Декабрь 1894

«Мне дорог весь мир...»

Мне дорог весь мир.
От неба до неба
Протянуты звонкие нити.
Болотная лилия,
Пыльная роза,
Цветы, и венки, и гирлянды
Скользят и спускаются,
Тихо касаются
Легких, чуть видимых струн.
Дивная музыка —
Тайны гармонии
Чуть пробуждаются,
Тихо качаются
В тених безмолвной души.
От сердца до неба
Протянуты звонкие струны.
Мне дорог весь мир.
Декабрь 1894

КУЧИ СВЕЗЕННОГО СНЕГА

Кучи свезенного снега.
Лужи, ручьи и земля...
Дышит весенняя нега
В этом конце февраля.
Образы, ночи греховной
Гаснут и тают, как сон;
Сердцу привольно — и словно
Прошлomu я возвращен.
Прежним беспечным мальчишкой
Я пробираюсь домой,
Ранец сжимаю под мышкой,
Шлепаю в воду ногой.
Счастье-то! нынче суббота!
Завтра — раздолье игре,
Завтра война и охота
Будут у нас на дворе.
Мы заготовили копья,
Сделали ружей запас
(Грязные снежные хлопья
Пулями служат у нас).
План я устрою счастливо,
Смело врагов разобью —
И отпирую на диво

Новую славу свою...
Веря грядущей победе,
Мчусь я по лужам домой
И на беспечных соседей
Брызжу и брызжу водой.
В воздухе ж юная нега,
Всюду следы февраля,
Кучи свезенного снега,
Лужи, ручьи и земля.
24 февраля 1895

«Слово бросает на камни одни бестелесные тени...»

Слово бросает на камни одни бестелесные
тени,

В истине нет ни сиянья, ни красок, ни
тьмы.

Четко шаги раздаются, и мы

Тихо проходим ступени

Всех заблуждений

К двери тюрьмы.

6 марта 1895

В БИБЛИОТЕКЕ

Э то было однажды... то было лишь раз.
Я лишь раз сознавал, что мы близки...
Э тот час?.. Он один был действительный
час,

Все другие — поблеклые списки!
Уловив за ресницами проблески глаз,
Мы боялись желанных объятий,
Но бегущая стрелка замедлила час,
Замерла на ночном циферблате.
Золотистые тени подернули нас.
Мы искали... мы смутно дышали,
Мы стремились, бояся достигнуть... и час
Прозвенел в отуманенной дали.
Э то было однажды... то было лишь раз.
Ожиданья... томленья... и муки,
Разгоревшийся взор за туманом погас,
И сплелись задрожавшие руки.
О! Ты помнишь заветно мистический час,
Тайный час на ночном циферблате.
Мы слетели во глубь отуманенных глаз,
Мы дышали ответом объятий.
Золотистые тени подернули нас...
Ожиданья, томленья и муки,

Разгоревшийся взор за туманом погас,
И сплелись задрожавшие руки.
Март 1895

«Призра́з луны непоня́тен глаза́м...»

Призра́к луны непоня́тен глаза́м,
Прошло́е ды́мкой тумана́ повито.
В траурных пла́тьях безмолвная́ свита,
Лица́ закры́ты, идет по́ пятам.
Призра́к луны непоня́тен глаза́м,
Хочешь́ посмотре́ться... Но тщетно! но тщетно!

Лиц не́заметно, иду́т безответно,
В траурных пла́тьях иду́т по́ пятам.
С бере́га к бере́гу вею́т вопро́сы,
Шепче́т камы́ш — но ве́черние росы́
Вместе́ с тумано́м ле́гли по́ цветам.
К небу́ восхо́дят холмы́ и утесы́,
Смутные́ тайны́ иду́т по́ пятам,
Призра́к луны непоня́тен глаза́м.
Ма́рт 1895

«Светлым гаснущим закатом...»

Светлым гаснущим закатом
Даль небес озарена,
И на небе розоватом
Дышит ранняя луна.
Дышит, смотрит: всюду ясно,
Говор, топот, шум колес...
«Где ты, сумрак безучастный!
Аромат теней и роз!
Ночью — страстная вакханка,
В блеске дня я всем смешна...»
И на небе чужестранка
Дышит бледная луна.
Апрель 1895

«Умрем в объятиях полночной тишины!..»

Умрем в объятиях полночной тишины!

Я так утомлена, а ты однообразен,
Желания давно расплетены,
И разговор бессвязен.

Умрем в объятиях полночной тишины.

И вспомнится мне ночь... Немая мгла кру-
гом.

Он также рядом спит с улыбкою беспеч-
ной...

Душа полна и страхом, и стыдом,
И скорбью бесконечной.

Кругом молчание, немая мгла кругом.

Идет за часом час — все ближе новый
день.

Рассвет так страшен мне — так страшно
пробужденье.

Закрыв глаза, я вся ложуся в тень,
Ищу минутного забвенья...

Рассвет неумолим — все ближе, ближе
день.

О, если б ночь могла повиснуть навсегда!

О, если б и душа была бы тьмой одета!
Но день идет, мой первый день стыда,
Горят лучи рассвета.

Все кончено... он здесь... он здесь и навсегда!

30 апреля 1896

«Белеет ночь. Деревья сквера...»

Белеет ночь. Деревья сквера
Гигантским мохом поднялись.
Вот из-за крыш луна-химера
Приозарила светом высь.
И в фосфорическом сияньи
Открылся бледный мир чудес:
Дома стоят, как изваянья,
Висит, как полог, свод небес.
Как декорации феерий,
Деревья тянутся к луне.
И кто-то есть в пустынном сквере,
Поднявший руки к вышине.
1 мая 1896

«Небо задернула бледная пленка...»

Небо задернула бледная пленка,
Солнце мигает, и солнце бледно...
Мой дорогой, посмотри же в окно!
Сердце, беспечное сердце ребенка,
Снова счастливо и снова полно —
Этой минуты ждала я давно!
Знаешь, в сиянии солнца мне стыдно,
Знаешь, во мгле и с тобой мне смешно.
Этой минуты ждала я давно.
Мне хорошо, никому не завидно...
Сердце беспечно, и сердце полно...
Мой дорогой! Посмотри же в окно!
1 мая 1895

«За годами год, девятнадцатый год...»

За годами год, девятнадцатый год
Висит надо мною недвижимый свод,
Недвижимый свод неподвижной тюрьмы,
Обвеянный Ужасом Тьмы...

За годами год вереницею лет —
Висит надо мною бесформенный бред,
И с дикою грезой напрасна борьба —
Кошмар не оставит раба.

В усильях проснуться всегда истомлен,
Я снова хочу погрузиться в тот сон,
Где тени видений покинут меня,
Чтоб утром проснуться для дня.

Но нет возвращенья ко сну моему,
В неясном кошмаре я вижу тюрьму,
И сам узнаю свой бесформенный бред,
И бьюсь — и спасения нет...

Я сам сознаю, что немного минут
Продлится кошмар, но минуты бегут,
Я годы считаю, и время идет,
Идет девятнадцатый год.

Май 1895

«Грезы быстрые, как чайки...»

Грезы быстрые, как чайки,
Мчатся в область тайных снов,
Но доносится с лужайки
Стук крокетных молотков.
О, как странно в эти сферы
Жизни звук перенести —
Рифмы, образы, размеры
Разбегаются с пути...
И еще в больном экстазе
Веют призраки вдали,
Но уже из мглы фантазии
Я смотрю на день земли.
Май 1895

«Вся жизнь моя — бесформенная греза...»

Вся жизнь моя — бесформенная греза,
И правды нет в бреду, и смысла нет во
сне —

Но пробуждение, как Бледная Угроза,
Приникло медленно ко мне.

Я чувствую сквозь сон, что вот взовьются
шторы,

Вот брызнет свет в окно и позовет меня,

И тут же в первый миг пред ярким светом
дня

Смущенные поникнут взоры.

18 мая 1895

РАННЯЯ ВЕСНА

Темнеет. Тонкая луна
Стоит на небе сиротливо,
Сквозь раму дачного окна
К нам веет ранняя весна,
А по стеклу трепещет ива.
Зима прошла. И вот мы вновь
Глядим с тобою в те же стекла...
Воспоминаний не готовь!
Былая летняя любовь
Под зимней стужею поблекла.
Все глубже тень... и ты дрожишь,
И мы сидим так близко рядом —
А на душе немая тишь,
И вокруг молчание — и лишь
Вороны каркают над садом.
18 мая 1895

«На самом дне мучительной темницы...»

На самом дне мучительной темницы

Я властелин сознания и мечты!

И предо мной в тумане темноты

Являются созданы красоты,

Прносятся и образы, и лица.

Я властелин всесильного сознания,

Весь дивный мир я создаю в себе,

И кто убьет в окованном рабе

Презрение к темнице и судьбе,

Свободу грез, могущество сознания?

Скрипи, замок, у черного порога,

Звените вы, ручные кандалы.

Со мной мой свет — среди бессменной

МГЛЫ,

Со мной мечты — свободны и светлы,—

И выше я людей, царей и бога!

22 мая 1895

«Без обоев бревна и тес...»

Без обоев бревна и тес,
А в окне — все дали вселенной!
Факел жизни мгновенной
Стоит ли вечности грез?
В омраченной глуби столетий,
Точно пятна — смена племен.
Выше! там небосклон
Тонет в божественном свете.
Ореол земного венца
Подчинен дыханию века,
Но мечта человека
Так же, как мир, — без конца.
22 мая 1895

«Я свечку погасил — и прямо ПОД ОКНОМ...»

Я свечку погасил — и прямо под окном
Зеленоватый свет означил арабески,
И тень черемухи легла на занавески,
И проза комнаты сменилась волшебством.
Волшебница-луна, ты льешь лучи напрас-
но,
Мне некому шептать влюбленные слова,
Для вдохновенных грез моя душа мертва,
Забота царствует над мыслью полновласт-
но.
Но бледная луна не слышит этих слов,
Она не для людей рисует арабески
И гордо тайная, плывет в волшебном блес-
ке,
Сама полна мечты, сама в истоме снов.
24 мая 1895

СПИНОЗИАНЫ

Утром жадно пахнут розы,
Утром грезы грезят вслух —
И холодный бог Спинозы
Для меня и нем, и глух.
Но вечерний мрак наляжет
На раскрытые цветы.
«Ты — один», — мне кто-то скажет,
«Мы — одни», — вздохнут мечты.
Нет веселости беспечной,
И душе, во мгле тревог,
Так понятен бесконечный
И предвечно-мертвый бог.
Июнь 1895

«Я люблю у застав переулки Москвы...»

Я люблю у застав переулки Москвы,
Разноцветные, узкие, длинные,
По углам у заборов обрывки травы,
Тротуары, и в полдень пустынные.
Эта тихая жизнь, эта жизнь слободы,
Эта тишь в долетающем грохоте,
Там свободно на сердце свевают следы
Городской утомительной похоти.
В рассмеявшейся паре у ближних ворот
Открывается сердцу идиллия,
И от скучного хора всемирных забот
Я к стихам уношусь без усилия.
28 июня 1895

«Я часто размышлял о сущности вещей...»

*Тоска неясная о чем-то неземном.
Минский*

Я часто размышлял о сущности вещей,
Я их лишал и красок, и пространства,
Но все ж не мог лишить последнего убран-
ства
И видел смутный рой мелькающих теней.
И я боролся вновь, и вновь искал вселен-
ной
Вне времени, вне всяких чувств моих.
Она являлась мне, но искрою мгновенной,
Мелькнувшей в вечности и жившей толь-
ко миг.

27 июля. 1895

К ВЕТРАМ

Заветные ветры! скользя по пустыне,
Развейте мою молодую тоску,
Пусть ляжет она, как посев, по песку,
Пускай прорастет в волчеце и полыни.
Скажите, скажите — зачем одинок
Сидит в стороне он, задумчиво-хмурый,
У ног своих чертит тростинкой фигуры
И долго, и долго глядит на песок.
Зачем, почему он, бродя по становью,
Глядит только в землю, молчанье храня,
Тогда как другие — все славят меня,
И мучат стихами, и мучат любовью.
Покинув палатку, зачем по ночам
Он долго глядит на небесные знаки?
Какие заклятья он шепчет во мраке?
О чем говорит безответным пескам?
Он ей отдался, бесконечной пустыне,
Он шепчет признанья звездам и песку —
Развейте же, ветры, развейте тоску,
Она прорастет в волчеце и полыни.

7 августа 1895

ДВА МАКА

Наши души — два яркие мака,
У которых сплелись лепестки;
Опуская во мглу стебельки,
Их головки сверкают из мрака.
О как пусто, как темно кругом!
Что вокруг — мы не знаем, не знаем,
Но друг друга мы жадно ласкаем,
Мы живем, потому что — вдвоем!
Пролетит ураган издалека,
Эти стебли откинёт во мрак...
Осыпайся, надломленный мак,
Ты не в силах цвести одиноко.
7 августа 1895

ВЕСТАЛКА

У забора, где травы так редки,
Как весталки, — горды, молчаливы,
Прижимаясь к краю беседки,
Подымаются стебли крапивы.
Позабыты, отвергнуты садом,
Эти жесткие стебли угрюмы,
И наполнены девственным ядом
Неизменные, злобные думы.
Вот над ними проносятся тучки,
Вот лучи пробегают стыдливо,—
Но всегда наготове колючки,
И всегда недовольна крапива.
16 августа 1895

СЛИШКОМ

Слишком, слишком много счастья!
Переполнена душа,
И стою я, не дыша,
И к ногам готов упасть я.
Звуки, звуки! Гимн победный,
Песни, строфы торжества!
Но зачем же все слова
Слишком жалки, слишком бледны!
И стою — стою безмолвно,
Жду неведомых стихов,
Но для грезы нету слов:
Слишком, слишком сердце полно!
17 августа 1896

«Торжественно-больное беспокойство...»

Торжественно-больное беспокойство,
В тебе родник невысказанных строф.
Я так томлюсь, я зарыдать готов,
Но верую в целительное свойство
Задумчиво слагаемых стихов.
В какой же мир уносятся квинтины?
К каким, к каким и рифмам и мечтам?
Лежит туман над далями картины.
И лишь дрожат листвою апельсины,
И лишь волна дробится по камням.
Я шлю привет и контурам акаций,
И дальнему встающему лучу...
Но вдруг дрожу — бессильно хохочу,
Ломаю, рву игрушки декораций,
Зову мечту... зову я. — и кричу!
А! Это что? десятки новолуний,
Расплавленный текущий алебастр —
И я плыву среди горящих астр.
А летний день слился с весной в июне,
И зло с добром сосватал Зороастр...
Измученный, я надаю... подушки

Горят огнем... в раскрытое окно
Далеких ветл виднеются верхушки.
Все просто так, все тихо, все темно,—
И квакают на озере лягушки.

17 августа 1895

«Полно, не во сне ли видел я вчера...»

Полно, не во сне ли видел я вчера,
Что воскресли снова наши вечера!
Полно, не во сне ли я бродил с тобой,
Любовался небом в ризе голубой.
Нынче дождь беззвучно бьет в мое стекло,
Тучами все небо нынче облегло,
Годы, как и прежде, делят нас с тобой,
И готов смириться вновь я пред судьбой.
17 августа 1895

«Иду по бульвару. В померкшей листве...»

Иду по бульвару. В померкшей листве,
Как бабочки, роем блестят фонари,
Как бабочки, роем в моей голове
Нелепые думы шумят и. шумят.
И сумрачны дали вечерней зари,
И в думах туманен закат.
Какие-то грезы, как Солнце, зашли,
Какая-то ложь, точно сумрак, легла,
Все странно, все чуждо — вблизи и вдали,
Иду, позабывши куда и зачем.
Иду — безответна туманная мгла,
И свет отуманенный — нем.
Неясные думы проходят в уме,
И так же проходят фигуры людей:
Мелькнувши на миг, исчезают во тьме
И снова, мелькнувши, приходят назад,
И снова спешат, и во мраке аллея
Идут и идут наугад...
И нету предела земному пути,
И мы не дождемся желанной зари!
Мы будем всю ночь неизменно идти,

Не зная, куда и зачем мы идем,
И будут гореть нам в листве фонари,
Гореть похоронным огнем.
1 сентября 1895

ОХОТА ЗА КАБАНОМ

Я слышу лай моих любимых дум,
Их голоса и радостны, и звонки;
И вот к крыльцу коня подводит грум,
И вот Мечта — с хлыстом и в амазонке.
Вперед! вперед! Взвились и летим,
Скалистый путь; о камни бьют копыта;
Вершины гор свиваются, как дым;
Как дальний вихрь, спешит за нами свита.
Вперед! вперед! затравленный кабан
Все ближе к нам; все громче свист и кри-
ки...

Но вдруг обрыв, — бездонный океан...
Плыви, мой конь, по волнам Атлантики!
Вода и ночь, и звезд на небе нет;
Друзья плывут, во мгле друг друга клича.
Со мной Мечта — туманный силуэт,
А там вдали — желанная добыча.
17 сентября 1895

«В глуби пустыни, в безвестном оазе...»

В глуби пустыни, в безвестном оазе
Я жил одиноко, любимец фантазий.
Ночь для меня одевалась в блески,
Ручей повторял усыпленные всплески,
Пальмы шептали, цветы лепетали...
Закат распускался в причудливой дали.
В глуби пустыни, в безвестном оазе
Я годы провел в опьянении фантазий.
И так странно-неприятно было мне услы-
шать ропот,
Полувнятный дальний рокот,
Голоса и конский топот,
Было мне слышать странно
Ропот жизни караванной.
Увидать коней и женщин, и товары, и па-
латки.
Я в рабах искал загадки,
Нагруженному верблюду
Я дивился, точно чуду,
От людей я сторонился,
И, смотря, как те повсюду смело ходят, топ-

Чут травы,

Волны мутят для забавы,
Я страдал, и я томился,
И фантазии молился,
Но ушел караван, я остался один

Посреди незаметных руин.
И так чуждо, и так странно
В вечер мглистый и туманный
Прозвучали в дали звуки,
Звуки жизни караванной.

И так чуждо, и так странно
Замелькали в мгле туманной
Пестро крашенные вьюки,
Поезд шумный и неожиданный.

И, в оазе фантазий таинственный царь,
Я пришельцев встречал, словно робкий ди-
карь,

Укрывался от них за кустами алоэ,
Я от женщин бежал, я дрожал пред раба-
ми,

А в душе у меня, как цветок над сухими
стеблями,

Расцветало Былое.

26 сентября 1895

«Дрожащие листья на бледные щеки...»

Дрожащие листья на бледные щеки
Изменчиво клали минутные тени,
И, чуть шелестя, заглушали упреки.
Дрожащие листья, как темные пятна,
Мелькали, скользили по звездному фону,
И ты и они — вы шептали невнятно.
Как лиственный шелест, звучали укоры,
Как бледные звезды, за дымкою листьев,
Смотрели, сквозь слезы, печальные взоры,
И тени ложились на бледные щеки,
И тени скользили, дрожали минутно,
И чуть долетали из дали упреки.
1 октября 1895

А. М. ДОБРОЛЮБОВУ

Смутно куритесь, туманы былого!

Месяц безжизненный встал, освещая тропинку по скалам.

Каждый из нас угадал в полумраке другого,

Но, сойдясь на пути к непонятно одним идеалам,

Ропотно мы не сказали ни слова.

Блеск умирал на немом небосклоне,

Странно-чудовищны были холодные глубины дороги,

Изредка ты воскресал на сбегающем склоне,

Но все чаще грозили утесов сухие отроги,

И забывалось эхо гармоний.

Месяц безжизненный встал— и на самом

Пике горы вдохновенно-больную фигуру отметил.

Небо раскинулось вдруг недосказанным храмом,

Это ты мне мелькнул, и бесстрастно-восторжен, и светел...

Мчитесь, куритесь, стихи, фимиамом.

4 октября 1895

СТИХИ О ЛЮБВИ

За тонкой стеной замирала рояль,
Шумели слышней и слышней разгово-
ры,—

Ко мне ты вошла, хороша, как печаль,

Вошла, подняла утомленные взоры...

За тонкой стеной зарыдала рояль.

Я понял без слов золотое признание,

И ты угадала безмолвный ответ...

Дрожащие руки сплелись без сознанья,

Сквозь слезы заискрился радужный свет,

И эти огни заменили признанья.

Бессильно, безвольно — лицо у лица —

Каким-то мечтам мы вдвоем отдавались,

Согласно и слышно стучали сердца,—

А там, за стеной, голоса раздавались,

И звуки рояля росли без конца.

23 октября 1896

ПОДЗЕМНЫЕ РАСТЕНИЯ (Лилейно-сосновый сонет)

Внутри земли, в холодном царстве тьмы,
Заклочены невидимые воды,
Они живут без света и свободы
В немых стенах удушливой тюрьмы.
Им снится луг, зеленые холмы,
Журчанье струй на празднике природы,
И горные мятежные проходы,
И блеск парчи на пологе зимы.
В томлении ручьи ползут. Упорно
Ползут ручьи за шагом шаг вперед
И роют путь в своей темнице черной.
И — знаю я! — великий день придет,
Напор воды пробьет гранит холодный,
И брызнет ключ торжественно-свободный!
25 ноября 1895

К СОЛНЦУ

Посв. А. Курсинскому

Летит земля на крыльях духа тьмы,
Летит навстречу солнцу,
И сонный город, и наш путь, и мы,
И мы стремимся к солнцу.
Еще в душе глядят ее глаза,
Неясное виденье полуночи.
Еще звучат, как отзвук, голоса,
Гремевшие в минуту полуночи.
Но рядом с ней — забытый силуэт,
Забытый лик, магически манящий,
И новый хор из дали шлет ответ,
Невнятный гимн, магически манящий.
И мы с тобой, мой брат, мой спутник, мы
Вдыхаем гимны солнцу,
И шар земли на крыльях духа тьмы
Летит навстречу солнцу.

26 ноября 1895

ПЕСНЯ

Во мгле ночной
Горят огни,
А надо мной
Глаза твои.
Зачем же ты,
Улыбка дня,
У темноты
Нашла меня?
Здесь мой приют,
Молчанье снов,
Здесь смерть минут
И жизнь цветов.
Зачем в мой сад,
В немой цветник,
Твой дерзкий взгляд,
Как луч, проник?
В нем свет и ложь,
Ложь красоты,—
И ты сожжешь
Мои цветы.
Смотри, смотри,
Они горят —
В лучах зари,

Как прах, лежат,
И пепел их
Несется вдаль,
Закрыв эмаль
Очей твоих.
25 декабря 1895

ОДНОСТРОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Я прекрасна, о смертный! Как греза камней!
27 ноября 1894

II

Никогда не смеюсь, никогда я не плачу.
27 ноября 1894

III

И никого, и ничего в ответ.
24 августа 1895

IV

Твои глаза простят мои мечты.
24 августа 1895

V

На бледный лик луны упал дрожащий
свет...
Август 1895

ЭПИТАЛАМА

*И что один твой выражает взгляд,
Того весь мир пересказать не может.*
Фет

Примите скромный триолет,
Где вам звучит эпиталама,
Встречая в жизни новый свет,
Примите скромный триолет!
В дверях торжественного храма,
Как поздравленье, как привет,
Примите скромный триолет,
Где вам звучит эпиталама.
Не выразит смущенный стих
Порыва девственных желаний,
Он слаб, он глух, он нем для них!
Не выразит смущенный стих
Сулимых вам очарований!
Простите робость слов моих:
Не выразит смущенный стих
Порыва девственных желаний!

7 января 1896

«Сквозь разноцветные стекла закат...»

Леле

Сквозь разноцветные стекла закат
Чертил узорами пол —
Я дверь толкнул наугад
И несмелым движеньем вошел.
Стояла она у окна,
Смотря в догоравшую даль —
Она была странно бледна,
Она вся была, как печаль.
Но вдруг, мой взор уловив,
Отступила быстро к стене
И потом — вся мечта, вся порыв —
Протянула руки ко мне.
И мы сидели вдвоем,
Вдвоем, как два года назад...
На стеклах тусклым огнем
Горел пурпурный закат.
И мы любовались всем,
И так счастливы были тогда,
Что нам было смешно — зачем
Мы страдали эти года...

Проснувшись — один я опять,
Но память злобно светла,
И должен я вновь сознавать,
Что два года, как ты умерла.
10 января 1896

«Женский голос — он прозрачен...»

Женский голос — он прозрачен,
Как дрожащее стекло,
И, предчувствием охвачен,
Я молчу, склонив весло.
Ясный луч мелькает в волнах,
Разгораются леса.
Над четой полей безмолвных
Побледнела полоса.
Солнце всходит выше, выше!
Здравствуй, полдень! день побед!
Женский голос тише, тише —
Долетает, как привет.
27 января 1896

«Не говори мне, что ты любишь меня!..»

Не говори мне, что ты любишь меня!

Я боюсь аромата роз,

Я боюсь опьянений дня,—

Не говори мне, мой милый, что ты любишь меня.

Я люблю часы задумчивых слез,

Я люблю мечты — о невозможном.

В нежных фиалках неисполненных грез

Фантазии больше, чем в запахе роз.

О, если бы жить всегда в волненьи тревожном,

Чего-то искать, не зная чего,

Не встречаясь со счастьем ничтожным...

О, если бы жить невозможным!

12 февраля 1896

«Последним отблеском овеянный...»

Последним отблеском овеянный,
Смотрю вперед,
Вдали туман, едва рассеянный,
Опять плывет.
Случайный свет блеснул нерадостно
И гаснет вновь,
Все ближе ночь, где веет сладостно
Одна любовь.
Да будет проклят зов ласкающий
Земных надежд
И аромат благоухающий
С твоих одежд!
Ты вся дрожишь, сверкая ласками,
В венце из роз,
Но не могу упиться сказками —
Без вечных грез.
23 мая 1896

Я ЛЮБЛЮ ДРУГОГО

Летний вечер пышен,
Летний вечер снова...
Мне твой голос слышен:
«Я люблю другого».
Сердца горький трепет
Полон чар былого...
Слышен тихий лепет:
«Я люблю другого».
Смолкни, праздный ропот!
Прочь, упрек! Ни слова!..
Слышен, слышен шепот:
«Я люблю другого».
12 июля 1896

«Я угадал за яркой сменой...»

Я угадал за яркой сменой
Твоих младенческих забав
И море, блещущее пеной,
И аромат прибрежных трав.
С улыбкой резвой и беспечной
Ты подняла свои глаза,
А на меня — угрозой вечной
Пахнула шумная гроза.
И вот теперь, с тобой не споря,
Тебя приветствуя без слов,
Я слышу дальний ропот моря
И крики тонущих пловцов.
13 июля 1896

«Дальний шум фонтана...»

Дальний шум фонтана,
Листьев тихий шум...
Сладок миг обмана,
Миг туманных дум.
Я молюсь кому-то,
Я дышу весной,
Веря на минуту
Красоте земной.
Август 1896

ЛЕТНИЙ ПРАЗДНИК

Затерявшись в толпе, я люблю
Мечтать и словам отдаваться
И, любясь на грезу свою,
Над миром далеким смеяться.
Окружающий говор и шум
До меня изредка долетает,
Но моих недосказанных дум
Никто никогда не узнает.
О, пусть и грядущий пророк
В этом мире земных вакханалий
Блуждает, всегда одинок,
Разбивая святыя скрижали.
15 августа 1896

«Отвращенье...»

Отвращенье
И желанья —
Это звенья
Отрицанья.
Новой цепи
Странный трепет.
Это — в склепе
Чей-то лепет.
Зов домчался
До гробницы,
И ворвался
Луч денницы.
12 сентября 1896

«Есть одно, о чем плачу я горько...»

Есть одно, о чем плачу я горько:
Это прошлые дни,
Это дни восхитительных оргий
И безумной любви.
Есть одно, что мне горестно вспомнит!.:
Это прошлые дни.
Аромат опьяняющих комнат
И приветы любви.
Есть одно, что я проклял, что проклял:
Это прошлые дни,
Это дни, озаренные в строфах,
Это строфы мои.
2 октября 1896

«Черный лес луной пронизан...»

Черный лес луной пронизан,
Светом озарен —
Я томлюсь от жажды жизни,
Я дрожу сквозь сон.
Бледных духов вереница
Реет над землей —
Черный лес луной пронизан,
Мертвою луной.
В этом странном мире веток
Жил когда-то я,
Черный лее пронизан светом,
Светом бытия.
15 октября 1896

«Речи несмелых признаний...»

Речи несмелых признаний,
Тихие речи любви —
Смысл их неясен и странен,
Тайна их — тайна души.
Нет, не рассудком проникнуть
В глубь озаренной души —
Гаснут, едва лишь возникнув,
Тихие речи любви.
Вслушайся думой и сердцем,
Слушай тревогой души —
Только на миг достоверны
Тихие речи любви.
17 января 1897

К ПРОШЛОМУ

Для кого я пишу? — не знаю:
Читателей нет у меня.
Но спокойной улыбкой встречаю
Рассвет восходящего дня.

Восторгов не даст вдохновенье,
Не за них поклоняюсь мечте;
Я, как жрец, воссылаю моления
Безответной, немой красоте.
Здесь, за гранью причин и целей,
Погасает ненужный вопрос.
И нетленный цветок асфоделей —
Вот символ области грез.
23 января 1897

«В последний раз пропел петух...»

*День — сей сияющий покров.
Тютчев*

В последний раз пропел петух,
Уходят духи с тяжким стоном,
И белый день плывет вокруг,
И воздух полон ранним звоном.
Вставайте! — счастье, думы, труд
Для вас воскресли в новом свете,
Вас слуги солнца берегут,
Во мгле природы вы, как дети.
А я, бессонный гость ночей,
Я — собеседник ваш случайный,
Я сквозь покров дневных лучей
Все вижу мир — родной и тайный.
7 февраля 1897

«Люблю я вспоминать утраченные дни...»

Люблю я вспоминать утраченные дни.
С укором горестным являются они
И душу тяготят правдивыми словами.
Понятен их упрек. Я плачу. Со слезами
Клянусь исправиться и сквозь желаний
бред
Шепчу томительно, что цели в жизни нет.
12 февраля 1897

ПОЛИКРАТ

К Эде

Я читал у поэтов о счастье, похожем на сон,
А теперь я блаженством таким же и сам
опьянен.

Я серьезно боюсь, что проснуся. Второй По-
ликрат,

Я такому блаженству, избытку блаженства
не рад.

Не сложить ли для публики несколько
плохоньких
строф,

Чтобы тем успокоить всегдашнюю зависть
богов.

26 июня 1897

«Если мне суждено умереть...»

Если мне суждено умереть,
Не окончив начатых созданий,
Я о планах не стану жалеть:
Их свершит грядущий избранник.
Если мне суждено умереть,
Не достигнув высот просветленья,
Я об этом не стану жалеть:
Нет предела для вечных стремлений.
Я иду! Я готов умереть,
Я страданьем купил это право,
И не мне, умирая, скорбеть
О душе, о искусстве, о славе.
25 июля 1897

«Мы гордо людей презираем...»

Мы гордо людей презираем,
Нам законом — наши желанья,
И мы бесконечно страдаем,
Но в гордости любим страданья.
И если святые порывы
Пробудят в сердце участие,
Мы вдруг безмерно счастливы
И стыдимся этого счастья.
13 августа 1897

«Твои стихи — как луч случайный...»

К. Бальмонту

Твои стихи — как луч случайный
Над вечной бездной темноты.
И вот — мучительною тайной
Во мгле заискрились цветы.
Покорны властному сиянью,
Горят и зыблются они,
И вдаль уходят легкой тканью,
Сплетая краски и огни...
Но дрогнет ветер, налетая,
Узоры взвевет и порвет,
И тот же луч, дрожа и тая,
Бессильно в бездну упадет.
20 ноября 1897

ВЕСЕННЯЯ ПОЭМА

1

И серое небо, и проволок сети,
Саней ускользящий бег;
И вдруг предо мной в электрическом свете
Вуаль, словно искристый снег.
И взор промелькнул утомленной загадкой,
Я видел, и вот его нет.
Мгновение тайны так странно, так кратко,
— Но здесь он, он в сердце — ответ!

2

И томлюсь я с тех пор,
Невозможно мне жить.
Тот мучительный взор
Не могу я забыть.
Я и жду, и молю,
И брожу, как в бреду,
Эту душу твою
Я нигде не найду.
Электрический свет,
Тихий шелест саней,
И бессильный ответ
С вечной думой о ней.

3

Она предо мною прошла, как земная,
В сиянии яркого дня,
И, легкой улыбкой свой взор оттеняя,
Взглянула она на меня.
Шумели извозчики, бегали дети,
Я слышал раскатистый смех...
О, серое небо, о, проволоки сети,
О, тающий, тающий снег,
29 ноября 1897

ВСТУПЛЕНИЯ К ПОЭМЕ «АТЛАНТИДА»

I

Муза в измятом венке, богиня, забытая миром!

Я один из немногих, кто верен прежним кумирам;

В храме оставленном есть несказанная прелесть, — и ныне

Я приношу фимиам к алтарю забытой святыни.

Словно поблеклые листья под дерзкой ласкою ветра,

Робко трепещут слова в дыхании древнего метра,

Словно путницы-сестры, уставши на долгой дороге,

Рифма склоняется к рифме в стыдливо смутной тревоге,

Что-то странное дышит в звуках античных гармоний —

Это месяц зажегся на бледно-ночном небосклоне.

Месяц! Мой друг неизменный! В твоём томительном свете

Тихо катилися ночи и прошлых, далеких столетий.

То, что для нас погасло, что взято безмолвной могилой,

То для тебя когда-то юным и родственным было.

Февраль 1897

О, двойственность природы и искусства!

Весь зримый мир — последнее звено

Преимственных бессильных отражений.

И лишь мечта ведет нас в мир иной,

В мир Истины, где сущности видений.

Но и мечта покорна праху: ей

Приходится носить одежду праха.

Постичь ее вне формы мы не можем...

1897

ОТРЫВОК

Небо — серое от туч,
Камни — серые от влаги,
Утомленно виснут флаги,
День не нужен и тягуч.
Грустный час воспоминаний!
Их без слов встречаю я
В тихой музыке дождя,
В дальнем матовом тумане.
Слышу смутные слова,
Угадать не смею лица.
Жизнь — открытая гробница
Властной волею волхва.
Апрель 1898

ПИФИЯ

Волны приходят, и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий;
По морю тени туманные бродят;
Чайки летят и кричат, как в тревоге.
Шум приближенья и хор отдаленный.
Горе! Былое — как светлая сказка!
Статуи, золото, стены, колонны!
Давит виски мне святая повязка.
Вот они входят, — упрямые лица:
Нет, не могу я! Пустите! Довольно!
— Тщетно бороться, безумная жрица,
Ты их рабыня... Как стыдно и больно.
Запах пьянит, меня пряной отравой,
Вырвались звуки из пропасти синей...
Смертные, — прочь! поклоняйтесь мне!

Слава!

В сонм олимпийцев вступаю богиней.

2 мая 1898

ПОЛНОЛУНИЕ

Мы волны морские, мы дышим луной,
Но утром не скажем о тайне ночной,
И день не узнает, как трепетный сон
Полночным призывом, заклятьем смущен.
И, вздрогнув, встаем мы в венце из огней,
И бьемся и рвемся из мира теней,
И к небу взлетаем, мятежно сплетясь,
И жаждем порвать беспредельную связь,—
Но, берег найдя, у его рубежа
Мы вдруг умираем, в истоме дрожа,
Без сил угасаем и дышим луной...
Нет! солнце не знает о тайне ночной.
21 мая 1898

ВСТРЕЧА

Еще мы чужие в мгновенье при встрече,
Лепечем банально ненужные речи,
Не смеем спросить, не хотим отвечать,
Но души успели друг друга узнать
И взором единым (но полным печали!)
О всем расспросили, на все отвечали.
Шепнули упреки с минутной мольбой
И снова беседу ведут меж собой.
И что в той беседе горит и таится,
Рассудку о том никогда не приснится,
Но этот безмолвный святой разговор...
Душа его помнит и знает с тех пор!

1 июня 1898

«Ветер уныло летает над палубой...»

Ветер уныло летает над палубой,
По морю пенятся белые гребни,
Ветер уносится далее с жалобой,
С просьбой мучительной, тихой, послед-
ней.

Ветер, родной мой, задумчивый, северный!
Верно, ты знаешь и южные земли.
Дышат там пальмы вершиною веерной,
Скоку газелей оазис там внемлет.
Ветер, лети туда горестным вестником,
Выбери путь и верней и короче.
Всем там скажи: уведен я кудесником,
С милого полдня плыву я к полночи...
15 июля 1898

СЕСТРЕ

Прости меня, сестра, я много виноват:

Я просмотрел твой взор, молительно
скользнувший,

И этот скорбный взор, в мгновеньях пото-
нувший,

Вошел в мои мечты и не уйдет назад.

Он вспыхнул пламенем бессвязным и слу-
чайным,

На чуждых высотах зажегся, как маяк,

И светом трепетным вдруг озарил сквозь
мрак

Еще безвестный путь к непереказным
тайнам.

3 августа 1898

К БАЛЬМОНТУ

Есть ясное безветрие
Без плачущего «я».
«Тишина»
Погасни, исчезни
В безбрежной бездне,
Мой бедный друг...
И откроется вдруг
В миг забвенья
На дне усыпленья,
Что мир темноты,
И призрак звездный,
И самая бездна —
Это ты!
29 августа 1898

ПЕРЕПЕВЫ БАЛЬМОНТА

Моя душа свободная,
Моя душа мятежная,
Тебя пустыня водная
Пленила вновь безбрежная.
Моя душа безумная
В пространства неба просится,
Безумные и шумные
Под нею волны носятся.
Она — как привидение
Над безднами мятежности,
И снятся ей видения
Непересказной нежности.
29 августа 1898

«Костей, бутылок продавать!..»

«Костей, бутылок продавать!»
С мешком проходит он дворами.
«Костей, бутылок продавать!»
С мешком идет он между нами.
Взглянув рассеянно в окно,
Ты возвратился к прежним книгам,
Но мысль, знакомая давно,
Не умерла с умершим мигом.
«Костей, бутылок продавать!»
Призыв угаснет без ответа.
Но отзвук властен оборвать
И стих любимого поэта.
12 ноября 1898

«Засияла моя стена...»

Засияла моя стена,
Я ее не узнал: на ней
От уличных фонарей
Отпечатались рамы окна.
Далеко от меня фонари,
Но свет их близок, со мной.
Рожок отдаленный, гори!
Ты не знаешь? — ты мой!
На небо вошла луна,
И, пространства мира пройдя,
Отпечатала рамы окна...
О, царица небес! — ты моя!
12 ноября 1898

СОНЕТ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПОЭТУ П. Д. БУТУРЛИНУ

Придет к моим стихам неведомый поэт
И жадно перечтет забытые страницы,
Ему в лицо блеснет души угасшей свет,
Пред ним мечты мои составят вереницы.
Но смерти для души за гранью гроба —
нет!

Я буду снова жив, я снова гость темницы,—
И смутно долетит ко мне чужой привет,
И жадно вздрогну я — откроются зеницы!
И вспомню я сквозь сон, что был поэтом я,
И помутится вся, до дна, душа моя,
Как море зыблется, когда проходят тучи.
Былое бытие переживу я в миг,
Всю жизнь былых страстей и жизнь стихов моих,

И стану им в лицо — воскресший и могучий.

4 декабря 1698

РОНДО

Не смею все мечты вложить я в стих,
И все ж его ласкаю и лелею...

Но громко повторить среди других
Не смею.

И вот теперь, пред чем благоговею,
Несу на шум базаров городских...

Не осмеять ли детскую затею?
Не смею.

О, если б был, кто книгу дум моих
Прочел, постиг и весь проникся ею...

Хотя б на миг!.. Но верить в этот миг
Не смею.

4 декабря 1898

ДОМА

Я люблю высокие дома,
Где небо чуть светит у крыши,
Я люблю высокие дома,—
И тем больше люблю, чем они выше.
Мне грезится город, как дом,
Вместо улиц — стеклянные своды,
И высятся этаж за этажом,
Сады, и залы, и переходы.
Мечтая о таких домах,
Я охвачен волнением странным,
Это бред о грядущих веках,
О человеке ином, но желанном.
О, я люблю высокие дома,
Где небо чуть светит у крыши,
Я люблю высокие дома,
Тем больше люблю, чём они выше.
22 декабря 1898

«Я в высокой узкой башне...»

Я в высокой узкой башне,
Кто меня привел сюда?
Я в высокой узкой башне
Гость — надолго, гость — всегдашний,
Узник навсегда!
Помню горы, лес и поле,
Все раздолие дорог.
Помню горы, лес и поле,
Где по воле, где на воле
Я скитаться мог!
Помню быстрые ночлеги
В шалаше иль у костра.
Помню быстрые ночлеги;
Ночи ласки, ночи неги!
Хохот до утра!
Кто возвел меня высоко,
Двери запер кто за мной?
Мир — внизу, во мгле — далеко,
Здравствуй, жизни одинокой
Подвиг роковой!
1898

НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ У СЛУЧЕВСКОГО

Март! Пора нам жить наруже!
Как бегут ручьи из пены!
Но недвижны в полной луже
Опрокинутые стены.
Много шумов, много звонов,
Мчатся конки, как живые.
И стоят без капюшонов
На постах городовые.
19 марта 1899

СОНЕТ О ПОЭТЕ

Как силы светлого и грозного огня,
Как пламя, бьющее в холодный небо-
свод,

И жизнь, и гибель я; мой дух всегда живет,
Зачатие и смерть в себе самом храня.
Хотя б никто не знал, не слышал про меня,
Я знаю, я поэт! Но что во мне поет,
Что голосом мечты меня зовет вперед,
То властно над душой, весь мир мне засло-
ня.

О, бездна! я тобой отторжен ото всех!
Живу среди людей, но непонятно им,
Как мало я делю их горести и смех,
Как горько чувствую себя средь них чужим
И как могу, за мглой моих безмолвных
дней,

Видений целый мир таить в душе своей.

2 августа 1899

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПУТЬ

На середине жизненной дороги
Ты встретишь мост, свободно изогнутый,
Его столбы властительны и строги,

Его черты в самих себе замкнуты.
Но не прельстись их торжеством над без-

дной.

Не восходи на лестницы крутые:

Там путь проложен — каменный, железный,
И он уводит в области пустые.

Нет! Не пленись безжизненным покоем,
Останься верен избранной дороге.

И будешь счастлив ты дождем, и зноем,
И вечной близостью к земной тревоге.

И будешь счастлив ты дождем, и зноем,
И вечной близостью к земной тревоге.

2 августа 1899

НА ОСУЖДЕНИЕ ДРЕЙФУСА (29 августа 1899)

Люди! Вы слышите:
Звон похоронный?
Что же вы дышите
Леностью сонной!
Что же в беспечности
Радостей ждете!
Голоса вечности
Не узнаете?
Пробудитесь, уходите
Прочь от башен и дворцов,
Прах сандалий отрясите
За порогом городов.
Мы уйдем в глухие степи,
Убежим в ущелья гор,
Там в тиши, как в тайном склепе,
Спрячем, скроем свой позор!
Человек был в нас унижен,—
Душу вновь мы обретем
В тишине пустынных хижин,
В дебрях скал над шалашом.
Пусть на улицах, у зданий

Стонут сосны и трава,
Бродит зверь в немом тумане,
Кличет филин и сова.
Пусть разрушится твердыня
Строгих башен и дворцов.
Лучше, братья, нам в пустыне,
За порогом городов.
Братья! вы слышите:
Звон похоронный?
Что же вы дышите
Ленью сонной!
Что же в беспечности
Радостей ждете!
Голоса вечности
Не узнаете?
29 августа 1899

ЗА ПРЕДЕЛАМИ СКАЗОК

Под навесом темной ели,
На ковре из мягкой хвои,
Оба друга рядом сели —
И теперь их в мире двое.
Души их трепещут жаждой
Прошлой жизнью поделиться,
Обменяться думой каждой
И в одно сознание слиться.
Ищут речи, — не находят,
Гладят ласково друг друга
И с тоской бессильной бродят
В стенах замкнутого круга.
29 августа 1899

«Я люблю в твоих стихах...»

Я люблю в твоих стихах
Смутный сумрак, жадный страх,
Вспышки всемогущих слов
И тяжелый стук оков.
Я люблю в твоих стихах
Ветра перелетный взмах,
Ширь пространства до конца,
Трепет страстного лица.
Я люблю в твоих стихах
Колыханье трав на мхах,
Под звенящий звон волны
В мире звучной тишины.
Сентябрь 1899

«А сколько радости и неги...»

А сколько радости и неги
В бегущих медленно часах!
Следов доискиваться в снеге,
Взметать на лыжах белый прах.
Найти медвежий путь, тропинку,
Сидеть у проруби весь день,
Пока в воде разрежет льдинку
Тяжелой головой тюлень.
Владея радостной тревогой,
Готовый жить и умереть,
Встречать уверенной острогой,
Когда подыметя медведь.
И пировать под крышей снежной,
И охранять под снегом челн,
И ждать, что океан безбрежный
Опять раскинет гребни волн.
23 сентября 1899

«Будущий век...»

Будущий век,
Тебе посвящаю я песни!
По теченью невидимых рек
Все быстрее, все смелей, все чудесней
Уплывает вперед человек.
О, времен потрясающий бег!
Словно тает мучительный снег,
Словно гаснут узоры песни,
Словно никнут виденья чудовищ...
Уплывает вперед человек
В мир цветов и весны,
В мир всеобщей волны,
Предугаданных смутно сокровищ.
Я грядущее люблю,
Я грядущему молиться
Никогда не устаю.
Я хочу
Верить белому лучу,
В блесках искристых дробиться,
Каждым мигом насладиться.
Жизнью мировой дышать —
И холодной властью мысли...
Дням, что в вечности нависли,

Как словам, повелевать!
Но жалкие мечты! кругом и отовсюду
Видения идут — герои, короли,
Поэты властные, избранники земли,
И вопят, и зовут! о нет! не верю чуду!
И я, как все, томиться осужден
В цепях веков и в тягости времен!
Октябрь 1899

МАТЕРИ НА ИМЕНИНЫ

От ранних детских лет, как свет среди теней,

Люблю я этот день, наш праздник, вечно жданный.

И вот, когда он вновь приходит в смене дней,

Все снова для меня прозрачней и нежней,
Как в годы первые, во дни зари туманной.

9 ноября 1899

ИЗ ДЕТСКОЙ КНИЖКИ

Мой плющ расцветает; живые побеги
Любовно обвили суровые нити.
Садитесь на лавочку, дети, смотрите
И думайте вместе со мною о снеге.
Когда разбегутся веселые санки
И воздух дрожит от бубенчиков ясных,
Невольно припомнишь о маковках крас-
ных,
Горящих, как угли, на нашей полянке.
Чему ж вы смеетесь? Ах, глупые дети!
Так вам никогда ничего не расскажешь!
Вяжи, Маргарита! — ты к осени свяжешь
Красивые, длинные, прочные сети.
12 ноября 1899

«Есть слова волшебства. Вы всесильны...»

Есть слова волшебства. Вы всесильны,
Роковые слова о былом!

Разве годы не камень могильный,
Разве смерть называется сном?
Мы идем бесконечной долиной,
С каждым шагом все больше теней,
И из них не отстать ни единой:
То бледнеют, то снова ясней.
И при вспышке могучего слова
Тень прошедшего странно жива.
И глядит умоляюще снова,
И твердит прямо в душу слова.
14 ноября 1899

«Я от стыда закрыл лицо...»

Я от стыда закрыл лицо
И пал, целуя прах дорожный...
Кричите, смейтесь мне в лицо:
Я все свершил, что невозможно!
Есть оправдание рабу,—
Он и не знает лучшей доли,—
Но я изведal всю судьбу
И властен выбрать жребий воли.
Я знал, что будет, наизусть,
Мне даже нет и заблуждений,
И вот иду к позору... Пусть!
Хочу и жажду унижений.
Январь 1900

«Заботы дня, как псы, меня бесславно травят...»

Заботы дня, как псы, меня бесславно травят,
Взывает ловчий рог, бегу я, как кабан...

Но горе им! Они вступить в борьбу заста-
вят!

Стонать вам всем, ловцы, от боли свежих
ран!

Февраль 1900

ЗА ГОРОДОМ

В городе дышит весна,
Сгинул истаявший снег,
Даль ожиданьем полна,
В воздухе радостный смех...
Первые проблески нег!
Здесь — неизменен покров
Белых и мертвых снегов,
Сосны упрямо встают,
Хмуро туманится лес...
Стынет движенье минут
В холоде зимних небес.
Был я встревожен весной,
Верил и вторил ручью,
Шел воспаленный, больной...
Холод целебный я пью.
Гаснут, как солнца, мечты,
Сладок привет темноты,
Словом весенним «люблю»
Я ли покой оскорблю!
Тысячи маленьких свеч
Вспыхнули в тайнах души...
Нет! Мне не надобно встреч
В царственно чистой тиши.

13 марта. 1900

«Люблю я имя Анна...»

Люблю я имя Анна,
Оно звенит, как свет,
Оно, как сон, пространно...
Люблю его — и нет.
И двойственно, и чудно
Оно мелькает мне.
И в ночи непробудной,
И в тихом, ясном дне.
Люблю я имя Анна,
Во мгле — как сладкий грех.
Оно зовет и странно
Звучит, как дальний смех.
Люблю в нем — унижений
Таинственную власть...
И молча сходят тени,
И ночь должна ниспасть...
Но утро вновь туманно,
И день забрезжит вновь.
С ним имя Иоанна,
С ним мудрость и любовь.
Вновь солнца круг высоко,
Спокойный свет лучист,
И мой венец пророка

Торжественен и чист.
Так двойственно, так чудно
Оно мелькает мне
И в ночи непробудной,
И в тихом, ясном дне.
2 апреля 1900

«Я жду у ветхого забора...»

Я жду у ветхого забора,
Мне в окна комнаты видны,
Людей, неведомых для взора,
Мелькают тени вдоль стены.
Я вижу статуи, картины
И пальмы веерную сень,
Но взор не встречу ни единый,
Лишь изредка проходит тень.
Когда б я мог туда проникнуть
И видеть, там ли ты, у них?
К запрету как мечтам привыкнуть?
Как быть, чтоб трепет дум утих?
Не так ли мы, в сем мире дольном
Иного мира ловим тень
И рвемся в ужасе невольном
Вступить на высшую ступень.
9 сентября 1900

«— Кто ты? — Я — чувство, я — любовь...»

— **К**то ты? — «Я — чувство, я — любовь.
Ты видишь: я в короне звездной».
— Зачем же ты приходишь вновь
Тревожить мукой бесполезной?
«Вернулась я из дальних стран;
Прими беглянку, как подругу».
— Твои обеты — лишь обман.
Твои пути — пути по кругу.
«Я — тайна духа». — Ты — мечта.
«Я — дрожь». — Ты только манишь дро-
жью.
«Я — неизбежна!» — Есть черта,
За ней я властвую над ложью.
«Ты — снова мой!» — Свободен я!
Сентябрь 1900

«Настали дни печальные, как ВОДЫ...»

Настали дни печальные, как воды
В наполненном пруду под сенью ив.
Я вдаль иду один, и дни, как годы,
Растут в числе, растут, нас разделив.
Я вдаль иду один. Воспоминанья
Как будто тянут сотни жадных рук.
Лишь оглянусь, их нет. Стопились зданья
На мировом пути; светло вокруг.
Закрыв глаза, забудусь. Вспоминаю
Молчанье, лампы свет и груды книг...
Я вновь с тобой! Я лгу! Смеюсь! Желая!
На миг я дрожью воскрешаю миг.
Откуда эта власть живых желаний?
О, страсть! — перед тобой стою я, как боец,
Толпа со мной идет ущельем зданий,
Но ей незрим палящий мой венец.
Сентябрь 1900

«Вы неисполненных надежд...»

Вы неисполненных надежд
Над бездной реющие лики.
Из-под прикрытых бледных вежд
Как ваши взоры странно дики.
Вы дерзкой юности мечты,
Прозрачных теней хороводы!
В венцах из лилий вы чисты,
И ваши локоны, как воды.
Вы творчества бессильный бред,
Недовершенный замысл фурий!
Ты, жажда властвовать! Привет!
Ты, как всегда, в порывах бури.
Но чьи уста — живая кровь
С усмешкой беспощадной власти?
Неразделенная любовь,
Мечта неутоленной страсти!

6 октября 1900

«Я жизнью пьян. Напиток жгучий...»

Я жизнью пьян. Напиток жгучий
По жилам разошелся... жжет.
Не стынь, огонь, кипи и мучай,
Кружи, влеки, водоворот.
Октябрь 1900

«Торжествовать! какие звуки!..»

Торжествовать! какие звуки!
Их плеск расплесканный мне люб.
Еще мне внятны эти руки
И язвы впечатленных губ.
Но в сладких думах о победе
Из глубей памяти встает,
Как образ, воплощенный в меди,
Холодных замыслов расчет.
И сдавлен, с судорожной жаждой,
Над ужасом померкших глаз,
О миги страсти, каждый! каждый!
Смеясь, предчувствовал я вас.
Торжествовать! люблю я звуки,
Люблю моих заклятий власть,
Мне нужны слезы, чьи-то муки,
Победа, гордость — но не страсть.
Ноябрь 1900

«В глуби тайные вселенной...»

В глуби тайные вселенной,
В воды темные столетий
Мы бросаем с лодки брэнной
Золотые сети.
И из прочных уз мы рады
Доставать морских чудовищ,
И растут в челне громады
Скопленных сокровищ.
<1900 >

«Хорошо бы нам додуматься...»

Хорошо бы нам додуматься
До весенних песен птиц,
Но шумит немолчно улица
Гордым грохотом столиц.
Хорошо бы мне довериться
Взорам нежным и простым,
Но в ночном сияньи месяца
Слишком манит дальний дым.
Хорошо любить в созвучии
Верность буквы и черты,
Но мечта — звезда падучая —
Видит бездны с высоты.
Январь 1901

МОНА ЛИЗА

Есть обольщение в вине,
В его манящем аромате,
Как поцелуи в тишине,
Как вздох в безмолвии объятий.
Как хорошо дрожать, молчать,
Тревожиться при каждом звуке,
И жечь лобзанья, как печать,
Впечатлевать, как символ, руки.
Предчувствовать слова, глаза,
Утаенные в сердце речи,
Мечтать, как черны волоса,
Обжегшие случайно плечи.
И разойтись без клятв, без слов,
Скользнуть, как спугнутые тени,
Чтоб эта ночь, как греза снов,
Вплелась в гирлянду сновидений.
Есть обольщенье в тишине,
Восторг в безмолвии объятий,
Как сладость тайная в вине,
В его манящем аромате.
9 февраля 1901

БРАТЬЯ БЕЗДОМНЫЕ

Братья бездомные, пьяные братья,
В шуме, дыму кабака!
Ваши ругательства, ваши проклятья —
Крик, уходящий в века.
Вас, обезличенных медленным зверством,
Властью бичей и желез,
Вас я провижу во храме отверстом,
В новом сияньи небес.
Много веков насмежавшийся Голод,
Стыд и Обида-сестра
Ныне вручают вам яростный молот,
Смело берите — пора!
Вот растворяю я хриплые двери:
Город в вечернем огне,
Весело вспомнить опять, что мы звери,
Воле отдаться вполне.
Видите зданье за зданьем, как звенья,
Залы для женщин и книг...
Разве не вы приносили каменья,
Строили храмы владык?
Ринемтесь дико и смоем лавиной
Всю эту плесень веков!
Пусть оглушит ее голос звериный,

Наш торжествующий рев.
Полно покорствовать! видите, братья,
Двери открыты в века.
Слышу ругательства, слышу проклятья
В шуме, в дыму кабака.
21 марта 1901

«Так это будет летом. Кисея...»

Так это будет летом. Кисея
Вся заблестит, пронизанная светом,
И мне покажется в наряде этом
Еще милее красота твоя.
В широких складках, полных трепетанья,
Повиснет неба полог голубой,
И побледнеем оба мы с тобой
От чувства счастья и от ожиданья.
Настанет вечер, в чуткой тишине
Коснется ветер до твоей вуали,
И улыбнутся из прозрачной дали
Нам взоры звезд, как мужу и жене.
14 июля 1901

«Вот брошен я какой-то силой...»

Вот брошен я какой-то силой
На новый путь.

И мне не нужно все, что было!

Иное будь!

Вокруг туманность и безбрежность,

Как море, высь.

Мечта моя! в том неизбежность:

Ей покорись.

В ночном лесу, где мгла и сыро,

Ищу тропу,

Иду но ней и к тайнам мира,

И вспять, в толпу.

Как укрощенная пантера,

Покорной будь:

Да снидет к нам обоим вера

В безвестный путь.

Август 1901

«Нет душе покою...»

Нет душе покою,
Глянул день в глаза,
И опять я строю
Шаткие леса.
Снова сердцу надо
Веровать в чертеж,
И мечтам — услада
Новых планов ложь.
Снится, снится зданье,
Купол золотой,
Бракосочетанье,
Ночь с тобой, с тобой.
Мы во мраке двое...
Двери тишь хранят...
Зыблются обои...
Душит аромат...
— Тщетно, дерзкий! тщетно!
Не воздвигнешь вновь
Купол огнецветный,
Новую любовь!
Будешь вновь обманут,
Разберешь леса,
И руины глянут

Прямо в небеса.
Ноябрь 1901

«Непересказанные думы...»

Непересказанные думы,
Неразделенные слова —
Вы беспокойны, вы угрюмы,
Как перед молнией трава.
Что просияло, что мелькнуло,
Что душу пламенем прожгло,
Ужели в прошлом потонуло,
И гладь бывшего — как стекло.
И в сердце сдавленные речи,
Навеки смолкшие слова
Безумно ждут желанной встречи,
И сердце не кричит едва.
Я жажду жадных откровений —
Все повторить, все рассказать,
Чтоб в час заветных оживлений
С тобой все пережить опять.
<1901 >

«Я снова одинок, как десять лет назад...»

Я снова одинок, как десять лет назад.
Все тот же парк вокруг, за елью звезды
те же,

С черемухи и с лип знакомый аромат.

Там где-то лай собак. Повеял ветер свежий.

И вечер медленный мне возвращает бред,

Который жжет мечты все реже, реже.

Я жил здесь мальчиком, едва в шестна-
дцать лет

С душой, отравленной сознанием и чте-
ньем,

Неловок, как дитя, застенчив, как поэт.

Мне этот шумный парк служил уедине-
ньем,

Я не имел друзей. Для женщин был
несмел,

И в сумраке следил за парами, с томле-
ньем,

Но я в мечтах нашел все, все, что я хотел.

1901

«Все бездонней, все безмерней...»

Все бездонней, все безмерней,
Недоступней глубина,
Но, как свет звезды вечерней,
Светят водоросли дна.
Плотны синие преграды,
Обступили взгляды рыб.
Словно знают, словно рады,
Что еще пловец погиб.
Но на родине чудовищ
Посреди живых цветов
Не ищу морских сокровищ
И жемчужных слизняков.
<Январь 1902>

«Надо струны перестроить...»

Надо струны перестроить
Вновь на новый лад,
Песни вещие усвоить
Я готов, я рад.
Сердце, мертвое от жажды,
Слышишь? — бьют ключи!
Песнь одну не петь нам дважды,
Лучше замолчи.
Я, как феникс, в пламя кинут,
Гибну, взор смежив...
Но едва мученья минут,
Встану юн и жив.
Я в земле, под грудой гнили,—
Мертвое зерно.
Но дожди меня вспоили —
Цвеств мне суждено!
Дух живительный и юный
Влился в грудь мою,—
Строю заново я струны,
Верю и пою.

21 февраля 1903

«Неужели это была ты...»

Неужели это была ты —

В сером платье

Робкая девочка на площадке вагона —

Моя невеста!

Помню, как оба тонули мы в первом объ-
яти,

Жестоком до стога,

Были безумны и святы мечты.

Пели удары колес.

Вереницы берез,

Качаясь, глядели в окно,

Вечер осенний померк незаметно, и на
небе было темно.

В поздний безмолвный час

Я сидел одиноко.

Странно дрожал за стеклом раздражаю-
щий газ.

Думы дрожали, как газ, раздражающе то-
же.

Я жаждал упрека.

О, если б предстал мне таинственный Кто-
то

И тайну открыл мне пророческой, внут-

ренней дрожи,

Чего я боюсь в этот поздний обманчивый час.

О, если б предстал мне таинственный Кто-то

И властно позвал бы меня для отчета.

Что женщина?

— Мать, принявшая в лоно,—

Чтобы длить бесконечно преемственность сил.

Вы пестры, миражи бытия: рождений, падений, могил

— Женщина — некий сосуд драгоценный,

Тайну таящий во мгле сокровенной.

Женщина — путь до глубин божества.

Женщина — мир естества,

Его золотая корона.

Свята, свята ее жизнь, дающее лоно.

Но мы?

В нас не все ли — стремленье вовне, из предела?

Разве не мы

Природу наполнили звуками слова?

В дымной пропасти тьмы,

Где дышит и движется тело.

Нам разве не душно?
Мы жаждем иного,
В вечном стремленьи идем и идем до пре-
дела,
Кажется, близки мы к области звездной.
Миг — и повиснем в полете над бездной,
Вдруг снова, влеченью земному послушны,
Падаем в душные пропасти тьмы.
А есть красота.
В звуках, в красках, в линиях, в теле,
В обнаженности женственной.
Жажда ее не в одной крови разлита,
Это не жажда веселий.
Ее поток благоденственный
В тайных глубинах шумит,
Струя его сладко чиста,
Он вечной божественной влагой поит.
Да, есть на земле красота.
Или мы крылья у птицы?
И нам суждено
Метаться к гробнице от старой гробницы?
И нам суждено
Только взаимным усилием весь путь побо-
роть?
Только вдвоем долететь до свержения уз?

Церковь венчает как святость союз
Двух осужденных сердец.

— Примем ли мы, как тяжелое бремя, ве-
нец?

Да, людям дано только вдвоем этот путь
побороть.

Слава тебе, освященная плоть!

Ночь незаметно погасла, и свет набегал на
окно.

Я сидел одиноко.

Дрожал за стеклом замирающий газ.

Был светлым и утренним час,

И город вечерний остался далеко.

Я знаю.

Я в зеркале видел всю душу мою,

Все, чему верю, и все, что люблю.

Там нет проклятья.

Как теплым волнам, я отдамся душистому
маю,

Пусть будут безумны и святы мечты,

Робкая девушка в сереньком платье,

Да, это ты,

Моя невеста.

4 марта 1902

«Я много лгал и лицемерил...»

Я много лгал и лицемерил,
И много сотворил я зла,
Но мне за то, что много верил,
Мои отпустятся дела.
Я дорожил минутой каждой,
И каждый час мой был порыв.
Всю жизнь я жил великой жаждой,
Ее в пути не утолив.
На каждый зов готов ответить,
И, открывая душу всем,
Не мог я в мире друга встретить
И для людей остался нем.
Любви я ждал, но не изведал
Ее в бездонной полноте,—
Я сердце холодности предал,
Я изменял своей мечте!
Тех обманул я, тех обидел,
Тех погубил, — пусть вопиют!
Но я искал — и это видел
Тот, кто один мне — правый суд!
16 апреля 1902

SUB SPECIE AETERNITATIS

[1]

Отселе мне видно потоков рожденье.

Пушкин

О, господи, какое счастье

Быть художником!

Самовластным, гордым, свободным,—

Царем над созвучиями и образами.

Они меня оскорбляют,

Какое мне дело?

Я на тех бесконечных высотах,

Где небо и лед,

Куда и мечта о дольных заботах

Не достигнет.

Выше нет ничего. Небо сине.

Вдалеке очертанья таких же вершин.

О, как вольно дышать в беспредельной пу-
стыне,

Повторять неземное, великое слово: один!

Мне видна земля,

Моря золотое пространство,

Нагорий живое убранство,

Распростертые низко дороги, поля.

И местами селенья,
Как столбы при дороге, как на перекрест-
ках камня.

Но мне не видно людей,
Их суеты вседневной.
Я увидал бы движенья двух ратей,
Падение царства, созданье столицы.
Я смотрю на жизнь мной отвергнутых бра-
тии,

Как смотрят на землю птицы.

Солнце!

Здравствуй, солнце, мой двойник!

Я люблю твой ясный дик.

Как и ты, я с высоты

Вижу горные хребты,

И узорчатых лугов,

И кипенье городов...

Ноябрь 1902

«Я путешественник случайный...»

Я путешественник случайный,
Бродяга в мире, дикий скиф,
Любуюсь на земные тайны,
На храм, на башню, па залив.
И медлю пред душой безвестной,
Внимательно любуюсь ей,
Как перед статуей чудесной,
Жалея покидать музей.
Ноябрь 1902

«Да, в нашей жизни есть кумир для всех единый...»

Да, в нашей жизни есть кумир для всех единый —

То лицемерие; пред искренностью — страх!

Мы все притворствуем в искусстве и в го-
стиной,

В поступках, и в движеньях, и в словах!

Вся наша жизнь подчинена условию,

И эта ложь в веках освящена.

Нет, не упиться нам ни чувством, ни любо-
вью,

Ни даже горестью — до глубины, до дна!

На свете нет людей — одни пустые маски,

Мы каждым взглядом лжем, мы прячем
каждый крик,

Расчетом и умом мы оскверняем ласки,

И бережет пророк свой пафос лишь для
книг!

От этой пошлости обдуманной, обычной

Где можно, кроме гор и моря, отдохнуть?

Где можно на людей, как есть они, взгля-

нуть?

— Там, где игорный дом, и там, где дом публичный!

Как пристани, во мгле вы выситесь, дома,
Убежища для всех, кому запретно поле,
В вас беспристрастие и купли и найма.
В вас равенство людей и откровенность во-
ли.

Вот мир восторженной победы и борьбы
В разврате искреннем и слов и побужде-
ний.

Мы дни и месяцы актеры и рабы,
Оставьте же притон для искренних мгно-
вений!

<1902>

«Дивный генуэзец! как нам стали понятны...»

Дивный генуэзец! как нам стали понятны
Твои пророческие слова:
«Мир мал!»
Мы взором одним озираем его
От полюса до полюса —
Нет больше тайн на земле!
Прежде былинка в безмерных просторах,
Упорно — за веком век —
Работал, боролся, вперед продвигался
И своей планетой, наконец, овладел
Человек.
Нет больше тайн в надземном тесном мире!
Стальные иглы рельс, обвив материки,
Бегут сквозь цепи Анд, бегут в степях Сибири —
К верховьям Крокодиловой реки;
Земля, земля! настало время!
Ты — достояние людей.
Не то или другое племя,
Не тот иль этот из царей,

Тебя взял Человек, его спокойный гений,
Его холодный ум, его упорный труд
И смелый взлет безумных дерзновений!
И правит скорбного Судьи бесстрастный
суд.

Человек! торжествуй! и, величье познав,
Увенчай себя вечным венцом!
Выше радостей стань, выше слав,
Будь творцом!
<1902>

«— Пусть лобзает меня — он лобзаньем своим!..»

— Пусть лобзает меня — он лобзаньем своим!
им!

Удовольствия ласк его — свыше вина.
Запах риз его — ладанный дым,
Как пролитое миро — его имена!
Девы ради сего — возлюбили тебя!
За тобой и к тебе, царь, пойду я, любя.
Опаленная солнцем, лицом я смутла
И прекрасна, как полы в китарских шат-
рах,

Как завесы во храме на пышных воротах.
Виноградник отца я все дни стерегла,
Но сберечь не сумела я свой виноград.
Где пасешь ты? скажи мне, возлюбленный
брат!

Где почиешь в полуденный жар, — возве-
сти!

Чтоб к друзьям твоим мне, заблудясь, не
прийти.

— Если ты угадать не умела, где брат,
Приходи к пастухам по следам наших стад.

Кобылице моей в колеснице царя
Уподоблю тебя я, подруга моя!
Хороши твои щеки в серьгах золотых,
Хороша твоя грудь в ожерельях твоих.
Золотые подвески я дам с серебром...
О, как сладостно ладаном пахнет кругом.
— Ветка мирры — мой брат — на груди у
меня,
В винограднике, брат мой, покойся до дня.
— Ты прекрасна, сестра, — как у голубя
взор.
— Ты прекрасен, мой брат, — ароматен
убор.
— Сень над ложем у нас наклоняется вниз,
Кровля ложницы — кедр, потолок — кипа-
рис.

1902

«Влачась по дням, при новой встрече...»

Влачась по дням, при новой встрече
Твержу с усталостью «люблю»,
Но эти взоры, миги, речи
Запоминаю и ловлю.
От ночи дню передаваем,
Куда-то на волнах влеком,
То из-за стен дышу я раем,
То за окном я внемлю гром.
Не увлечен и не печален,
Но, любопытствуя везде,—
В бреду пиров, в молчаньи спален,
Я рад бегущей череде.
Уходят шумные мгновенья,
И я дивиться вновь готов
На самоцветные каменья
Случайно сложенных стихов.
<1902>

«Прими послание, о Виктор!..»

Прими послание, о Виктор!
Слагаю песнь тебе я в честь,
Пусть консул я, а ты — мой ликтор,
Но сходство между нами есть.
Тебе милее смех девичий,
Мне — женский и бесстыдный смех.
Но что до маленьких различий,
Когда мы оба любим грех!
Мы оба на алтарь Цитерин
Льем возлияния свои,
И оба будем — я уверен,
До гроба верными любви!
Но любим мы полней и выше,
Чем даже страсти легкий стон,—
Напевы стройных полустешишь
И в темных лаврах Геликон!
<Март 1903>

«И вдруг все станет так ПОНЯТНО...»

И вдруг все станет так понятно:
И жизнь земли, и голос рек,
И звезд магические пятна,—
И золотой настанет век.
Восстанут новые пророки
С святым сияньем вокруг волос,
Твердя, что истожились сроки,
Что день настал свершенья грез.
И люди все, как сестры-братья,
Семья единого отца,
Протянут руки и объятъя,
И будет радость без конца!
9 — 10 сентября 1903

«Над бредом наших разных ЛИКОВ...»

М. Н. Семенову

Над бредом наших разных ликов,
Над диким сном
Разноязычных наших криков,—
Не здесь, в ином —
Есть нас связующие нити.
Есть общий зов
За грань желаний и событий,
Имен и слов!
Мы все склоняем взор во храме,
Всех зыблет страсть,
И красота над всеми нами
Простерла власть!
16 октября 1903

ОРФЕЙ

Вакханки встретили Орфея
На берегу немолчных вод.
Он, изнывая и немея,
Следил их медленный черед.
Душе, всегда глядящей в тайны,
Где тихо веет Дионис,
Понятен был их бег случайный
И смена сребропенных риз.
Но, опьяненны и безумны,
Почти до чресл обнажены,
Менады вторглись бурей шумной
В его безветренные сны.
Их тирсы зыблились, как травы,
Когда находит с гор гроза,
И, полны ярости и славы,
Звенели в хоре голоса.
«Унынье прочь! Мы вечно юны,
Что зимний ветер! Сияет май!
Ударь, певец, в живые струны
И буйство жизни повторяй!
Ты ль, двигавший напевом скалы,
Кому внимали барс и тигр,
Пребудешь молча одичалый

При вольном вое наших игр.
Твой бог — наш бог! Что возрожденье,
Когда до дна прекрасен миг!
Не сам ли в неге опьянения
И в нас бог Дионис проник.
Вошел он с вестью о победе,
Что смерть давно побеждена,—
Все жизни — в сладострастном бреде,
Вся вечность — в таинстве вина».

Они стремятся, как пантеры,
Но и пантер смирял напев,
И лиру взял, исполнен веры,
Орфей среди безумных дев.
Он им поет о Евридике,
О страшных Орковых вратах...
Но песню заглушают крики...
Уж — камни в яростных руках.
И пал певец с улыбкой ясной.
До берега волны докатив,
Как драгоценность, труп безгласный
Принял на грудь свою прилив.
И пышнокудрые наяды
Безлюдной и чужой земли
У волн, в пещере, в час прохлады,
Его, рыдая, погребли.

Но, не покинув лиры вещей,
Поэт, вручая свой обол,
Как прежде в Арго, в челн зловещий,
Дыша надеждой, перешел.
4 декабря 1903

«— Дитя, скажи мне, что любовь?..»

— Дитя, скажи мне, что любовь?
— Вот этот ужас мой без воли,
Вот этот стыд, мгновенье боли,
Вот эта стынувшая кровь.
— Дитя, скажи мне, что же страсть?
— Вот эти слезы, эти пени,
Вот эта жажда унижений:
Быть как раба, к ногам припасть.
— Дитя, ответь мне, счастье в чем?
— В твоей истоме, в этом бреде,
В твоём весельи о победе,
Во взоре блещущем твоём!

1903

СФИНКС

Я пустынной шел дорогой
Меж отвесных, тесных скал,—
И внезапно голос строгий
Со скалы меня позвал.
Вечерело. По вершинам
Гас закат. Был дол во мгле.
Странный призрак с телом львиным
Вырос, ожил на скале.
Полузверь и полудева
Там ждала, где шла тропа.
И белели справа, слева
Кости, кости, черепа...
И, исполнен вещей веры
В полноту нам данных сил,
К краю сумрачной пещеры,
Человек, я подступил.
И сказал я: «Ты ли это,
Переживши сто веков,
Снова требуешь ответа?
Дай загадку, — я готов?!»
Но, недвижима на камне,
Тихо, зыбля львиный хвост,
Дева, взор вонзив в глаза мне,

Ожидала первых звезд:
«Вот загадка, о прохожий,
Ты, пришедший из долин!
Я тебя спрошу все то же,
Что услышал Лаев сын:
Кто из нас двоих загадка?
Я ли, дева-сфинкс, иль ты?
Может, ночью в тени шаткой,
Видишь ты свои мечты?
Если я жива, телесна,
Как тебе телесным быть?
Нам вдвоем на свете тесно,
Я должна тебя сразить!
Но, быть может, я — поэта
Воплощенный легкий сон?
В слове смелого ответа
Будет призрак расточен.
И действительностью станут
Только кости и скала?
Отвечай мне: кто обманут?
Я была иль не была?»
И, недвижима на камне,
Дева, зыбля львиный хвост,
Устремила взор в глаза мне,
Взор, принявший отблеск звезд.

Мрак тускнел и рос без меры,
К небу высились столпы...
Я стоял у врат пещеры...
Мимо не было тропы.

1903

«Есть поразительная белость...»

Есть поразительная белость
Снегов в вечерний час, и есть
В их белизне — святая смелость,
Земле непокоренной весть!
Пусть тьма близка, и закатилось
Нагое солнце за рубеж:
Его сиянье только снилось,
Но небо то ж, и дали те ж!
И звезды пусть во тьме возникнут,
И с изогнутой высоты
Земле свои приветы крикнут:
Они растают, как мечты!
Но свет первее солнц и мира,
Свет все — что есть, бессветья нет,
И тьма лишь царская порфира,
В которой выступает свет!

27 января 1904

«СКОРПИОНУ» И «ГРИФУ»

Наш мир храня от силы вражьей,
В чреде двенадцати имен,
У врат небес стоят на страже
В свой день Весы и Скорпион.
Но от земли, вседневно пленной,
В свой юный веруя порыв,—
Да посягнет за грань вселенной!—
Взлетает ярый Гиппогриф.
Вам, — два врага в едином стане! —
Урок видений вековых:
Один гори, где мира грани,
Другой — стремись нарушить их.
23 марта 1904

МАКСИМИЛИАНУ ШИКУ

*Я многим верил до исступленности.
Urbi et Orbi*

Эту веру я тебе вручаю,
Столько раз обманутую... Что ж!
Наш удел идти, скользя, по краю,
Наш удел — над темной бездной дрожь.
Шаг еще сужден ли мне, не знаю:
Но иду, и близко ты идешь!
Близким — мой привет! Нов миг паденья

Взгляд, лишь взгляд один без сожаленья.
Октябрь 1904

«Я не видал таинственных лесов...»

Я не видал таинственных лесов
Безудержной природы Индостана,
Причудливых китайских городов
И белых скал ледяного океана;
Не вел войска на приступы твердынь,
И не был венчан в бранном шуме стана;
Дней не влачил в толпе своих рабынь,
Не проходил, протягивая руку,
В чертоги всех богатств и всех богинь;
Не созерцал во всех пределах муку
На лицах мучеников, как судья;
С возлюбленной не пережив разлуку,
Под ноги смерти не бросался я.
Я многого не видел и не встретил,
Пылинка в миллиардах — жизнь моя!
Но до вопросов кто-то мне ответил —
И в безднах я стою без уст и слов...
И светлый мой полет сквозь них не светел.
Грядущих не увижу городов,
Не посещу всех тайн земного круга,
С героями не встречусь всех веков.

Но где в стране от севера до юга
Восторг безвестный обретет душа,
Безвестный трепет скорби и испуга?
Мы все проходим жизнь, как он, спеша,
Возможности переживаем в грезах;
От тихих снов под сводом шалаша
До высшего блаженства в тайных слезах,
И, список чувств запомнив наизусть,
Судьбе, при одобреньях и угрозах,
Мы равнодушно повторяем: пусть!
<1904>

«Царил над миром рифм когда-то...»

Царил над миром рифм когда-то
Я с самовластием волхва,
И волю царственную свято
Вершили верные слова.
Любил я радостные чары
На их желанья налагать,
И на союз мгновенный — пары
Благословлять и сочетать.
Любил с улыбкой подмечать я
В двух чуждых душах сходный звук
И двух врагов — бросать в объятья,
Как двух восторженных подруг.
19 февраля 1905

«На площади, полной смятеньем...»

На площади, полной смятеньем,
При зареве близких пожаров,
Трое, став пред толпой,
Звали ее за собой.

Первый воскликнул: «Братья,
Разрушим дворцы и палаты!!
Разбив их мраморы, мы
Увидим свет из тюрьмы!»

Другой воскликнул: «Братья,
Разрушим весь дряхлый город!
Стены спокойных домов —
Это звенья старинных оков!»

Третий воскликнул: «Братья,
Сокрушим нашу ветхую душу!
Лишь новому меху дано
Вместить молодое вино!»

6 июля 1905

К НАРОДУ

Vox populi...[2]

Давно я оставил высоты,
Где я и отважные товарищи мои,
Мы строили быстрокрылый Арго,—
Птицу пустынных полетов,—
Мечтая перелететь на хребте ее
Пропасть от нашего крайнего кряжа
До сапфирного мира безвестной вершины.
Давно я с тобой, в твоём теченьи, народ,
В твоём многошумном, многоцветном во-
двороте,
Но ты не узнал моего горького голоса,
Ты не признал моего близкого лика —
В пестром плаще скомороха,
Под личиной площадного певца,
С гусями сказителя былых времен.
На полях под пламенным куполом,
На улицах в ущельях стен,
Со страниц стремительной книги,
С подмостков, куда вонзаются взоры,
Я слушал твой голос, народ!
Кто мудрец? — у меня своя мудрость!

Кто венценосец? — у меня своя воля!
Кто пророк? — я не лишен благодати!
Но твой голос, народ, — вселенская власть.
Твоему желанию — лишь покоряться,
Твоему кумиру — только служить.
Ты дал мне, народ, мой драгоценнейший
дар:

Язык, на котором слагаю я песни.
В моих стихах возвращаю твои тайны —
тебе!

Граню те алмазы, что ты сохранил в своих
недрах!

Освобождаю напевы, что замкнул ты в зо-
лотой скорлупе!

Я — маг, вызывающий духов, тобою рож-
денных, нами
убитых!

Без тебя, я — звезда без света,
Без тебя, я — творец без мира,
Буду жить, пока дышишь ты и созданный
тобою язык.

Повелевай, — повинуюсь.
Повяжи меня, как слепого, — пойду,
Дай мне быть камнем в твоей праще,
Войди в меня, как в одержимого демон,

Я — уста, говори, кричи мною.

Псалтырь моя!

Ты должна звенеть по воле властителя!

Я разобью тебя об утес, непослушная!

Я оборву вас, струны, как паутины, непокорные!

Раскидаю колышки, как сеют зерна весной.

Наложу обет молчания, если не подчинишься, псалтырь!

Останусь столпником, посмешищем праздных прохожих,

здесь, на большом перекрестке!

20—23 июля 1805

«Ужель доселе не довольно?..»

Ужель доселе не довольно?
Весь этот ужас, этот бред
Еще язык мечты крамольной,
А не решающий ответ?
Не время ль, наконец, настало
Земных расплат, народных кар,
Когда довольно искры малой,
Чтоб охватил всю брешь пожар!
Так кто же голос? Мы, поэты,—
Народа вольные уста!
И наши песни — вам ответы,
И наша речь вовек проста!
29 июля 1906

ВЕСЫ КАЧНУЛИСЬ

Весы качнулись мировые,
Высоко подняты судьбой.
На чашу темную Россия
Метнула жребий тяжкий свой.
Молчи и никни долу, право,
Се — высшей истины черед:
Предначертан борьбы кровавой
Единый праведный исход.
Кто б ни был вождь, где б ни был случай,
Над зыбью дней властитель Рок.
Кто заградит в горах ревучий
И к морю рухнувший поток?
1905

БЛИЗКИМ

I

Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши,
Мне странен ваш неокрыленный крик,
Но, в шумном круге, к вашей общей чаше
И я б, как верный, клятвенно приник!
Где вы — гроза, губящая стихия,
Я — голос ваш, я вашим хмелем пьян,
Зову крушить устои вековые,
Творить простор для будущих семян.
Где вы — как Рок, не знающий пощады,
Я — ваш трубач, ваш знаменосец я,
Зову на приступ, с боя брать преграды,
К святой земле, к свободе бытия!
Но там, где вы кричите мне: «Не боле!»
Но там, где вы поете песнь побед,
Я вижу новый бой во имя новой воли!
Ломать — я буду с вами! строить — нет!
30 июля 1905

II

Нам руки свободные свяжут
И шею обтянут веревкой,
Попы нам прощение скажут,
Повесят нас быстро и ловко.

Я буду качаться, качаться,
Без пошлой опоры на землю,
И будет в бреду мне казаться:
Я шуму великому внемлю.
Мне будет казаться: народы
Собрались внизу перед нами,
Искателей новой свободы
Сошлись проводить со слезами.
И буду, качаясь, кивать я,
Как будто при громе приветствий,
Как будто все люди мне братья,
Как это мне грезилось в детстве.
Кругом, как я корчусь, взирая,
Все зрители будут смеяться,
А я, над толпой умирая,
Все буду качаться, качаться.
1905

ПРЕДАНИЕ

Посвящаю Андрею Белому

*И ей надел поверх чела
Из белых ландышей венок он.
ыАндрей Белый*

Повеял ветер голубой
Над бездной моря обагреной.
Жемчужный след чертя кормой,
Челнок помчался, окрыленный.
И весь челнок, и плащ пловца
Сверкали ясным аметистом;
В кудрях пророка, вокруг лица,
Закат горел венцом лучистым.
И в грозно огненный Закат
Уйдя безумными очами,
Пловец не мог взглянуть назад,
На скудный берег за волнами.
Меж ним и берегом росли
Огни топазов и берилла,
И он не видел, как с земли
Стремилась взор за ним Сибилла.

И он не видел, как она
Упала вдруг на камень черный,
Побеждена, упоена
Своей печалью непокорной.
И тень, приблизившись, легла,
Верховный жрец отвел ей локон,
И тихо снял с ее чела
Из белых ландышей венки он.

II

И годы шли. И целый день
Она скользила в сводах храма,
Всегда задумчива, как тень,
В столбах лазурных фимиама.
Но лишь сгорел пожар дневной
И сумрак ширился победно,
По узкой лестнице витой
Она сходила тенью бледной,—
В покой, где жрец верховный ждал
Ее с покорностью всегдашней,
При дымном факеле, и ал
Был свет из окон старой башни.
Струи священного вина
Пьянили мысль, дразня желанья,
И словно в диком вихре сна,
Свершались таинства лобзанья.

На ложе каменном они
Безрадостно сплетали руки;
Плясали красные огни,
И глухо повторялись звуки.
Но вдруг, припомнив о былом,
Она венок из роз срывала,
На камни падала лицом
И долго билась и стенала.
И кротко жрец, склонясь над ней,
Вершил заветные заклатья,
И вновь, под плясками огней,
Сплетались горькие объатья.

III

И годы шли, как смены сна,
Сходя во тьму сквозь своды храма,
И вот состарилась она
В столбах лазурных фимиама.
И ей народ алтарь воздвиг
Давно, как непорочной жрице,
И только жрец, седой старик,
Знал тайну замкнутой светлицы.
Был вечер. Запад гас в огне.
Ушли из храма богомольцы.
На малахитовой волне
Сплетались огненные кольца.

И вырос призрак корабля,
И близился безвестный парус,
И кто-то, бледный, у руля
Ронял сверкающий стеклярус.
Уже, мерцая, месяц стыл
Серпом из тусклого оникса,
Когда ко храму подступил
Пришлец с берегов холодных Стикса.
И властно в ясной тишине
Раздалось тихое воззванье:
«Вот я пришел. Сойди ко мне,—
Настало вечное свиданье».
И странно вспыхнул красный свет
В высоких окнах башни старой,
Потом погас на зов в ответ,
И замер храм под лунной чарой.
И в красоте седых кудрей
Предстала у дверей Сибилла,
Простер он властно руки к ней,
Она, без слов, главу склонила.
Спросил он: «Ты ждала меня?»
Сказала: «Верила и ждала».
Лучом сапфирного огня
Луна их лик поцеловала.
Рука с рукой к прибою волн

Они сошли, вдвоем отныне...
Как сердолик — далекий челн
На хризолитовой равнине!
А в башне, там, где свет погас,
Седой старик бродил у окон,
И с моря не сводил он глаз,
И целовал в последний раз
Из мертвых ландышей венки он.
1804 — ноябрь, 1906 — март, 1906 — январь

ПЛАЧ ЛАОДАМИИ

Нет, слова гонцов не ложны!
Ты безвременно сражен!
Все надежды невозможны,
Все, что счастье, — только сон!
Я лишь ночь одну вкушала
Умиление ласк твоих,
И не знаю, как не знала,
Ты мой муж иль мой жених!
Ты мой пояс непорочный
В вечер брака развязал,
Но уже к стране восточной
Ветер парус напрягал!
Помню я: росой минутной
Окропил меня Морфей...
Вдруг, сквозь сон, я слышу смутно
Нет твоей руки — в моей.
Просыпаюсь: блеск доспеха,
Со щитом ты предо мной...
И, как робкий ропот смеха,
День стучится за стеной.
Я вскочила, охватила
Стан твой с жадностью змеи,
Миги длила и ловила

Очи милые твои.

Март 1906

ПОД УТРО

Еще было совсем темно,
И горели в ряд фонари,
Но я приоткрыл окно
И понял приближенье зари.
От лазури, побелевшей вдруг,
Отделились, как дым, облака,
В сумраке, поредевшем вокруг,
Обозначился парк и река.
И скоро в сизой дали,
Казавшейся черным концом,
Опять поднялись с земли
Крыши — за домом дом.
И, звезды гася, в небеса
Кто-то влил лиловый сок,
И мне сладко повеял в глаза
Издавека ветерок.
6 апреля 1906

ОСТРОВ

Пусть он останется безвестным
За далью призрачной неведомых морей,

Пусть он не станет вымеренным, тесным,
Как дом, как комната: от окон до дверей!
Чтоб с тонких берегов вседневности и жизни

В бинокль мечты чуть видеть мы могли,
Как пальмы клонятся в твоей отчизне,
Как тщетно к ней стремятся корабли.
Чтоб в море никогда не вышел Генуэзец,
Способный привести корвеллу к берегам.
Чтоб вечно без людей там красовался месяц

И радостью никто не наслаждался б там.
Август 1906

НИТЬ

Отдамся ль я случайному наитью,
Сознательно ль — кую и правлю стих —
Я все ж останусь телеграфной нитью,
Протянутой в века из дней моих!
И я смотрю, раскрыв с усилием веки
Мечты, уставший, словно слабый глаз,
В грядущее! — как некогда ацтеки
Смотрели в мир, предчувствуя в нем нас.
Август 1906

«Встав, прошумят и сгинут города...»

Встав, прошумят и сгинут города,
Пройдут и в бездну канут поколенья,
Просторы вод иссякнут без следа,
И станут басней вольные растенья,
Заполнив степи, горы, глубь морей,
Весь шар земной, что стал для жизни те-
сен,
По завоеванной планете всей
Единый город выступит, как плесень,
<1906 >

«Все ближе, все ближе, все ближе...»

Все ближе, все ближе, все ближе
С каждым и каждым мгновеньем
Бесстрастные Смерти уста,
Холоден ее поцелуй.
Все ниже, все ниже, все ниже
С покорным и сладким томленьем,
Чело преклоняет мечта,
Летейских возжаждавши струй.
Что пело, сверкало, манило,
Ароматы, напевы и краски,
Страсть, познание, борьба,—
Даже ты, даже ты, — Любовь,—
Все странно поблекло, остыло.
Скудны ненужные ласки,
Безразлична земная Судьба
И тягостно вечное: «Вновь!»
Но страшно суровых оценок
Судьи рокового — сознания,
Что днем, и во тьме, и во сне
Вершит свой безжалостный суд...
О, память! Кровавый застенок!

Где не молкнут стоны страданья,
Где радости плачут в огне
И скорби во льду вопиют.
Придите, придите, придите,
Последние милые миги,
Возжгите в немые уста
Смущенно слепой поцелуй.
Рвутся заветные нити,
Спадают с духа вериги,
С безумьем граничит мечта,
Летейских касаясь струй.
<1906>

«Я безволен, я покорен...»

Я безволен, я покорен
Пред холодным алтарем,
Длится труд—велик, упорен,—
Жернов мелет тайны зерен,
Грудь сдавил глухой ярем.
Кто я? раб неотрешимый
От тяжелых жерновов.
Кто я? раб неутомимый,
Узник я в цепи незримой,
Доброволец из рабов!
Мне открыты все дороги,
Я же медлю у ярма,
Слепнут очи, гнутся ноги,
Жгут лучи, и ветры строги,
И морозом жжет зима...
1906

БАЛАГАНЫ

Балаганы, балаганы
На вечерней площади.
Свет горит, бьют барабаны,
Дверь открыта, — проходи.
Панорамы, граммофоны,
Новый синематограф,
Будды зуб и дрозд ученый,
Дева с рогом и удав.
За зеленой занавеской
Отделение для мужчин.
Много шума, много блеска,
Смотрят бюсты из витрин.
Зазвонили к перемене.
Красный занавес раскрыт.
Черный фрак на синей сцене
Мило публику смешит.
«Раритеты раритетов
Показать я вам готов:
Две находки — из предметов
Отдаленнейших веков.
Это — с петлею веревка
(Может каждый в руки взять).
Ей умели очень ловко

Жизнь, чью надо, убавлять.
Это — царская корона
(Крест — один, алмазов — сто).
Ей могли во время оно
Делать Некиим — ничто.
Все газетные заметки
Прославляют наш музей,
Верьте слову: ныне редки
Амулеты прежних дней».
Всяк, кто смотрит, рот разинул,
Все теснятся, стар и мал...
Зазвонили. Вечер минул.
Красный занавес упал.
Тихо молкнут барабаны,
Гаснут лампы впереди.
Спят спокойно балаганы
На базарной площади.
7 января 1907

ЖИГУЛИ

Над водой поникли ивы,
Гор лесистые извивы
Тайну прошлого хранят,
Луг и дали — молчаливы.
Луг и дали в зное спят.
Там шумит по Волге сонной
Пароход неугомонный
Меж пустынных деревень,
Мимо речки полусонной —
Тени плоские плотов.
Слева робко никнут ивы,
Справа — горные извивы
Тайну прошлого хранят;
Дали — скучно-молчаливы,
Виды — в жарком зное спят.
Земли, жаждущие плуга,
Грустны с Севера до Юга,
Вся прорезана река,
И струи твои друг друга
Гонят в лучшие века!

1907

«Трубите в траурные трубы...»

Трубите в траурные трубы,
Закройте крепом зеркала,
Она лежит, сомкнувши губы,
И повторяет голос грубый:
Все совершилось! Умерла!
<1907>

СХОДНЫЕ РЕШЕНИЯ

Пора разгадывать загадки,
Что людям загадали мы.
Решенья эти будут кратки,
Как надпись на стене тюрьмы.
Мы говорили вам: «Изменой
Живи; под твердью голубой
Вскипай и рассыпайся пеной»,
То значит: «Будь всегда собой».
Мы говорили вам: «Нет истин,
Прав — миг; прав — беглый поцелуй,
Тот лжет, кто говорит; „Здесь пристань!“»
То значит: «Истины взыскуй!»
Мы говорили вам: «Лишь в страсти
Есть сила. В вечном колесе,
Вращаясь, помогайся власти»,
То значит: «Люди равны все!»
Нам скажут: «Сходные решенья
Давно исчерпаны до дна».
Что делать? разны поколенья,
Язык различен, цель — одна!
<1908>

У ВАГОННОГО ОКНА

Дали сумрачны и хмуры.
И причудливы и строги,
Скалы сломанные Юры
Разместились вдоль дороги.
Поезд вьется между гор,
Беспощаден, верен, скор.
Милый поезд, издавна мы
Стали мирными друзьями.
Ты проводишь панорамы,
Я делюсь с тобой мечтами.
Сколько дум и сколько слез
Прожил я под гул колес!
Завтра я тебя покину,—
Каждый миг мы к цели ближе...
Что за жребий завтра выну
Я в мятущемся Париже?
Мне безвестную печаль
Или стертую медаль?
Зов надежд всё безнадежней,
Всё безвольней ожиданья...
Но опять, с тревогой прежней,
Жду последнего свиданья.
Не пробьет ли страшный час,

Соблазнявший столько раз!
Милый поезд! может, вскоре,
Обходя вагон уснувший,
Я лелеять буду горе
О мечте, вновь обманувшей,
Вновь с тобой, и вновь один,
В далях северных равнин.

1909

Југа

Я И КОТ

Славный кот мой одноглазый,
Мы с тобой вдвоем.
Звезд вечерние алмазы
Блещут за окном.
Я вникаю в строфы Данте,
В тайны старины...
Звуки нежного анданте
За стеной слышны.
На диване, возле печки,
Ты мечтаешь, кот,
Щуришь глаз свой против свечки,
Разеваешь рот.
Иль ты видишь в грезах крыши,
Мир полночных крыш,
Вдоль стены идешь и свыше
На землю глядишь.
Светит месяц, звезды светят...
Подойдешь к трубе,
Позовешь ты, и ответят
Все друзья тебе.
Хорошо на крышах белых
Праздники справлять
И своих врагов несмелых

К бою призывать.
О свободе возле печки
Ты мечтаешь, кот,
Щуришь глаз свой против свечки,
Разеваешь рот.
Звуки нежного анданте
За стеной слышны.
Я вникаю в строфы Данте,
В тайны старины.
28 ноября 1909

«Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной...»

Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной,

Когда кругом пруда реки Неглинной, где
Теперь разводят сквер, лежал пустырь
огромный,

И утки вольные жизнь тешили в воде;
Когда поблизости гремели балаганы
Бессвязной музыкой, и ряд больших картин

Пред ними — рисовал таинственные страны,

Покой гренландских льдов, Алжира знойный сплин;

Когда на улице звон двухэтажных конок
Был мелодичней, чем колес жестокий треск,

И лампы в фонарях дивились, как споронок,

На газовый рожок, как на небесный блеск;
Когда еще был жив тот «город», где героев
Островский выбирал: мир скученных до-

МОВ,
Промозглых, сумрачных, сырых, — ка-
кой-то Ноев
Ковчег, вмещающий все образы скотов.
Но изменилось всё! Ты стала, в буйстве
злости,
Всё сокрушать, спеша очиститься от
скверн,
На месте флигельков восстали небоскребы,
И всюду запестрел бесстыдный стиль—мо-
дерн...

<1909 >

«Здесь раннего посева ВСХОДЫ...»

Здесь раннего посева всходы,
Здесь воплощенье давних грез,
Мечты былые я сквозь годы,
Как зерна чистые, пронес.
Я их лелеял одиноко,
Таил, как праведные сны,
И ждал, пока грозой жестокой
Не будут нивы вспоены.
И вот взошли мои посева,
Дрожат под солнцем, наконец,
И в час работы — Все Напевы
Я повторил, веселый жнец!
<1909>

КЛАДБИЩЕ

Солнце палит утомленную землю,
В травах, и в птицах, и в пляске звери-
ной,

Нудит ее расцветать, трепетать.

Гулу людских поколений я внемлю.

Буйно свершают свой подвиг недлинный

Люди, чтоб долго во тьме истлевать.

Полнятся гробы! полнее могилы!

Кладбища тянутся шире и шире

В шествии грозном всё новых веков,

Время настанет: иссякнут все силы

Дряхлой земли, и в подсолнечном мире

Всё будет — рядом могил и гробов!

Солнце палит утомленную землю.

Гнется тростник, и мелькают стрекозы

Около тихих, незыблемых струй.

Тайному вздоху под ивой я внемлю.

Первое счастье! первые грезы!

Чу! прозвучал в тишине поцелуй!

20 марта 1910

ВЕТРЕННЫЙ ВЕЧЕР

Шумят задумчивые липы.
Закат, сквозь частокол стволов,
Обводит на песке аллеи
Сиянием следы шагов.
Порой мучительные скрипы
Врываются в покорный шум...
И дали неба все синее,
И синий, дальний лес — угрюм.
О, царствуй, вечер, час раздумий;
Струись, журчи в душе, родник...
Иду вперед померкшим садом
И знаю — рядом мой двойник.
Иду вперед, в покорном шуме,
Порою слышу скорбный скрип...
И мой двойник безмолвный — рядом
Скользит вдоль потемневших лип.
26 июня 1910

ВЕЧЕР В ПОЛЕ

Солнце сквозь деревья
сыплет пылью золотой.
Белый, тощий месяц
в бледном небе сам не свой.
Словно желтый веер,
нив раскрыт широкий круг.
Где-то косы точат,
свежим сеном веет луг.
Тучки в небе дремлют,
час заката недалек...
Чу! запел протяжно
пастуший рожок,
4 — 6 июля 1910

ОДИНОКАЯ ЕЛЬ

Одинокая старая ель,
Еще сохраняя
Девичью стройность ствола,
Все шепчет чуть слышно про дальнюю
цель,
Под ветром ветвями печально качая
И новые шишки роняя,
Всё новые шишки, еще, без числа...
Столетняя мать!
О чем ты так шепчешь? о чем ты мечта-
ешь?
Ты, древняя, хочешь детей увидеть,
Зеленые, стройные ели?
Год за годом с верхних ветвей
Ты новые шишки роняешь,
Чтобы увидеть своих встающих детей,
Чтобы шептать, умирая, о достигнутой це-
ли.
Но кругом лишь поля,
У корней твоих реет дорога.
Или эта бесплодна земля?
Или небо к мечте твоей строго?
Ты одна.

Кропит тебя дождь; шевелит тебя буря;
За зимней стужей сияет весна,
И осень за летом приходит, глухая...
Столетняя ель,
Одинокая, ветви понуря,
Ветви под ветром качая,
Ты шепчешь чуть слышно про дальнюю
цель

24 июля 1910

Белкино

РАБЫ

Нас было много. Мы покорно
Свершали свой вседневный труд:
Мели осенний сад; упорно
От ила очищали пруд;
Срезали сучья у оливы;
Кропили пыльные цветы;
За всем следили, терпеливы,
От темноты до темноты!
Ах, мы одной горели жаждой,
Чтоб в час, когда с террасы в сад
Сойдет она, — листочек каждый
Был зелен, был красив, был рад!
И вот, дрожа, ложились тени,
Склонялось солнце, все в огнях,—
Тогда на белые ступени,
Со стеблем лилии в руках,
Она сходила... Боги! Боги!
Как мир пред ней казался груб!
Как были царственны и строги
Черты ее сомкнутых губ!
Походкой медленной и стройной
Среди кустов, среди олив,—
Богиня некая! — спокойно

Она скользила, взгляд склонив...
И, медленно достигнув пруда,
На низкой мраморной скамье
Садилась там, земное чудо,
В каком-то дивном забытье...
А мы, безумные, как воры
Таясь, меж спутанных ветвей,
В ее лицо вонзали взоры,
Дыша, как дикий сонм зверей...
Рождался месяц... Тихо, плавно
Она вставала, шла домой...
И билось сердце своенравно
У всех, у всех — одной мечтой!
Но что свершилось? — Кто сказал нам,
Что выбран был один из нас?
Кто, кто Сеида показал нам
Вдвоем с царицей в темный час?
Он весь дрожал, он был в испуге,
И был безумен черный лик,—
Но вдруг со стоном, как к подруге,
К царице юный раб приник.
Свершилось! Больше нет исхода,—
Она и он обречены!
Мы знаем: смерть стоит у входа,
Таясь за выступом стены.

Покорно мы откроем двери,
Дадим войти ей в тихий сад
И будем ждать в кустах, как звери,
Когда опять блеснет закат.
Зажгутся облачные змеи,
Сплетутся в рдяно-алый клуб...
И рухнет на песок аллеи
С царицей рядом черный труп!
6 декабря 1910

«Желанье, ужасу подобное...»

Желанье, ужасу подобное,
Меня опять влечет к стихам...

И снова, как на место лобное,
Вхожу в мой озаренный храм.
Покрыта грудь святыми ризами,
Чело под жреческим венцом,
И фимиам волнами сизыми
Клубится медленно кругом.
Входите! это — час служения,
Зажжен огонь, дверь отперта.
Мои заветные моления,
Не дрогнув, повторяют уста.
Блаженны все, молчать умевшие,
Сокрывшие священный стих,
Сознанием пламенным презревшие
Вопль современников своих!
Они в блаженном одиночестве
Проникли в таинства души;
Приняв великие пророчества,
Твердили их в глухой тиши;
Они глубины тайн извели,

До дна испили свой восторг,
И вдохновенных грез не предали
На поруганье и на торг!
Но поздно! Жизнь моя расславлена,
Воздвигнут храм, дверь отперта...
Входите! Будет людям явлена
Моя запретная мечта.

5 — 6 октября 1909 — 6 декабря 1910

«Не так же ль годы, годы прежде...»

Не так же ль годы, годы прежде
Бродил я на закате дня,
Не так же ль ветер, слабый, нежный,
Предупреждал, шумя, меня.
Но той же радостной надежде
Душа, как прежде, предана,
И страстью буйной и мятежной,
Как прежде, все живет она!
Ловлю, как прежде, шорох каждый
Вечерних листьев, дум своих,
Ищу восторгов и печали,
Бесшумных грез певучий стих.
И жажды, ненасытной жажды
Еще мой дух не утолил,
И хочет он к безвестной дали
Стремиться до последних сил.
<1910>

ВЕСНА

С пестрым мешком за плечами татарин,
В чуйке облезлой веселый мужик,
С дымной сигарой задумчивый барин,
Барышня в синем — бессмысленный лик.
После гигантских домов — два забора,
«Фиалки, фиалки!» — «Шнурки, гуталин!»
Быстро отдернулась белая штора:
Девочка с кудрями в раме гардин...
Шумно вдоль мокрых бегут тротуаров,
Детям на радость, живые ручьи,
В думах, как зарево дальних пожаров,
Светят прошедшие весны мои.
21 февраля 1911

«Душа томится надеждой тщетной...»

*За вечера видений вот расплата!
Книга раздумий*

Душа томится надеждой тщетной
Вернуть былую, святую мощь...
Как всё поблекло — так незаметно! —
Как бледно небо и зелень роц!
Дрожит вершина родной березы,
Вот трясогузка трясет хвостом...
Я помню смутно живые грезы
И счастье жизни в глухом былом...
Бежал бы прежде я в это поле,
Я пил бы запах медвяных трав...
Но чую в теле, но чую в воле
Гнет беспощадный земных отрав.
Ах, слишком много я жаждал видеть,
Искал видений, волшебных снов,
Умел любить я, смел ненавидеть...
И стали страсти — как груз оков!
В листву березы бьет солнце ярко,
И птицы громко кричат «чьи-чьи»!
О, свод небесный! победы арка!

Войду ль в оковах в врата твои!
25 мая 1911

«Я видел много городов...»

Я видел много городов,
И малых и больших,
Я слышал сонмы голосов,
Гудящих в стенах их.
Я видел склоны грозных гор,
Ширь радостных морей,
Я знал восторг, я знал позор,
Все омуты страстей.
Что ж мне осталось в мире сем?
Он предо мной — как склеп.
Я песни пел, — и вот я нем,
Я видел огонь, — и слеп!
Я помню: ненависть, любовь,
Молитвы, ужас, бред...
Ужели начинать мне вновь
Весь круг былых побед?
Где новый Дант? другой Шекспир?
Невиданный закат?
Я до конца прошел весь мир,
И нет путей назад!
1 августа 1911

ВОРОБУШЕК

Озиме зеленые, оголенный лес,
Небо серо-синее, мертвые цветы,
Станции заброшенной сумрачный навес,
И в мечтах задумчивых — маленькая ты.
Милый мой воробушек! ты клюешь под-
солнух,

Прыгаешь доверчиво, смело предо мной;
Оба мы купаемся в предосенних волнах:
Ты с своей заботою, я с своей мечтой.
Пусть, бросая в воздух бело-серый дым,
Мимо нас стремительно мчатся поезда,—
Мы живем мгновением, кратким и одним,
Мы мгновеньем счастливы, нынче, как
всегда.

Осень пусть кончается; взвеют вихрем
вьюги

Белый снег над яркостью поздних озимей,
Будут мертвы бороны, будут мертвы плуги.
Ты зиме доверишься, я — мечте моей.
Прыгает воробушек, облака ползут,
Лес стоит безжизненный над простором
нив,

Хорошо довериться быстрым снам минут,

Чувствовать, что в вечность я влюблен и
жив.

4 октября 1911

«Так повелел всесильный Демиург...»

Так повелел всесильный Демиург,
Чтоб были люди ремеслом различны.
Тот — плотник, тот — купец, тот — драма-
тург,
Те — камни класть, те — суд вести привыч-
ны.

Но ты — ты выбрал жребий необычный:
Художник ты, и также ты хирург!
Ты лечишь люд, и сельский и столичный,
И пишешь нам блеск дня и темень пург.
Так ты творца провел лукаво за нос,
Нарушив, им назначенный, устав:
Ты — разен, как Протей, двулик, как Янус!
Прими же от меня, средь разных слав,
И мой сонет, что преломил, как в призме,
Недавний спор о материализме.

23 декабря 1911

«Двадцать лет назад ты умерла...»

Двадцать лет назад ты умерла.
Как же нынче снова ты пришла
В тихом сне, ко мне, — с лицом печаль-
ным,

С тихим голосом, как будто дальним,

Та же, та же, что была тогда!

Пред тобой я плакал без стыда

О годах, прожитых бесполезно.

Ты сказала тихо: «Ночью звездной,

Здесь, в каких-то четырех стенах,

Ты уснешь на белых простынях,

И в стране, где счастье безбрежней,

Встречу я тебя улыбкой прежней!»

Облелеян нежностью былой,

Снова был я мальчиком с тобой,

Целовал протянутые руки,

И, чрез годы медленной разлуки,

Душу скорбную ласкала вновь

Первая блаженная любовь.

Декабрь 1911

«Как ангел тьмы и ангел света...»

*Две тени милые, два данные судьбой
Мне ангела...*

Пушкин

Как ангел тьмы и ангел света,
Две тени строгие со мной,
И властно требуют ответа
За каждый день и подвиг мой.
Один, «со взором серафима»,
Лелеет сон моей души,
Другой, смеясь, проходит мимо
И дерзко говорит: спеши!
Но лишь я вслед за ним дерзаю,
Бросаясь в гибельный хаос,—
Другой зовет к земному маю,
К блаженству думы, к счастью слез.
И каждый вечер — двое! двое!
Мне произносят приговор:
Тот — неземное, тот — земное,
Кляня, как ужас и позор.
Но неземное сходно с бездной,
В которую готов я пасть,

А над земным свой полог звездный
Волшебно распростерла страсть.
И я, теряя в жизни грани,
Не зная, душу где сберечь,
В порыве темных отрицаний
На ангелов взношу свой меч!
1907. 1911

МОЕЙ ДЖЕННИ

*А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах
Пушкин*

Уже овеянная тенью,
Встречая предзакатный свет,
Там, за пройденными ступенями,—
Мечта моих начальных лет!
Все тот же лик, слегка мечтательный,
Все тот же детски-нежный взор,
В нем не вопрос, — привет ласкательный,
В нем всепрощенье, — не укор.
Все клятвы молодости преданы,
Что я вручал когда-то ей,
До дна все омуты изведаны
Безумств, желаний и страстей.
Но в ней нетленно живо прежнее,
Пред ней я тот же, как тогда,—
И вновь смелее, безмятежнее
Смотрю на долгие года.
Она хранит цветы весенние,
Нетленные в иных мирах,
И так же верю прежней Дженни я,

И те же клятвы на устах.

<1911 >

В ОТВЕТ ТОМУ, КТО ПРЕДЛОЖИЛ МНЕ «ВЫБОР»

К. Бальмонту

Давно, среди всех соблазнов мира,
Одно избрал я божество,
На грозном пьедестале — лира,
Лук беспощадный в длани бога,
В чертах надменных — торжество.
Я с детства верен стреловержцу,
Тому, кем поражен Пифон,
И любо пламенному сердцу,
Когда в душе кипит тревога
В предчувствии, что близок он.
Иду меж торжищ и святилищ,
Слежу земные суеты;
Но в тайнике моих хранилищ
Я берегу одно лишь: гимнам
Мной посвященные листы.
Меня венчают иль поносят,
Мне дела нет. Как клевету,
Приемлю лавр, что мне подносят,
И в блеске дня, и в мраке дымном
Храня свободную мечту.

«Нет тебе на свете равных...»

Нет тебе на свете равных,
Стародавняя Москва!
Блеском дней, вовеки славных,
Будешь ты всегда жива!
Град, что строил Долгорукий
Посреди глухих лесов,
Вознесли любовно внуки
Выше прочих городов!
Здесь Иван Васильич Третий
Иго рабства раздробил,
Здесь, за длинный ряд столетий,
Был источник наших сил.
Здесь нашла свою препону
Поляков надменных рать;
Здесь пришлось Наполеону
Зыбкость счастья разгадать.
Здесь, как было, так и ныне —
Сердце всей Руси святой,
Здесь стоят ее святыни,
За кремлевскою стеной!
Здесь пути перекрестились
Ото всех шести морей,
Здесь великие учились —

Верить родине своей!
Расширяясь, возрастая,
Вся в дворцах и вся в садах,
Ты стоишь, Москва святая,
На своих семи холмах.
Ты стоишь, сияя златом
Необъятных куполов,
Над Востоком и Закатом
Зыбля зов колоколов!

<1911>

«Прости мой стих, безумьем гневный...»

Прости мой стих, безумьем гневный,
Прости мой смех, на стон похожий!
Измучен пыткой ежедневной,
Я слез твоих не разгадал!
Мы снова брошены на ложе,
И ты рукой, почти бессильной,
Но все торжественней, все строже
Мне подаешь святой фиал.
Кругом чернеет мрак могильный,
Жизнь далеко, ее не слышно,
Не это ль склеп, глухой и пыльный,—
Но ты со мной — и счастлив я.
<1911>

«— Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!..»

— Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!

— Что же будет, что же будет с прежней тьмой?

— Тьма исчезнет, тьма растает в блеске дня!

— Ах, уже лучи, как пламя, жгут меня!

— Будь же счастлив, будь же светел в светлый час!

— Таю в блеске, исчезаю, я — погас.

— Что же ты не славись в песне вечный свет?

— У того, кто гаснет в свете, песен нет.

— Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!

— Вижу свет, но я окутан прежней тьмой.

21 января 1912

«Чуть видные слова седого манускрипта...»

Чуть видные слова седого манускрипта,
Божественный покой таинственных
могил,

И веянье вокруг незримых дивных крыл,—
Вот, что мечталось мне при имени Египта.
Но всё кругом не то! Под тенью эвкалипта
Толпятся нищие. Дым парохода скрыл
От взглядов даль песков, и мутен желтый

Нил.

Гнусавый вой молитв доносится из крип-
та.

Я вечером вернусь в сверкающий отель
И, с томиком Ренье прилеги на постель,
Перенесусь мечтой на буйный берег Сены.
О, гордый фараон, безжалостный Рамсес!
Твой страшный мир погиб, развеялся, ис-
чез,—

И Хронос празднует бесчисленные смены.
9 марта 1912

ПРИ ЭЛЕКТРИЧЕСТВЕ

Я мальчишкой мечтал, читая Жюль Верна,
Что тени вымысла плоть обретут для нас,
Что поплывет судно, громадной «Грет-Истерна»,
Что полюс покорит упрямый Гаттерас,
Что новых ламп лучи осветят тьму ночную,
Что по полям пойдет, влекомый паром,
Слон,
Что «Наутилус» нырнет свободно в глубь морскую,
Что капитан Робюр прорежет небосклон.
Свершились все мечты, что были так далеки.

Победный ум прошел за годы сотни миль;
При электричестве пишу я эти строки,
И у ворот, гудя, стоит автомобиль;
На полюсах взвились звездистые знамена;
Семья «Титаников» колеблет океан;
Подводные суда его взрезают лоно,
И в синеву, треща, взлетел аэроплан.
Но есть еще мечта, чудесней и заветней;

Я снова предан ей, как в юные года:
Там, далеко от нас, в лазури ночи летней,
Сверкает и зовет багряная звезда.
Томят кою мечту заветные каналы,
О существах иных твердят безвольно сны...
Марс, давний, старый друг! наш брат!
двойник наш алый!

Ужели мы с тобой вовек разлучены!
Не верю! Не хочу здесь, на зеленом лоне,
Как узник, взор смежить! Я жду, что сквозь
эфир,

В свободной пустоте, помчит прибор Мар-
кони

Приветствия земли в родной и чуждый
мир;

Я жду, что, наконец, увижу шар блестя-
щий,

Как точка малая, затерянный в огнях,
Путем намеченным к иной земле летя-
щий,

Чтоб братство воссоздать в разрозненных
мирах.

28 мая 1912

«Зыблются полосы света...»

Зыблются полосы света
В черной, холодной воде.
Страстным вопросам ответа
Нет в этом мире нигде!
Небо закрыто туманом,
Звезды незримы во мгле.
Тайным и горьким обманом
Облито все на земле.
Вы, фонари! — повторенья
Светлых, небесных очей,
Как ваше зыбко дробленье
В сумраке черных ночей.
Ты, неживого канала
Черная, злая вода,—
Как ты дробишься устало,
Сжата в гранит навсегда!
Зыблются отблески света,—
Блеск фонарей на воде...
Страстным вопросам ответа
Нет в этом мире нигде!
1 ноября 1912
Петербург

«Три женщины — белая, черная, алая...»

Три женщины — белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. Зачем и когда
Вы вторглись в мечту мою? Разве немало я
Любовь восславлял в молодые года?
Сгибается алая хищной пантерой
И смотрит обманчивой чарой зрачков,
Но в силу заклятий, знакомых мне, верую:
За мной побежит на свирельный мой зов.
Проходит в надменном величии черная
И требует знаком — идти за собой.
А, строгая тень! уклоняйся, упорная,
Но мне суждено для тебя быть судьбой.
Но клонится с тихой покорностью белая,
Глаза ее — грусть, безнадежность — уста.
И странно застыла душа онемелая,
С душой онемелой безвольно слита.
Три женщины — белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. И кто-то поет,
Что нет, не довольно я плакал, что мало я
Любовь воспевал! Дни и миги — вперед!
1912

«Сердце утомленное хочет одного...»

Сердце утомленное хочет одного,
Глупенькая девочка, — счастья твоего.
Ты встречаешь радостно нежную весну.
Ожиданья тайные я ли обману?
В чью-то душу робкую я сошел, как бог,
И возвращаю цветики вдоль ее дорог;
И, как солнце майское в небе голубом,
Я горю надеждами, я дышу теплом;
Властным мановением жизнь пробужде-
на...

Пусть же радость празднует новая весна!
Пусть поля оденутся в зелень и цветы,—
Я хочу, чтоб юностью опьянилась ты!
Что бы в сердце ни было, знаю я одно:
Быть с тобою ласковым, нежным мне дано.
И слова безумные, те же, что всегда,
Повторяю кротко я: «Любишь? лю-
бишь?» — «Да».

1912

«Как струны оборвавшейся жалобный звук...»

Как струны оборвавшейся жалобный звук,
В сердце — эхо недавних желаний и мук.

Детский взор, милый лик, прелесть ласковых рук,—

Почему это все стало чуждым мне вдруг?

За окном уже день, и сквозь просветы штор

Наглый луч на кровать смотрит прямо в упор.

Плечи молча целую, бесправно, как вор,

Знаю, понял: окончен мучительный спор...

Ночи гаснет недолгий, обманчивый бред.

В безразличьи твоём есть безмолвный ответ,

И «не знаю» звучит беспощадней, чем «нет»...

Заливает двоих все решающий свет.

Нынче — осень, вчера ликовала весна;

Кто жестоко исчерпал всю душу до дна?

Из подушек ты смотришь, как прежде, яс-

на,

Но уныло звенит, умирая, струна...

«Любовь, как властный недруг, вяжет...»

*Но есть сильней очарованье.
Ф. Тютчев*

Любовь, как властный недруг, вяжет,
Любовь, смеясь, ведет на казнь
И слов пощады нам не скажет.
Но сладостны ее насилья,
Мы за плечами чуем крылья
И в сердце — радость, не боязнь!
Страсть — властно налагает цепи,
Страсть угнетает, как тиран,
И нас влечет в нагие степи,
Там мы, без сил, клянем миг каждый,
Там, истомясь от смертной жажды,
Мы гибнем от позорных ран.
Но, если, совершая чудо,
Тюрьму вскрывает нам Любовь,—
Мы радостно бежим оттуда.
Когда ж спадают цепи страсти,
Мы — все в ее волшебной власти
И сами к ней приходим вновь!
1912

«Безумец! думал плыть ты по...»

Безумец! думал плыть ты по
Спокойной влаге, в сладкой дреме,
Но, как герой Эдгара По,
Закручен в бешеном Мальстрёме?
Летят, свистят извивы волн,
Их громовые стоны звонки;
Летит твой наклоненный челн
В жерло чудовищной воронки.
Но, как герой жестоких Tales,[3]
Припомни книгу Архимеда:
Лишь разум не сошел бы с рельс,
И мысли суждена победа!
Мой разум, бодрствуй! мысль, гори!
Мы с вами созданы для рыб ли?
В душе мерцает свет зари...
Мой разум! нет, мы не погибли!
1912

«Огни! лучи! сверканья! светы!..»

Огни! лучи! сверканья! светы!
Тот ал, тот синь, тот бледно-бел...
Слепит авто, с хвостом кометы,
Трам, озаряя, прогремел.
В вечерний сумрак, в шаткость линий
Вожглись, крутятся, огни реклам,
Зеленый, алый, странно-синий...
Опять гремит, сверкая, трам.
На лицах блеск — зеленый, алый...
На лицах смерть, где властен газ...
Но буен город, пьяный, шалый,
Справляющий вечерний час.
Что день! Ночь блещет алым, синим,
Оранжевым, — любим лучом!
На облака мы светы кинем,
Мы небо буквами зажжем!
О солнце мы в огнях забыли:
Опал, берилл и хризолит...
И россыпью алмазной пыли
Пред небом город заблестит!
1912

РЕБЕНОК

Сонет

Тебе тринадцать лет, но по щекам, у глаз,
Пороки, нищета, ряд долгих унижений
Вписали тщательно свой сумрачный рас-
сказ,

Уча — все выносить, пред всем склонять
колени.

Под шляпку бедную лица скрывая тени
И грудь незрелую под выцветший атлас,
Ты хочешь обмануть развязностью движе-
нии,

Казаться не собой, хотя б на краткий час!
Нарочно голос свой ты делаешь жесточе,
Встречаешь хохотом бесстыдные слова,
Чтоб стать подобной им, — тем жрицам
нашей ночи!

И поднимаешь ты, в порыве удальства,
Высоко свой подол у полных людом конок,
Чтоб кто не угадал, что ты еще ребенок.

1912

«Всем душам нежным и сердцам влюбленным...»

Всем душам нежным и сердцам влюбленным,

Кого земной Любви ласкали сны,
Кто пел Любовь во дни своей весны,
Я шлю привет напевом умиленным.
Вокруг меня святыня тишины,
Диана светит луком преклоненным,
И надо мной, печальным и бессонным,
Лик Данте, вдаль глядящий со стены.
Поэт, кого вел по кругам Вергилий!
Своим сверканьем мой зажги сонет,
Будь твердым посохом моих бессилии!
Пою восторг и скорбь минувших лет,
Яд поцелуев, сладость смертной страсти...
Камены строгие! — я в вашей грозной власти.

<1912>

«Речи медной, когда-то звучавшей на форуме Римском...»

Речи медной, когда-то звучавшей на форуме
Римском,

Я бы ответить желал звуками тех же вре-
мен,

Но дерзну ль состязаться с Титаном, себе
подчинившим

Все наречья земли, словно все ветры Эол,
С тем, кто в строки письма влагает Симма-
ха сладость,

Кто в авсонийский размер Пушкина стих
заключил.

Нет, обращаться не смею к другим благо-
склонным

Каменам.

Я Полигимнии лишь скромный вручаю от-
вет,

Муза, любовно скажи «quam mellea res set
epistui», [4]

Если, как подпись, стоит Федор Евгеньевич
Корт.

«День красочный, день ярко-пестрый...»

Есть некий час всемирного молчанья.
Ф. Тютчев

День красочный, день ярко-пестрый,
Многоголосный шумный день;
Ты сердце ранишь болью острой,
Ступени взносишь на ступень.
Всходя по лестнице небесной,
Мы, страх и радость затая,
Взираем, из юдоли тесной,
На всю стоцветность бытия!
И, как Адамы, всем виденьям,
Всем звукам, всем лучам миров
Мы ищем, с нежным умиленьем,
Непобедимо-верных слов.
Но сходит ночь, и яркость тонет
В единой, безразличной мгле,
И Тень бестрепетно хоронит
Все разделенья на земле.
Нет ничего, дела и вещи
Смешались, чтобы в бездну пасть,
И Хаос древний, Хаос вещей

Рукой оледеняет страсть.
Подходит страшный час незнания,
Единства и слиянья час...
О, час всемирного молчания,
Ты с Тайной жизни близишь нас!
7 мая 1913

«Разбегаются снова поля за ОКНОМ...»

Разбегаются снова поля за окном,
Темный лес по окружности медленно
вертится,

Сеть из проволок то на кругу голубом,
То на поле зеленом отчетливо чертится.
Дальний путь, дальний путь, дальний
путь, дальний путь.

Это я прошептал, иль колесами сказано?
Убежать! позабыть! умереть! отдохнуть!
Что-то длинное, долгое снова развязано.
Милый Макс! да, ты прав! под качанье рес-
сор

Я, как ты, задремал, убаюкан их «титатью»,
И уже Океан смотрит прямо в упор
Мне в глаза, здесь в полях, за болотистой
Припятью.

29 июня 1913

«Строго и молча, без слов, без угроз...»

Строго и молча, без слов, без угроз,
 Падает медленно снег;
Выслал лазутчиков дряхлый Мороз,
Непобедимый стратег.
Падают хлопья, утрюмо кружась,
Строго и молча, без слов,
Кроют сурово осеннюю грязь,
Зелень осенних лугов.
Молча, — послы рокового вождя,—
Падают вниз с высоты,
Кроют овраги в полях, возводя
С горки на горку мосты.
Выслал лазутчиков дряхлый стратег,
Скоро появится рать.
Падая молча, безжизненный снег
Хочет всю землю ровнять.
Чу! не трубят ли воинственный рог,
Не авангард ли идет?
Изморозь бело блестит вдоль дорог,
Речки затянуты в лед.
Падают хлопья, спокойно кружась,

Делают дело без слов:
Скрыли покровы осеннюю грязь,
Скрыли просторы лугов.
Лед над водой, над полянами снег,
Слиты мостами холмы.
Вьюга трубит... Выступает стратег
Старой царицы Зимы.
25 августа 1913

«Мне кажется, что в саване Я...»

Мне кажется, что в саване я,
Лежу в глухой земле.
Где все восторги плавания
Под солнцем и во мгле?
И призраки томительные
Проходят предо мной.
Стучат часы медлительные,
Поют «Ты был живой».
И лишь одна, единственная
Тень меж других теней,—
Как вестница таинственная
Грядущих новых дней.
Душа, душа, обманутая
Так много, много раз,
Ужели даль оглянутая
Опять обнимет нас?
И, снова мукам преданная,
Душа, ты будешь петь,
А тайна неизведанная
В мои глаза глядеть?
Нет, нет! Еще не в гавани я,

Мой путь не завершен!
Вновь будут буйства плавания,
Вновь вспыхнет небосклон!
<Декабрь> 1913
Эдинбург II

«После долгих скитаний тебя я обрел, моя девочка!..»

После долгих скитаний тебя я обрел, моя де-
вочка!

Тайно двоих на лугу пояс обвил золотой!

Кто же пред нами мелькает: бабоч-
ка-страсть,

однодневочка,

Иль Афродиты посол, тот мотылек роко-
вой?

Мы, закрывая глаза, бежим за блестящим
видением,

Призрак, мелькнувший на миг, думаем в
сетку

поймать.

Не обернется ли он сурово-торжественный
гением,

Иль на высокий Олимп не возвратится ль
опять?

Так, беспечные, мы преследуем гения веч-
ности.

Веет над лугом цветов нежный, как мед,
ветерок.

Ах, что готовит Любовь, как месть, роковой
беспечности?

Ах, не метнет ли стрелой гибельной — в
нас —

мотылек?

1913

«Три змеи, три кольца, окужили меня...»

Три змеи, три кольца, окужили меня,
И в глаза мне глядят шесть сверканий
огня.

Давят кольца всё крепче, всё ласковой
грудь,

Я, под яростью ласки, не в силах вдох-
нуть.

Три змеи, три кольца, сплелись вокруг ме-
ня;

Кольца: алое, черное, все из огня;

В их объятьях, простерт, я недвижим, как
труп,

Ищут жадные губы безжалостных губ.

Три змеи, три кольца, обвились вокруг ме-
ня,

Я — в кольце из желез, я — в кольце из ог-
ня;

Оплетают мне тело шесть ласковых рук,

Чуть дышу, чуть вздыхаю под нежностью
мук.

Три змеи, три кольца, окужили меня,

—
В теле — смерть, в сердце — ужас, в глазах

блеск огня.

Всё тесней, всё нежней, за изгибом изгиб,

В муках ласк обмираю, я гибну, погиб...

1913

Москва

«Как из коры точит желтеющую камедь...»

Как из коры точит желтеющую камедь,
В Аравии, согбенный ствол,
Так медленно точит измученная память
Воспоминанья благ и зол.
Но меж всех обликов, что, плача и ревнуя,
Моя мечта навеки избрала,—
Воспоминание святого поцелуя,
Что девушка, вся в черном, мне дала.
Был пуст туманный порт, весь мир как
будто вымер;
Колеблемый в береговой воде,
Стоял у пристани заокеанский стимер,
Готовясь ввериться своей звезде.
Я, одинокий, ждал, склоняясь к черным во-
дам.
Была душа уныла и пуста...
И девушка, спеша по сходням, мимоходом,
Мне поцелуем обожгла уста...
1913

«Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных...»

Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных
Впервые расслышал шум жизни мировой:
вой:

От гула поездов до стога волн прибрежных,
ных,

От утренних гудков до воплей безнадежных
ных

Покинутых полей, от песни роковой
Столиц ликующих до властного напева
Раздумий, что в тиши поют нам мудрецы,
Бросающие хлеб невидимого сева
На ниве жизненной во все ее концы,—
Я вдруг почувствовал, как страшно необъ-
ятен

Весь мир передо мной, и ужаснулся я
Громадности Земли, и вдруг мне стал по-
нятен

Смысл нашего пути среди туманных пятен,
тен,

Смысл наших малых распрь в пучине бы-
тия!

Верхарн! ты различил «властительные
ритмы»

В нестройном хаосе гудящих голосов.

1913

«Проходит день, как смена отражений...»

Проходит день, как смена отражений —
Разноголосица движений, красок, слов,
И строго ночь восходит на ступени,
Цвета лучей преображая в тени,
За шумом дня вскрывая тихость снов.
«Есть некий час всемирного молчанья».
Спит суета и онемела страсть...
Впивая тишь в волнах благоуханья,
Тогда лови иных миров качанья,
Чтоб, как река, в простор вселенной
впасть.

1913

«Я в море не искал таинственных Утопий...»

Я в море не искал таинственных Утопий,
И в страны звезд иных не плавал, как
Бальмонт,

Но я любил блуждать по маленькой Европе,
И всех ее морей я видел горизонт.

Меж гор, где веет дух красавицы Тамары,
Я, юноша, топтал бессмертные снега;
И сладостно впивал таврические чары,
Целуя — Пушкиным святые берега!

Как Вяземский, и я принес поклон Олаю,
И взморья Рижского я исходил пески;
И милой Эдды край я знаю, — грустно
знаю;

Его гранитам я доверил песнь тоски.
Глазами жадными я всматривался долго
В живую красоту моей родной земли;
Зеркальным озером меня ласкала Волга,
Внося — приют былых — Жигули.
Страна Вергилия была желанна взорам:
В Помпеи я вступал, как странник в отчий

дом,
Был снова римлянин, сходя на римский
форум,

Венецианский сон шептал мне о былом.
И Альпы, что давно от лести лицемерной
Устали, — мне свой блеск открыли в час
зари:

Я видел их в венцах, я видел — с высей
Берна —

Их, грустно меркнувших, как «падшие ца-
ри».

Как вестник от друзей, пришел я в Пире-
неи,

И был понятен им мой северный язык;
А я рукоплескал, когда, с огнем у шеи,
На блещущий клинок бросался тупо бык.
Качаясь на волнах, я Эльбы призрак серый
Высматривал, тобой весь полн, Наполе-
он,—

И, белой полночью скользя в тиши сквозь
шхеры,

Я зовам викингов внимал сквозь легкий
сон;

Громады пенные Атлантика надменно
Бросала предо мной на груди смуглых

скал;

Но был так сладостен поющий неизменно
Над тихим Мэларом чужих наяд хорал...
На плоском берегу Голландии суровой
Я наблюдал прилив, борьбу воды и дюн...
И в тихих городах меня встречали снова
Гальс — вечный весельчак, Рембрандт —
седой вещун.

Я слушал шум живой, крутящийся в Пари-
же,

Я полюбил его и гул, и блеск огней,
Я забывал моря, и мне казались ближе
Твои, о Лувр,

Но в мирном Дрездене и в Мюнхене спеси-
вом

Я снова жил отрадной тишиной,

И в Кельне был мой дух в предчувствии
счастливым,

Когда Рейн катился предо мной.

Я помню простоту сурового Стефана,

Стокгольм — озерных вод и «тихий» Ам-
стердам,

И «Сен» 'у в глубине Милана,

И вставший в темноте Кемпера гордый
храм.

О, мною помнятся — мной не забыты видь:

Затихший Нюнестейм! торжественный
Кемпер!

Далекий Каркасон! пленительное Лидо!..

Я — жрец всех алтарей, служитель многих
вер!

Европа старая, вместившая так много
Разнообразия, величий, красоты!

Храм множества богов, храм нынешнего
бога,

Пока земля жива, нет, не исчезнешь ты!

И пусть твои дворцы низвергнутся в пучи-
ны

Седой Атлантики, как Город Шумных
Вод,—

Из глуби долетит твой зов, твой зов еди-
ный,

В тысячелетия твой голос перейдет.

Народам Азии, и вам, сынам Востока,

И новым племенам Австралии и двух

Америк, — светишь ты, немеркнувшее око,

Горишь ты, в старости не усыпленный дух!

И я, твой меньший сын, и я, твой гость
незванный.

Я счастлив, что тебя в святыне видел я,
Пусть крепнут, пусть цветут твои святыне
страны

Во имя общего блаженства бытия!

1913

«Опять мой посох приготовлен...»

Опять мой посох приготовлен,
Все тот же, старый и простой,
И день отбытия условлен —
Отмечен роковой чертой.
Там, за окном, в пустом пространстве,
Все тот же — милый лик луны.
Кругом — трофеи прежних странствий,
Как память мира и войны.
Там — камни с гор, там — лук и стрелы,
Там — идолы, там — странный щит,
Мой облик, грустно-поседелый,
На них из зеркала глядит.
Вот — карты; резко исчертила
Их чья-то сильная рука.
Вот — книги; что когда-то жило,
Звучит в них — зов издалека!
А там — собранье всех приветствий,
Дипломов пышных и венков...
(О, слава! Как приманчив в детстве
Твой льстивый, твой лукавый зов!)
Так почему ж, под мирной сенью,

Мне не дремать покойным сном,
Не доверяться наслажденью
Мечты о буйном, о былом?
Я окружен давно почетом,
Хвалой ненужной утомлен.
Зачем же бурям и заботам
Я брошу мой счастливый сон?
<1913>

«— Плохо приходится старому лешему...»

— Плохо приходится старому лешему,
Мне, горемычному, брат домовой!
Всюду дороги— телегам и пешему,
Летось от пса я ушел чуть живой,
Сын было думал помочь мне, — да где же
ему,

Бок ему месяц лечил я травой.

— Плохо, брат леший, и мне, домовому,
Фабрики всюду, везде корпуса,
Жить стало негде, дом каменный к дому,
В комнатах лампы горят, как глаза;
Веришь, и думать забыл про солому,
Видно, придется и мне к вам в леса;
<1913>

«Ступени разрушенной лестницы...»

Ступени разрушенной лестницы
Уводят в глубокий овраг,
Где липы, столетью ровесницы,
Вечерний нахмурили мрак.
Река обегает излучиной
Приниженный берег. Во мгле
Толпой, беспорядочно скученной,
Рисуются избы в селе.
Лесами просторы обставлены,
Поет недалекий родник...
О город, о город отравленный,
Я здесь, твой всегдашний двойник!
28 июня 1914

ЭЛЛИСУ

Нет! к озаренной сиянием бездне
Сердце мое не зови!

Годы идут, а мечте все любезней
Грешные песни любви.

Белые рыцари... сень Палестины...
Вечная Роза и крест...

Ах, поцелуй заменяет единый
Мне всех небесных невест!

Ах! за мгновенье под свежей сиренью
С милой — навек я отдам

Слишком привычных к нездешнему пе-
нью

Оных мистических Дам.

Их не умею прославить я в песне...

Сердце! опять славословь,

С годами все умиленней, чудесней,
Вечно земную любовь!

1914

ЛИСТОК, СПРЯТАННЫЙ В КОРЕ

Над Озером Грез, где большие березы
Любовно дрожат на вечерней заре,
Они, в летний день, свои детские грезы
Доверили белой коре.
В заветном листке было сказано много;
О чем они робко мечтали вдвоем,
О чем они тайно молили у бога
В недавнем прекрасном былом.
В тот день, как свершились бы эти мечта-
нья,
Как правдой надежды их сделал бы Рок,—
Они бы вернулись на место свиданья,
Чтоб вынуть поблекший листок.
И дерево свято в груди сохраняло
Листок пожелтелый с чуть видной кай-
мой,
В июле ветвями его обвевало,
Хранило от стужи зимой.
Мечты же писавших не сбылись. Таила
Судьба приговор: им не встретиться вновь!
И юношу зло сторожила могила,

Ее же — другая любовь.

Но все же остались их юные души

На старом листке у свидетеля грез:

О маленькой Мане и бедном Илюше

Твердят колыханья берез.

26 октября 1914

«Не как молния, смерти стрела...»

Не как молния, смерти стрела,
Не как буря, нещадна и зла,
Не как бой, с грудой жертв без числа,
Не как челн, на волнах без весла,—
Тихим утром Любовь снизошла.
Как пророк, я в грозе, я в огне
Бога ждал, — он предстал в тишине.
Я молюсь просиявшей весне;
Сын полей, в голубой вышине,
Небу песню поет обо мне.
Пой певучую песню, певец:
«Эти дни — над всей жизнью венец!
Слышишь стук двух согласных сердец?
Видишь блеск двух заветных колец?
Будь любим — и люби, наконец!»
1 ноября 1914
Варшава

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ...

Быть может, я в последний раз
Свою дорогу выбираю,
На дальней башне поздний час
Звенел. Что в путь пора, я знаю.
Мой новый путь, последний путь,
Ты вновь ведешь во глубь ущелий!
Не суждено мне отдохнуть
В полях весны, под шум веселий!
Опять голодные орлы
Над головой витают с криком,
И грозно выступы скалы
Висят в безлюдии великом;
Опять, шипя, скользит змея,
И барс рычит, пустынножитель;
Но шаг мой тверд, и снова я —
Охотник, странник и воитель.
Пусть годы серебрят висок,
Пусть в сердце тупо ноют раны; —
Мой посох поднят, путь далек,
Иду чрез горы и туманы.
На миг мне виден с высоты
Тот край, что с детства взоры манит.
Дойду ль до сладостной черты,

Иль Смерть мне на пути предстанет?
Но знаю, прежде чем упасть,
Чем вызов Смерти встретить дружно,—
Мне снова улыбнется страсть
Улыбкой ласково-жемчужной.
Последнем, роковой любви
Слова я прошепчу на круче,
И, — словно солнце, всё в крови,—
Пусть жизнь тогда зайдет за тучи!
18 ноября 1914

ВСХОЖДЕНИЕ

А лестница все круче...

Не оступлюсь ли я?

Urbi et Orbi

Как винт чудовищный, свиваясь вокруг стеньки,

Восходит лестница на высь гигантской башни.

Давно исчезло дно безмерной глубины,

Чтоб дальше сделать шаг, все должно быть бесстрашней.

За ярусом — другой; сквозь прорези бойниц

Я вижу только ночь да слабый отблеск звездный;

И нет огней земли, и нет полночных птиц,

И в страшной пустоте висит мой путь железный.

Направо к камням жмусь; налево нет перил;

Зловеще под ногой колеблются ступени.

Гляжу наверх — темно; взглянуть назад — нет сил;

Бессильный факел мой бросает тень на те-
ни.

Кто, Дьявол или Бог, какой народ, когда
Взвел башню к небесам, как древле в Вави-
лоне?

И кто, пророк иль враг, меня привел сюда
На склоне злого дня и дней моих на скло-
не?

И что там, в высоте? божественный покой,
Где снимет предо мной Изида покрывало?
Иль черное кольцо и только свод глухой,
И эхо прокричит во тьме: «Начни снача-
ла!»

Не знаю. Но иду; мечу свой факел ввысь;
Ступени бью ногой; мой дух всхождением
хмелен.

Огонь мой, дослужи! нога, не оступись!..
Иль этот адский винт, и правда, беспреде-
лен?

8 декабря 1914

Варшава.

«Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи...»

Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи,
Все кажется, — под дальний гул паль-
бы:

Дрожит земля до самых средоточий
И падают огромные столбы.

Все кажется, под страшный ропот боя,
Что старый мир разрушиться готов.

Не волны ли, неукротимо воя,
Ломают стены древних берегов?

Не жаль сознанию новой Атлантиды!

Пусть покрывает ясность глубины
Всю ложь веков, предвечные обиды
И тщетные, не явленные сны!

Пусть новый мир встает из бездн безвест-
ных,

Не знающий, что в прошлом были мы:

О нем мечтаю, в свете звезд небесных,

Под гул пальбы смотря в провалы тьмы!

12 декабря 1914

Варшава

ДВА ВРАГА

Над глубиью бездны перекинут,
Повис дрожащий узкий мост.
Над ним в холодном небе стыннут
Лучи всегда бесстрастных звезд.
И здесь, на зыбкой середине
Моста, сошлись мы, два врага.
Сошлись одни в ночной пустыне:
Вкруг — бездна, звезды да снега!
Узнав друг друга в мгле неверной,
Мы стали: между нами — шаг;
И мост качается размерно,
Соперник третий, третий враг.
Я видел беглый блеск кинжала
В твоей, скользнувшей вбок, руке;
Моя рука револьвер сжала,
И замер палец на курке.
Молчим. Но не мелькнет минута,
И чья-то грудь, не знаю чья,
Покинув этот мост согнутый,
Прильнет на дне к струе ручья.
Вдруг глянул месяц серповидный.
О, как лицо твое бледно!
В нем страх и гнев! — Как мне завидно!

О почему — мне все равно!

12 декабря 1914

Варшава

БОЛЬШЕ НИКОГДА

*Когда Данте проходил по улице, девушки шептали: «Видите, как лицо его опалено адским пламенем!»
Летописец XIV века*

Больше никогда на нежное свиданье
Не сойду я в сад, обманутый луной,
Не узнаю сладкой пытки ожидания
Где-нибудь под старой царственной сос-
ной.
Лик мой слишком строгий, как певца
Inferno,
Девушек смущает тайной прошлых лет,
И когда вдоль улиц прохожу я мерно,
Шепот потаенный пробегает вслед.
Больше никогда, под громкий говор пти-
чий,
Не замру вдвоем у звонко-шумных струй...
В прошлом — счастье встречи, в про-
шлом — Беатриче,
Жизни смысл дающий робкий поцелуй!
В строфах многозвучных, с мировой трибу-
ны,

Может быть, я вскрою тайны новых дней...
Но в ответ не встречу взгляд смущен-
но-юный,

И в толпе не станет чей-то лик бледней.
Может быть, пред смертью, я венок лавро-
вый

Смутно угадаю на своем челе...

Но на нем не лягут, как цветок пунцовый,
Губы молодые, жаркие во мгле.

Умирают молча на устах признанья,
В мыслях скорбно тают страстные слова...

О, зачем мне снятся лунные свиданья,
Сосен мягкий сумрак ив росе трава!

1914

ГЕРМАНИЯ

Отрывки

1

Германия! Германия!

Опять, как яростный поток,
Разрушивший плотины,
Ты рухнула на потрясенный мир,
Грозя залить окрестные долины,
Как древле,
В дни готов, франков, вандалов
И в дни Аттилы;
Как после,
Во дни твоих губительных походов
На беззащитную, усталую Италию;
И как недавно,
Во дни разгрома Франции несчастной.
Опять,
Сломав плотины,
Ты рухнула, как яростный поток,
Весь в брызгах пены.
Но вещая надежда в нас
Таится, что об эти наши стены,
На этот раз,

Ты разобьешь свои дерзания!
Что в третий раз
Ты не разрушишь Рима!
Германия! Германия!
Стремись волной неукротимой,
Влеку свой яростный поток.
Рок
Во имя Права, Красоты, Свободы
Вспять обратит бушующие воды!

2

Германия! Германия!
Почти поверил легковерный мир,
Что по твоим полям прошла мечта —
Титания,
Что покори́л тебя Орфей веков — Шекс-
пир!
Что твой священный сын, богоподобный
Гете,
В тебя сумел вдохнуть гармонию, что ты
В таинственном полете
Мечты
Достигла вдохновенной высоты...
1914

СЕМЕЙНАЯ КАРТИНКА

Аллегория

*И вот в железной колыбели
В громах рождается новый год.
Ф. Тютчев*

Ты спишь «в железной колыбели»,
И бабка над тобой, Судьба,
Поет, но песнь ее — пальба,
И светит в детской — блеск шрапнелей.
Сейчас скончался старший брат.
Вот он лежит в одежде ратной...
Должник несчастный, неоплатный,
Он, кажется, был смерти рад.
Чу! соскочив поспешно с «бенца»,
Вошел отец, двадцатый век,
Сел, подписал огромный чек
И бросил на постель младенца.
Печально улыбнулась мать
Эпоха: ей знакомы эти
Подарки в люльке... Те же дети
Должны без гроша умирать!
И, на портреты предков глядя,
Она вперила взор в один:

Седой, поникший господин:
Век девятнадцатый, твой дядя!
Меж тем твой дед — бессмертный Рок
Угрюмо дремлет в старом кресле.
Былые дни пред ним воскресли:
Грозит Аттила, жив Восток...
Он спит... Внезапно, как химера,
Неведомая гостья в дом
Влетает... Шелестя крылом,
Вещает радостно: «Я — Эра».
А за дверями, как и встарь,
Меж слуг выходит перебранка.
История, как гувернантка,
Зовет ребенка за букварь;
Ему винтовку тащит Время,
Седой лакей; его жена,
Статистика, возмущена,
Кричит, что то младенцу — бремя.
Шум, крик. Но дряхлая Судьба,
Клонясь упрямо к колыбели,
При ночниках — огнях шрапнелей,
Поет, и песнь ее — пальба!

31 декабря 1914 — 1 января 1915

ВИТРАЖ — ТРИПТИХ

Средняя часть

Рыцарь по отмели едет один.

Левая створка

Дева томится в молельне вечерней.

Правая створка

Ждет, притаясь за скалой, сарацин.

Рама

Алые розы в сплетении терний.

Рыцарь

Рыцарь по отмели едет один;

Взор, из-под шлема, уныло-спокоен;

Блещет в щите, посредине, рубин;

Конь златосбруйный, и мощен и строен.

Взор, из-под шлема, уныло-спокоен,

Смотрит в широкую синюю даль.

Что тебя мучит, задумчивый воин:

Слава и смерть иль любовь и печаль?

Блещет в щите, посредине, рубин,—

Золото справа и золото слева...

То талисман или память годин?

Нет, твой подарок, далекая дева!

Рыцарь по отмели едет один;

Конь златосбруйный, и мощен и строен,

Мерно ступает, взбивая песок...

Конь королевский! владеть им достоин

Только такой благородный ездок!

Что ж тебя мучит, задумчивый воин?..

Дева

Дева томится в молельне вечерней.

Образ мадонны и кроток и тих.

Грезы, что миг, все темней и неверней...

Где он, где твой нареченный жених!

Образ мадонны и кроток и тих,

Молча приемлет земные молитвы...

Где-то в горах и равнинах чужих

Длятся и длятся жестокие битвы!

Грезы, что миг, все темней и неверней...

Страшно, как в зеркало, глянуть в мечты:

Стрелы над шлемами свищут размерной,

Громче мечи дребезжат о щиты...

Дева томится в молельне вечерней:

Где он, где твой нареченный жених!

Может быть, сброшен коварным ударом,

Стынет, простертый на камнях нагих,

Ночью, под лунным таинственным паром,

Где-то в горах иль в равнинах чужих?

Сарацин

Ждет, притаясь за скалой, сарацин.

Рыцарь опасной дороги не минет!
Звон разнесется по глуби долин.
Кто-то кого-то в борьбе опрокинет!
Рыцарь опасной дороги не минет!
Враг неподвижен за серой скалой,
Прыгнет и крикнет, опустит и вынет,
Красный от крови, кинжал роковой!
Звон разнесется по глуби долин.
Радостный звон, — он друзей не обманет!
Алый, как красный от крови, рубин
К белой одежде красиво пристанет!
Ждет, притаясь за скалой, сарацин.
Кто-то кого-то в бою опрокинет!
Верный, как барс, поиграет с врагом,
Сзади копьё перелетное кинет,
И на седло, потрясая клинком,
Прыгнет, и крикнет, и лезвие вынет!

Рама

Алые розы в сплетении терний.
Алые розы — то рыцаря кровь;
Тернии — грезы в молельне вечерней;
Розы и тернии — наша любовь.

1914–1916

Варшава

«Да, я безумец! я не спорю!..»

Да, я безумец! я не спорю!
Воспоминанья заглуша,
Я жить умею лишь мгновеньем.
И, как река стремится к морю,
К любви спешит моя душа!
Неясным, тающим виденьем
Былое реет позади.
Но день, расцветший нынче, ярок.
Судьба с единственным веленьем
Мне предстает всегда: «Иди!»
Под сводом многоцветных арок,
По берегу поющих струй,
Иду, протягиваю руки,
И так томителен и сладок,—
Сегодня, — каждый поцелуй!
Он был иль нет, тот миг разлуки?
Не знаю! Верю правде встреч!
Да, я безумец! Я не спорю!
Но внятны мне лишь эти муки,
Лишь этот трепет детских плеч!
1914 — 4 января 1915

«Мелькали мимо снежные поляны...»

Мелькали мимо снежные поляны,
Нас увозил на запад sleeping-car,[5]
В тот край войны, где бой, где труд, где ра-
ны,
Где каждый час — пальба, все дни — по-
жар.

А мы, склонясь на мягкие диваны,
В беседах изливали сердца жар,
Судили мы поэта вещей дар
И полководцев роковые планы,—
То Пушкин, Достоевский, Лев Толстой
Вставали в нашей речи чередой,
То выводы новейшие науки...
А там, вдали, пальба гремела вновь,
На белый снег лилась потоком кровь
И люди корчились в предсмертной муке...

26 января 1915

МАЙСКИЙ ДОЖДЬ

Дождь весенний, дождь веселый,
Дождь в умильный месяц май,—
На леса, луга и доли
Искры влаги рассыпай.
Солнце смотрит и смеется,
Солнце искры серебрит,
Солнце вместе с влагой льется,
Солнце зелень трав кропит.
Небо падает на землю
В нитях призрачных дождя,
Солнце шепчет (шепот внемлю),
То журча, то дребезжа;
Небо шепчет: «К жизни! к свету!
Все ростки, листки, трава!
Верьте вечному обету:
Жизнь прекрасна! жизнь жива!
Сгинь, клочок последний снега!
Речка, воды подымай!
Всюду — радость! всюду — нега!
Всюду — дождь и всюду — май!»
8 марта 1915
Варшава
(День пасмурный и. холодный)

«Я устал от светов электрических...»

Я устал от светов электрических,
От глухих гудков автомобилей;
Сердце жаждет снова слов магических,
Радостных легенд и скорбных былей.
Давят душу стены неизменные,
Проволоки, спутанные в сети,
Выкликают новости военные,
Предлагая мне газету, дети;
Хочется мне замков, с их царевнами,
Озирающих просторы с башни,
Менестрелей с лютнями напевными,
Оглашающими лес и пашни;
Позабывшись вымыслами хочется,—
Сказками, где ведьмы, феи, черти;
Пусть, готовя снадобье, пророчица
Мне предскажет час грядущей смерти;
Пусть прискачут в черных шлемах рыцари,
Со щитами, в пятнах черной крови...
Ах, опять листок, в котором цидеро
Говорит про бой при Августове!

4 апреля 1915
Варшава

«Ночью ужас беспричинный...»

Ночью ужас беспричинный
В непонятной тьме разбудит;
Ночью ужас беспричинный
Кровь палящую остудит;
Ночью ужас беспричинный
Озирать углы принудит;
Ночью ужас беспричинный
Неподвижным быть присудит.
Сердцу скажешь: «Полно биться!
Тьма, и тишь, и никого нет!»
Сердцу скажешь: «Полно биться!»
Чья-то длань во мраке тронет...
Сердцу скажешь: «Полно биться!»
Что-то в тишине простонет...
Сердцу скажешь: «Полно биться!»
Кто-то лик к лицу наклонит.
Напрягая силы воли,
Крикнешь: «Вздор пустых поверий!»
Напрягая силы воли,
Крикнешь: «Постыдись, Валерий!»
Напрягая силы воли,

Крикнешь: «Встань, по крайней мере!»
Напрягая силы воли,
Вдруг — с постели прыгнешь к двери!
Ночь 10/11 апреля 1915

ПОЛЬША ЕСТЬ!

В ответ Эдуарду Слонскому

Jeszcze Polska jest!
Edward Slonski

I

Да, Польша есть! Кто сомневаться может?
Она — жива, как в лучшие века.
Пусть ей грозила сильного рука,
Живой народ чья сила уничтожит?
И верь, наш брат! твой долгий искус
про/кит!

Тройного рабства цепь была тяжка,
Но та Победа, что теперь близка,
Венца разбитого обломки сложит!
Не нам забыть, как ты, в тревожный час,
Когда враги, спеша, теснили нас,
Встал с нами рядом, с братом брат в отчиз-
не!

И не скорби, что яростью войны
Поля изрыты, веси сожжены,—
Щедр урожай под солнцем новой жизни!

II

Да, Польша есть! Но все ж не потому,

Что приняла, как витязь, вызов ратный,
Что стойко билась, в распре необъятной,
Грозя врагу — славян и своему.
Но потому, что блещет беззакатный
Над нею день, гоня победно тьму;
Что слово «Польша», речью всем понят-
ной,

Гласит так много сердцу и уму!

Ты есть — затем, что есть твои поэты,

Что жив твой дух, дух творческих начал,

Что ты хранишь свой вечный идеал,

Что ты во мгле упорно теплишь светы,

Что в музыке, сроднившей племена,

Ты — страстная, поющая струна!

22—23 мая 1915

Варшава

«Я прошел пути и перепуться...»

Я прошел пути и перепутья,
Мне искать неизвестного наскучило.
Тщетно Жизнь, дряхлеющее чучело,
Вновь надела пестрые лоскутья.
Тщетно манит разными приманками
И в цветы наивно прячет удочки...
Я пою былую песнь на дудочке,
Я гуляю прежними полянками.
Хорошо без дум идти опушками,
В темень леса, в дебри не заглядывать...
Ах, весны довольно — сердце радовать!
Что мне тайны с хитрыми ловушками!
Правит путь по небу древний Гелиос,
О листву лучи как будто точатся...
Нет! мне петь, как в детстве, нынче хочет-
ся

Бабочек на дудке, на свирели — ос!
9 июня 1915

ЗАВЕТ СВЯТОСЛАВА

По знакомой дороге назад
Возвращались полки Святослава.
Потрясен был надменный Царьград,
Над героями реяла слава,
Близки были родимой земли
И равнины, и мощные реки...
Но в горах на пути залегли,
Поджидая, коварные греки.
И, шеломы врагов опознав,
По холмам и утесам соседним,
Так дружине сказал Святослав:
«Видно, день — биться боем последним!
Пусть враги нас порубят, побьют,
Пусть обратно добычу отымут,—
Но певцы про нас славу споют,
Ибо мертвые сраму не имут!»
И рубились они до конца,
Полегли до последнего в поле;
Не осталось в живых и певца,
Чтобы спеть о губительной доле.
Сгиб в траве Святослава скелет,
Вихрем выветрен, ливнями вымыт,—
Но поет ему славу поэт,

Ибо мертвые сраму не имут.
В наши грозные, тяжкие дни
Вспомним снова завет Святослава!
Как во тьме путевые огни,
Веку новому — прошлого слава!
Уступает народу народ
Города, и равнины, и реки,—
Только доблесть бессмертно живет,
Ибо храбрые славны вовеки!
Июль 1915

К СТАЛЬНЫМ ПТИЦАМ

Я первые полеты славил
Пропеллером свистящих птиц,
Когда, впервые, Райт оставил
Железный рельс и бег направил
По воле, в поле без границ.
Пусть голос северного барда
Был слаб, но он гласил восторг
В честь мирового авангарда:
Того, кто грезу Леонардо
Осуществил и цепь расторг.
Казалось: мы у новой эры;
От уз плотских разрешены,—
Земли, воды и атмосферы
Владыки, до последней меры
В своих мечтах утолены!
Казалось; уничтожив грани
Племен, народов, государств,
Жить дружественностью начинаний
Мы будем, — вне вражды и брани,
Без прежних распрей и коварств.
И что же! меж царей лазури,
В свои владенья взявших твердь,
Нашлись, подсобниками фурий,

Опасней молний, хуже бури,
Те, что несут младенцам — смерть!
Не в честный бой под облаками
Они, спеша, стремят полет,
Но в полночь, тайными врагами,
Над женщинами, стариками
Свергают свой огонь с высот!
Затем ли (горькие вопросы!)
Порывы вихренных зыбей
Смиряли новые матросы,
Чтоб там шныряли «альбатросы»
И рой германских «голубей»?
1915

ЗОВ СТАРИННЫЙ

Свет из небесных скважин
С лазури льется, нежен,
На степь и кровли хижин;
Миг — робко-осторожен
И с грустью чутко-дружен...
О! сколько тихой ласки
В речном далеком плеске!
Как тени сердцу близки!
В траве блестят полоски
На сонном темном спуске...
Дышу истомой странной,
Весь полн тоской смиренной,
Но где-то зов старинный,
Звон глухо-похоронный,
Звучит, как ропот струнный.
1915

ЗАГРОБНЫЙ ПРИЗЫВ

Опять, опять я — близко, рядом!
Мои слова расслышь, узнай!
Тебя пугали в детстве адом,
Тебе сулили в смерти рай.
Не верь: мы — здесь! Погасло зренье,
Не бьется сердце, умер слух,
Но знаю, слышу приближенье
Твое, как духа слышит дух.
Твои мечты горят, как свечи
Во мгле; ищу невольно их;
Дышу тобой, в минуту встречи,
Как запахом цветов ночных.
Усилием последней воли
Качаю завес... видишь дрожь?
Мне страшно, жутко мне до боли,
Но нашей связи не тревожь!
Как под водой дышать нет силы,
Так в мире косном душно мне...
Но для тебя, мой брат, мой милый,
Я снова — здесь, я — в глубине!

1913

«Ты приходишь из страны безвестной...»

Ты приходишь из страны безвестной,
Чужеземец! я — в родном краю.
Молод — ты, я — стар, так разве честно
Оскорблять святыню древнюю мою?
Я служу Перуну. В храме темном
Провожу, как жрец, свои часы,
Мою бога, на лице огромном
Золотые чищу я усы.
Я считаю десять пятилетий
С дня, как мальчиком вошел сюда,—
Старцы, мужи, женщины и дети
Чтут мои согбенные года.
Славишь ты неведомого бога,—
Я не знаю, властен он иль слаб.
Но всю жизнь у этого порога
Я склонялся, как покорный раб.
Или был безумен я все годы?
Иль вся жизнь моя — обман и стыд?
Но Перун царит из рода в роды,
Как и ныне над страной царит.
Удались отсюда, странник юный,

Унеси свой заостренный крест,—
Я пребуду данником Перуна,
Бога наших, мне родимых, мест.
Пусть ты прав, и бог мой — бог неправый...
В дни, когда покинут все наш храм,
Я, воспев Перуну песню славы,
Лягу умирать к его стопам.

В АЛЬБОМ

Многое можно прощать,
Многое, но ведь не все же!

Мы пред врагом отступать
Будем постыдно... О, боже!
Мы пред врагом отступать
Будем теперь... Почему же?
— Брошена русская рать
Там, на полях, без оружий!
Брошена русская рать.
Пушки грохочут все реже,
Нечем на залп отвечать...
Иль то маневры в манеже?
Нечем на залп отвечать,
Голые руки... О, боже!
Многое можно прощать,
Многое, но ведь не все же!
1915

ВСЕ КРАСКИ РАДУГИ

Все краски радуги — небесные цвета,
Все трепеты весны — земная красота,
Все чары помыслов — познание и мечта,—
Вас, пламенно дрожа, я восприемлю снова,
Чтоб выразить ваш блеск, ищу упорно слова,
Вас прославлять и чтить душа всегда готова!
Земля! поэт — твой раб! земля! он — твой король!
Пади к его ногам! пасть пред тобой позволь!
Твой каждый образ — свят! пою восторг и боль!
Пусть радость высшая пройдет горнило муки,
Пусть через вопль и стон в аккорд сольются звуки,
Пусть миг свидания венчает дни разлуки!
Все краски радуги — небесные цвета,
Все образы весны — земная красота,
Все чары помыслов — всё, всё прославь,
Мечта!

«Волны волос упадали...»

Волны волос упадали,
Щечки пылали огнем.
С отзвуком нежной печали
Речи любовью звучали,
Нега сквозила во всем.
Солнце, с весенней улыбкой,
Воды теченья зажгло,
Мы над поверхностью зыбкой,
В лодочке утлой и зыбкой,
Медлили, бросив весло.
Милые детские грезы,
Вы не обманете вновь!
И тростники, и стрекозы,
Первые, сладкие слезы,
Первая в жизни любовь!
<1891–1915>

<ИЗ ВЕНКА СОНЕТОВ>

1

В моей душе, как в глубях океана,
Живой прибор зачатий и смертей,—
Стихийный вихрь неистовых страстей;
И им просторы водяные пьяны.
Здесь утро мира расцвело рано,
Земля здесь первых родила детей,
Отсюда сеть извилистых путей
Ко всем, кто дышит под лучом Титана.
Прародина живого! Как во сне,
Скользят в твоей безмерной глубине
Виденья тех явлений, что погасли;
Там, под твоим торжественным стеклом,
Еще жива, как в целом сонме Библий,
Несчетность жизней, прожитых в былом.

15

В моей душе, как в глубях океана,
Несчетность жизней, прожитых в былом:
Я был полип, и грезил я теплом;
Как ящер, крылья ширил средь тумана;
Меня с Ассуром знала Cordiana;
С халдеем звездам я воспел псалом;
Шел с гиксами я в Фивы напролом;

Гнал диких даков под значком Траяна;
Крест на плече, я шел в Иерусалим;
Как магу, Дьявол мне грозил сквозь дым;
Мара судил мне плаху гильотины;
И с Пушкиным я говорил как друг;
Но внятны мне звонки трамваев вкруг,
Как много всех, и все же я — единый!
<1915>

«С волнением касаюсь я пера...»

I

С волнением касаюсь я пера,
И сердце горестным раздумьем сжато.
Больших поэм давно прошла пора
(Как Лермонтов нам указал когда-то).
Но я люблю их нынче, как вчера!
Бессмертная, мне помоги, Эрато,
Мой скромный дар прияв, благослови
Рассказ в стихах о жизни и любви.

II

Я пережил дни искушений тайных,
И все равно мне, будет ли мой стих
В десятках или сотнях рук случайных...
Сам для себя люблю в стихах своих
Стеченье рифм, порой необычайных,
Я для себя пишу — не для других.
Читатели найдутся — сердце радо;
Никто не примет песни — и не надо!

III

Гремит война. Газетные столбцы
Нам говорят о взятых пулеметах;

На поле брани падают бойцы.
И каждый о своих родных в заботах,
Меж тем подводят в книгах мудрецы
Итоги бойни роковой на счетах...
Теперь ли время Музу призывать?
— Теперь, как и всегда! Шумела рать

IV

Аргивян на берегах, у древней Трои;
Прошли герои, но живет Омир!
И нашей жизни твердые устои
Падут во прах, вновь изменится мир,
Не встанут, может быть, сверкая, строи,
Но будет вечно звучен ропот лир,
Поэзия над славой и над тленьем
Останется сияющим виденьем...
<1915>

«Пришли рассеяния годы...»

Тот в гробе спит, тот дальний сиротеет.

А. Пушкин

Пришли рассеяния годы,
Нам круг друзей не соединить:
Один уже сошел под своды,
Которых нам не сокрушить;
Тот роком самовластным брошен
В изгнанье, на чужой гранит;
Тот в цвете дум болезнью скошен,
Не жив, не умер, — словно спит;
Тот бродит по далеким странам,
Тоской гоним, всегда один,
От нас отрезан, как туманом,
Чредой изменчивых картин;
Еще иные — в поле ратном,
В окопах, под дождем свинца;
Согласно при луче закатном
У нас забьются ли сердца?
Как знать? Но будь еще помянут
Один: он факел снов задул;
Не нами тайный враг обманут,

Нас друг неверный обманул.
Быть может, прежним идеалам
Остался верен только я:
Доныне не была причалом
Оскорблена ладья моя;
Но, жизни бурями испытан,
Таю глубины грез моих,
И ядом горечи напитан,
Нередко, мой вечерний стих.
29 июля. 1916

ВЕРНЫЕ ЛИРЕ

Мстит лабиринт...

Urbi et Orbi

К нам не была ль судьба скупа,
Нам не дары ль бросала щедро?
Пусть нашей жизни темная тропа
Не раз вела в глухие недра.
Пред нами был- весь ясный мир,
Мы шли сквозь грозные
Вверяя струнам вещей лир
Мечты, и души, и желанья.
Порой вступали в мглу пещер,
Где слышен грозный рев чудовищ,
Но к свету вновь, зажав химер,
Входили с грудями сокровищ.
И снова шли в цветах, в лучах,
Под щебет птиц, под рокот моря,
И нам был чужд пред долей страх,
Мы были рады мигам горя.
Но вновь во глубь тропа сошла,
Под черноту подземных сводов;
Кругом везде — слепая мгла,
Вой чудищ, призраки уродов.

Глядим назад, — но входа нет,
Вперед, — но выхода не видно.
Нам повстречать ли снова свет,
Луной дышать ли серповидной?
Вверх или вниз, но путь идет,
Он с каждым шагом — безысходной...
Но все равно! вперед, вперед,
Поем и в недрах преисподней!
1916

ЛЕВ И СВИНЬЯ

Басня по Ф. Достоевскому

Однажды Лев
Свинью обидел,
Да так, что целый лес ее позор увидел.
Придя в великий гнев,
Свинья донельзя расхрабрилась
(Известно, что и гнев порой мутит, как
хмель),
За оскорбление отметить решилаась
И вызвала владыку на дуэль.
Однако, возвратясь к родным пенатам,
Задумалась Свинья
И, страха не тая,
Расхрюкалась пред умным братом:
«Ах, братец, вот — попала я в беду!
Ты знаешь Льва суровый норов!
Уж лучше я куда-нибудь уйду!»
Но Боров
(Он был писатель, с едкостью пера)
В ответ ей: «Погоди, сестра!
К чему бежать так прямо?
Поблизости помойная есть яма:

Получше вываляйся в ней,
А после выходи на бой с царем зверей».
Свинья послушалась совета.
Помоями вонючими кругом
Вся облепилась до рассвета
И так предстала пред врагом.
Свидетелями беспримерной брани
Был полон лес и ближний дол.
И вот явился Лев, как обещал заране,—
Пришел, понюхал и ушел...
И долго после свиньи все вопили:
«Лев струсил! мы-де победили!»
Так иногда завзятый полемист
К газетному нас требует барьеру,
Но трудно Льва не следовать примеру,
Когда противник наш уж чересчур нечист!
<1916>

«Иногда хорошо и отрадно...»

Иногда хорошо и отрадно
Знать, что сжали четыре стены
Жизнь твою, с ее пылкостью жадной,
И твои, слишком буйные, сны.
За окном — тот же город стозвонный,—
Спешный бег неумолчных авто,
Но к тебе, в твой покой потаенный,
Не проникнет бесцельно никто.
Как утес, весь и в пене и в шуме,
Неподвижен, и строг, и высок,—
Ты, в приюте свободных раздумий,
В самой ярости толп, — одинок.
Светы полдня, полночные тени,
Ряд мечтами обвитых часов...
И скользят вереницы видений,
Лики бывших и жданных годов.
Это — памяти путь беспредельный,
Это — встреча всех тех, кто ушли,
Это — бред беспечально-бесцельный
О палящем восторге земли.
И спокойных раздумий зарницы
Озаряют крутящийся сон;
Совість судит; заплаканы лица;

Знаю: кто-то без слов осужден.
Кто-то... Может быть, я... Ну так что же!
Это час пересмотра годин.
Как тебе благодарен я, боже,
Что на время — в тюрьме и один!

1916

Лечебница доктора Постникова

МОЛИТВА

Отче! полмира объемлешь ты тенью,
Звезды ведешь и луну в небесах,
Даруй покой моему утомленью,
Дай успокоиться в сладостных снах.
Се — отрекаюсь от помыслов злобных,
Се — осуждаю все, в чем погрешил.
Дай мне во снах, тихой смерти подобных,
Ведать покой безмятежный могил.
Злое видение ложа да минет,
Да не предстанет мне облик в крови.
В час же, когда светые первые кинет
Солнце Твое, — Ты меня оживи!

1916

«В круженьи жизни многошумной...»

В круженьи жизни многошумной,
В водовороте наших дел,
Я — ваш! и этот мир безумный —
Мной вольно избранный удел.
Люблю призывы телефонов,
Истлевшей проволоки блеск,
И над рекой гудков и звонов
Пропеллера внезапный треск;
Люблю я ослепленье сцены
И ресторанный пьяный свет,
Все эти вспышки, эти смены
Победно наступивших лет...
Люблю... Но что же сердце ранит,
Когда я вижу чаши роз,
Когда мечту, как сон, туманит
Над речкой свежий сенокос?
Зачем душа томленьем сжата
Здесь на отлогом берегу,
Когда вдали сереет хата
И стадо бродит на лугу?
Зачем так сладко в темной роще,

Где ландыш мраморный расцвел,
Где мыслям легче, думам проще,
Едва под сень ее вошел?
Кляните! прошлое мне мило,
Природа родины — близка...
Пусть скоро скажут: «Это было!» —
Люблю отшедшие века!
Гряди, что будет! Водопадом
Былую жизнь нещадно смой!
С неведомым пойду я рядом,
Но прошлый мир — он мой! он мой!
1916

«Рдяность померкла за очерком гор...»

Рдяность померкла за очерком гор,
Красок развеялся пестрый укор,
Все безразлично — восторг и позор...
В мире встречает уверенный взор
Только провалы да звездный узор,
Рано влюбил я, люблю до сих пор
Строй беспредельных, незримых опор,
Держащих строго безмерный собор;
Мир беспросветен — как сумрачный бор,
Звезды-миры смотрят с неба в упор.
Чу! запекает невидимый хор,
Дарохранитель десную простер...
Могі.[6] То Роком решается спор...
Горе, что утра багряный костер
Бросит румянец на черный простор!
1916

«Закат ударил в окна красные...»

Закат ударил в окна красные
И, как по клавишам стуча,
Запел свои напевы страстные;
А ветер с буйством скрипача
Уже мелодии ненастные
Готовил, ветвями стуча.
Симфония тоски и золота,
Огней и звуков слитый хор,
Казалась в миг иной расколота:
И такт, с певцом вступая в спор,
Выстукивал ударом молота
Незримый мощный дирижер.
То вал стучал в углы прибрежные,
Ломая скалы, дик и пьян;
И всё: заката звуки нежные,
Сверканье ветра, и фонтан,
Лепечущий рассказы снежные,
Крыл гулким стуком Океан!
<Декабрь> 1916

БАЛЛАДА

Горит свод неба, ярко-синий;
Штиль по морю провел черты;
Как тушь, чернеют кроны пиний;
Дыша в лицо, цветут цветы;
Вас кроют плющ и сеть глициний,
Но луч проходит в тень светло.
Жгла вас любовь, желанье жгло...
Ты пал ли ниц, жрец, пред святыней?
Вы, вновь вдвоем, глухой пустыней
Шли — в глуби черной пустоты;
Месила мгла узоры линий;
Рвал ветер шаткие кусты.
Пусть горек шепот. Ты с гордыней
На глас ответил: «Все прошло!...»
Потом, один, подъяв чело,
Упал ты ниц, жрец, пред святыней?
Б саду блестит на ветках иней,
Льды дремлют в грезах чистоты.
Ряд фолиантов; Кант и Плиний;
Узоры цифр; бумаг листы...
Пусть день за днем — ряд строгих скиний,
Мысль ширит мощное крыло...
Познав, что есть, что быть могло,

Ты ниц упал, жрец, пред святыней?
Восторгов миг и миг уныний! —
Вас вяжут в круг одной мечты!
Всё — прах. Одно лишь важно: ты
Упал ли ниц, жрец, пред святыней?
1916

ВЕЧЕРНИЕ ПЕОНЫ

По широкому простору предвечерней синевы

Засияли, заблестали начертания созвездий,

И росинки задрожали по извилинам травы

Под зелеными огнями на задвинутом разъезде.

Ты мелькнула, проскользнула, подошла и замерла...

И я видел, в полусвете, ослепительном и белом,

Как тревожно, осторожно ты поникла и легла

На протянутые рельсы странно вытянутым телом.

Все дышало, опьянялось наступлением весны

Под магическим мерцаньем углубленного простора,

Но роптанье нарушало неподвижность тишины,

И зловеще возвышались разветвленья semaфора.

И вонзался, и впивался неисчисленностью
жал,

Доходя из отдаленья, ровно-вымеренный
грохот,

Словно где-то, в океане, океан зарокотал,
Словно демоны сдавили свой невыдержан-
ный хохот.

И два глаза, вырастая, словно молнии, про-
жгли,

И два глаза словно душу перерезали с раз-
бега...

А Медведица сияла, непорочная, вдали,
И травинок трепетала опьянительная
нега.

РИМЛЯНЕ В КИТАЕ

166 г. н. э

Все улицы полны народом,
Бегут и торговцы и воины...
Лишь там, где дворец, перед входом
Прибои толпы успокоены.
В столице Срединного Царства
Прибывших из-за моря чествуют.
Со свитой послы государства
Далекого медленно шествуют.
Вдоль лестниц до самой вершины
Сверкают стоцветные фонарики;
Стоят наверху мандарины,
Качая почетные шарики;
По стенам — дракон над драконом,
Причудливо свитые в кольчики;
Смеются серебряным звоном
Из всех уголков колокольчики;
Там — золото, перлы, алмазы;
Там — лики, страшнее, чем фурии;
И высятся странные вазы,
Роскошней, чем вазы Этрурии.
Послы, величавы и строги,

Приблизились к трону заветному;
Их длинные белые тоги
Блистают меж блеска стоцветного...
<1916>

«В том сером доме, в этом переулке...»

В том сером доме, в этом переулке,
Когда мне было двенадцать лет,
Мы играли, по воскресеньям, в жмурки:
Две девочки, я и хмурый кадет.
Нам было по-детски весело;
Когда же сумрак разливал свою муть,
Мы в старые кресла,—
Отдохнуть,—
Садились по двое:
Я и Манечка,
Он и Танечка,—
Создание кроткое...
И мы в темноте целовались...
Какой анализ
Сумеет решить:
Можно ли в двенадцать лет — любить?
В тихом свете
Белеет окно.
И, быть может, другие дети
Там играют, как мы — давно!
И поцелуи,

Как струи
Тысячелетий,
Плывут,
Обращаясь во всплески
Минут...
До последних им плыть мгновений
Земли...
За окном, к занавеске,
Вот две тени
Подошли.
15 февраля 1917

«Еще недолгий срок тебе рыдать, река...»

Еще недолгий срок тебе рыдать, река,
В оковах ледяных безжизненной зимы!
Вот-вот уже весна спешит издалека —
И твой умолкнет плач, ты выйдешь из
тюрьмы!

Освобожденная от роковых оков,
Ты смело зазвенишь в зеленых берегах,
Тогда на песнь твою, на твой свободный
зов,

Свободно отзвуки откликнутся в лесах.
И майская лазурь, без тучки, вся в огне,
С улыбкой, над тобой заблещет с высоты,
А солнце по твоей сверкающей волне
Разбросит дивные волшебные цветы.
Прохладный, утренний, весенний ветерок
Твою безгрешную взволнует нежно грудь,
И, скромно, лилия, невинности цветок,
Наклонится к тебе, чтоб в лоно вод взгля-
нуть!

Еще недолгий срок тебе рыдать, река,
В оковах ледяных безжизненной зимы!

Вот-вот уже весна спешит издалека —
И вновь свободна ты, и нет твоей тюрьмы!
1917

ПОСЛЕ НЕУДАЧИ

Надежды рухнули, как строй картонных домиков;

Желанья стелются, как с тусклых углей дым...

Мечты любимые, сонм трагиков и комиков,

Поспешно, в уголке, с лица стирают грим.

Душа затемнена, — пустой партер без зрителей!

Огни погашены, накинуты чехлы...

Статисты скромные, недавние воители,

Торопятся к дверям, мелькнув на миг из мглы.

Что ж дальше? Новые разыскивать трагедии,

Для новых mises-en-scene расчерчивать тетрадь?

Иль, выбрав наскоро в оставленном наследии

Все ценное, с узлом, как вору, убежать?

Был ясен приговор, и режиссер освищенный

Не должен ли сойти со сцены навсегда?

Над тем, что красотой, божественной и истинной,

Считал он, прозвучал холодный смех суда.

Да, надо уходить... Но дым желаний стелется,

По углям тлеющим взбегает огонек,

И кто-то, кажется, вот-вот сейчас осмелится

Дать знак, — и прозвучит сзывающий звонок!

1917

КОСЦЫ В «СФЕРЕ ОГНЯ»

Братцы, дружно! Свежи росы!
По росе так ходки косы!
Мерно восемь плеч заносим,
Косим, косим, косим, косим!
Свищут пули чрез покосы...
Но, как бог рыжеволосый,
Солнце встало! Страх отбросим!
День не ждет: косить, так косим!
Чрез поля мы под откосы
Сходим, бодры, сходим, босы,
Мы у пульь пощады не просим,
Под дождем свинцовым косим.
Вам пример, молокососы!
Свищут пули, словно осы,
Гонятся, как волк за лосем...
Древний долг свершая, косим!
Мы, как смелые матросы,
Правим парус на утесы,
С русским радостным «авосем»
Мы, как ветер, косим, косим!
Живы ль будем? Прочь вопросы!
Громче хор восьмиголосый!
Все, быть может, ляжем восемь,

Всё ж господень луг мы скосим.
1917

VIA APPIA

Звучный, мерный стук копыт...
Кони бьют о камень плит,
Мчась вперед в усердьи пылком.
Мимо, с гиком, в две гурьбы,
Плети взвив, бегут рабы,
Путь в толпе доля носилкам.
Ропот, говор, шум шагов;
Пестрых столл и белых тог
Смесь и блеск; сплетенье линий,
Смена видов... Сном застыл
Через белый строй могил,
Темный свод роскошных пиний.
Кто-то крикнул...
<1916–1917>

«Тот облик вековой огромных городов...»

Тот облик вековой огромных городов,
Который видим мы, — исчезнет неиз-
бежно;

Наследье смутное мятущихся веков,
Отброшен будет он презрительно-небреж-
но.

Окончится война, и вступит мир опять
На твердую стезю исканий и открытий,
Чтоб над стихиями во всем торжествовать
И властелином быть явлений и событий.
Исполнится тогда жестокая мечта
Поэтов, видевших грядущее воочью.
Земля предстанет всем — Эдемом, залита
Огнем искусственным, как в полдень, так
и ночью;

Стеклянным куполом прикроется она,
И общий город-дом, вместив все миллио-
ны

Живых существ, начнет без отдыха и сна,
Покорно выполнять их строгие законы.
Машины загудят, сокрытые от глаз,

Всем разнося тепло, свет, воздух, веду, пишу,

Авто и аэро, раз тридцать каждый час,
Всех будут подвозить послушно к их жилищу:

Незримых проволок бесчисленная сеть
Всем явит новости и в звуках и в картине...
Но будет все вокруг: стекло, сталь, камень,
медь,

Железо, золото, алмаз, орк, алюминий,
Не будет ни травы, ни зелени; ничто
Не сохранит следов отвергнутой природы,
Но о живых лесах решится вспомнить кто
В дни блага общего, блаженства и свободы?

Но я еще люблю вас, города...

<1917>

В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

Минут годы. Станет наше время
Давней сказкой, бредом дней былых;
Мы исчезнем, как бывшее племя,
В длинном перечне племен земных.
Но с лазури будут звезды те же
Снег декабрьский серебрить во мгле;
Те же звоны резать воздух свежий,
Разнося призыв церковей земле;
Будет снова пениться в бокалах,
Искры сея, жгучее вино;
В скромных комнатах и пышных залах,
С боем полночи — звучать одно:
«С Новым годом! С новым счастьем!» —

Дружно

Грянет хор веселых голосов...
Будет жизнь, как пена вин, жемчужна,
Год грядущий, как любовный зов.
Если ж вдруг, клоня лицо к печали,
Тихо скажет старенький старик:
«Мы не так восемнадцатый встречали!..» —
Ту беседу скроет общий клик.
Сгинет ропот неуместный, точно
Утром тень, всплывающая ввысь...

Полночь! Полночь! бьющая урочно,
Эти дни безвестные — приблизь!
1 декабря 1917 — 1 января 1918

КРАТКИЙ ДИФИРАМБ

Летайте, птицы,—
И мы за вами!
Нам нет границы.
И за громами,
Над чернью туч,
Челн Человека
Победу века
Гласит, летуч!
Прорезал небо
Руль моноплана.
Соперник Феба!
Глубь океана,
И волны рек,
И воздух горный
Тебе покорны,
О Человек!
<1910–1918>

ГОЛОС ГОРОДА

Ру-ру, ру-ру, трах, рк-ру-ру...
По вечерам, как поутру,
Трамвай гремит, дзинь-дзинь звонит...
И стук колес, и скок копыт,
И взвизги шин, взносящих пыль,
И-и гудит автомобиль.
Трамвай гремит: ру-ру, ру-ру...
По вечерам, как поутру.
Сквозь гул толпы — торговцев зов,
Мальчишек крик и шум шагов,
И говор, говор, говор, гул...
Но ветерок дохнул, подул...
Трамвай гремит: ру-ру, ру-ру...
По вечерам, как поутру.
Вон с высоты, как дальний всплеск,
Пропеллера жужжащий треск,
Но скок копыт, но стук колес,
Но гул толпы все <смял>, унес.
Ру-ру, ру-ру, трах, ру-ру-ру...
Трамвай гремит, как поутру.
И, гордым вздохом вознесен,
Над городом восходит звон:
Дон-дон, дон-дон, весь небосклон

Разносит зов иных времен!

3—4 января 1918

«На дальней полке мирным строем стоя...»

На дальней полке мирным строем стоя,
Спят с ранних лет любимые тома:
В них дремлет луч тропического зноя,
Глядит из них полярной ночи тьма.
Там — повести безумно-дерзких стран-
ствий:

То — к полюсу, где мир окован льдом,
Где солнца нет, а мгла горит, в убранстве
Сияний северных, над белым сном;
То — в страны страшных бурь и грозных
ливней,

Где из песков крутит столбы самум,
Где путь в лесах проложен силой бивней,
Где львы рычат иль жуток выкрик пум.
Там — сказки о боях: пираты в давке,
В зубах с ножами в плен берут фрегат;
Иль дикари летят, взвив томагавки,
Под бранный клич на белых из засад!
Ряд буйных вымыслов, живых фантазий!
Из детских книг встают, в мечтах ожив,
Герои, битвы, земли; в каждой фразе —

Отважный подвиг, смелый жест, порыв.
И в наши дни, когда кругом — так смутно,
Отрадно вспомнить все, что Рок унес:
Пыл юности, былой восторг, минутно
Забыв действительность в причуде грез!
24 января, 1918

ТАБАКЕРКА

Наших предков табакерки!
Позабыть я их могу ль,
Как шкапы, как шифоньерки,
Как диваны стиля Буль!
На роскошной табакерке
Часто изображены
Были «думы баядерки»,
Одалисок знойных сны.
Иль бывали табакерки,
Где под обликом сирен
Вы встречали, вскрывши дверки,
Ряд совсем интимных сцен!
Бонбоньерки, табакерки,
Вы из моды вышли все,
Как мотив былой венгерки,
Мушки, пудра на косе!
Золотые табакерки,
Вы в музее, под стеклом,
Расположены по мерке,
Чинно дремлете рядком.
Только в нашей табакерке
Жизнь, как прежде, молода.
Не окажется ль, по сверке,

Что — все собраны сюда?
Слава нашей табакерке!
Будем веселиться с ней,
Стоя, как на этажерке,
Пред глазами наших дней!
Пусть хотя бы в «Табакерке»
Стих живет! — Хотя б на час
Изуверы, изуверки
Наших дней, — щадите нас!
19 марта 1918

СКОЛЬЗЯЩАЯ ТЕРЦИНА (Наброски)

Когда мечта, под волей господина,
Должна идти вперед, как вьючный
мул,—

Поможешь ты, скользкая терцина!
На высях гор закатный луч уснул,
В лазури звезды — крупны и алмазны,
Чуть слышен издали прибойный гул.
Все образы, что ярки и бессвязны,
Толпились быстро, в белом блеске дня,
Во мраке встали в строй однообразный.
Прочь все, что в жизни мучило меня,
Что мукой-счастьем волновало душу,
Томя надеждой, памятью казня.
Я тайны дум недавних не нарушу,
Вступаю в ночь видений и чудес,
Как путник сходит с корабля на сушу.
Я, тот, дневной, как призрак дня, исчез,
Иной, ночной, послушный воле тайной,
Стою я здесь, как пред лицом небес!
Нет, выпадает жребий не случайно;
Кому и славить нынче, как не мне,

Рим погибающий строфой бескрайней?
Я древность мира высмотрел вполне,
По всем ее дорогам, где возможно,
Бродил и помню все, как сон во сне.
И вот виденья вновь встают тревожно,—
Заклятьем вызваны вновь к бытию,
Как в синема, проходят фильмой сложной.
Знакомые картины узнаю:
То — древний Рим, его дворцы и храмы,
В лучах он нежит красоту свою.
Повсюду — мрамор, чисто, стены прямы;
Он, как бывало, светом осиян,
На алтарях курятся фимиамы...
Апрель 1918

«Я — междумирок. Равен первым...»

Я — междумирок. Равен первым,
Я на собраньи знати — пэр,
И каждым вздохом, каждым нервом
Я вторю высшим духам сфер.
Сумел мечтами подсмотреть я
Те чувства, что взойти должны,
Как пышный сев, спустя столетья,—
Но ныне редким суждены!
Но создан я из темной глины,
На мне ее тяжелый гнет.
Пусть я достиг земной вершины,—
Мой корень из низин растет.
Мне Гете — близкий, друг — Вергилий,
Верхарну я дарю любовь...
Но ввысь всходил не без усилий —
Тот, в жилах чьих мужичья кровь.
Я — твой, Россия, твой по роду!
Мой предок вел соху в полях.
Люблю твой мир, твою природу,
Твоих творящих сил размах!
Поля, где с краю и до краю

Шел «в рабском виде» царь небес,
Любя, дрожа, благословляю:
Здесь я родился, здесь воскрес!
И там, где нивы спелой рожью
Труду поют хвалу свою,
Я в пахаре, с любовной дрожью,
Безвестный, брата узнаю!
18 июля 1911, 1918

«Народные вожди! вы — вал, взметенный бурей...»

Народные вожди! вы — вал, взметенный бу-
рей

И ветром поднятый победно в вышину.

Вкруг — неумолчный рев, крик разъярен-
ных фурий,

Шум яростной волны, сшибающей волну;

Вкруг — гибель кораблей: изломанные
снасти,

Обломки мачт и рей, скарб жалкий, и вез-
де

Мельканье чьих-то тел — у темных сил во
власти,

Носимых горестно на досках по воде!

И видят, в грозный миг, глотая соль, матро-
сы,

Как вал, велик и горд, проходит мимо них,

Чтоб грудью поднятой ударить об утесы

И дальше путь пробить для вольных волн
морских!

За ним громады волн стремятся, и покорно

Они идут, куда их вал влечет идти:

То губят вместе с ним под твердью гроз-
но-черной,

То вместе с ним творят грядущему пути.

Но, морем поднятый, вал только морем
властен.

Он волнами влеком, как волны он вле-
чет,—

Так ты, народный вождь, и силен и пре-
красен,

Пока, как гребень волн, несет тебя — на-
род!

1918

«Слепой циклон, опустошив...»

Слепой циклон, опустошив
Селенья и поля в отчизне,
Уходит вдаль... Кто только жив,
С земли вставай для новой жизни!
Тела разбросаны вокруг...
Не время тосковать на тризне!
Свой заступ ладь, веди свой плут,—
Пора за труд — для новой жизни!
Иной в час бури был не смел:
Что пользы в поздней укоризне?
Сзывай работать всех, кто цел,—
Готовить жатву новой жизни!
Судьба меняет часто вид,
Лукавой женщины капризней,
И ярче после гроз горит
В лазури солнце новой жизни!
На души мертвые людей
Живой водой, как в сказке, брызни:
Зови! буди! Надежды сей!
Сам верь в возможность новой жизни.

1918

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Импровизация

Есть ряд картин, и близких и далеких,
Таимых свято в глубине души;
Они, в часы раздумий одиноких,
Встают, как яркий сон, в ночной тиши:
Картина утра, — миги до восхода,
Когда весь мир — как в ожиданьи зал;
Явленья солнца жадно ждет природа,
И первый луч зеленовато-ал;
Картина вечера: луной холодной
Волшебно залит лес, балкон иль сад;
Все с фейной сказкой так чудесно сходно,
И губы ищут ласки наугад;
Картина первой встречи, и разлуки,
И страстной ласки, и прощальных слез;
Вот, в темноте, ломает кто-то руки...
Вот плечи жжет касанье черных кос...
Есть ряд картин, — банальных, но которых
Нельзя без трепета увидеть вновь:
Мы любим свет луны, сирени шорох,—
За то, что наша в них влита любовь!
И вот в числе таких картин священных

Есть, в памяти моей, еще одна;
Как скромный перл меж перлов драгоцен-
ных,

В их ожерелье вплетена она:
Картина вешних вод, когда, как море,
Разлиты реки; всюду — синева;
И лишь вода отражена во взоре,
Да кое-где кусты, как острова.
То — символ вечного стремленья к воле,
Лик возрожденья в мощной красоте...
Но дали вод, затопленное поле
Иным намеком дороги мечте!
Мне помнится — безбрежная Волга...
Мы — рядом двое, склонены к рулю...
Был теплый вечер... Мы стояли долго,
И в первый раз я прошептал: «Люблю!»
О, этот образ! Он глубоко нежит,
Язвит, как жало ласковой змеи,
Как сталь кинжала, беспощадно режет
Все новые желания мои!
Он говорит о чувствах, недоступных
Теперь душе; об том, что много лет
Прошло с тех пор, мучительных, преступ-
ных;

Что оживет земля, а сердце — нет!

Пусть этот образ реет так, — далекий
И вместе близкий, в тайниках души,
Порой вставая, как упрек жестокий,
И в модном зале, и в ночной тиши!
30 апреля 1918

«Парки бабье лепетанье...»

Парки бабье лепетанье
Жутко в чуткой тишине...
Что оно пророчит мне —
Горечь? милость? испытанье?
Темных звуков нарастанье
Смысла грозного полно.
Чу! жужжит веретено,
Вьет кудель седая пряха...
Скоро ль нить мою с размаха
Ей обрезать суждено!
Спящей ночи трепетанье
Слуху внятно... Вся в огне,
Бредит ночь в тревожном сне.
Иль ей грезится свиданье,
С лаской острой, как страданье,
С мукой пьяной, как вино?
Все, чего мне не дано!
Ветви в томности трепещут,
Звуки страстным светом блещут,
Жгут в реке лучами дно.
Ночь! зачем глухой истомой
Ты тревожишь мой покой?
Я давно сжился с тоской.

Как бродяга в край искомый,
Я вошел в наш мир знакомый,
Память бедствий сохрани.
В шумах суетного дня
Я брожу, с холодным взглядом,
И со мной играет рядом
Жизни мышья беготня.
Я иду в толпе, ведомый
Чьей-то губительной рукой,—
Как же в плотный круг мирской
Входит призрак невесомый?
Знаю: как сухой соломой
Торжествует вихрь огня,
Так, сжигая и казня,
Вспыхнет в думах жажда страсти...
Ночь! ты спишь! но чарой власти
Что тревожишь ты меня!

1918

ТОМНЫЕ ГРЕЗЫ

Вариация

Томно спали грезы;
Дали темны были;
Сказки тени, розы,
В ласке лени, стыли.
Сказки лени спали;
Розы были темны;
Стыли грезы дали,
В ласке лени, томны.
Стыли дали сказки;
Были розы-тени
Томны, темны... В ласке
Спали грезы лени.
В ласке стыли розы;
Тени, темны, спали...
Были томны дали,—
Сказки лени, грезы!
Тени розы, томны,
Стали... Сказки были,
В ласке, — грезы! Стыли
Дали лени, темны.
Спали грезы лени...

Стыли дали, тени...
Темны, томны, в ласке,
Были розы сказки!
1918

«Ночное небо даль ревниво сжало...»

Ночное небо даль ревниво сжало,
Но разубрался в звездах небосклон.
Что днем влекло, томило, угрожало,
Слилось меж теней в монотонный сон.
Иные ночи помню. Страсти жало
Вздых исторгало трепетный, как стон;
Восторг любви язвил, как сталь кинжала,
И был, как ночь, глубок и светел он!
О почему бесцветно-тусклы ночи?
Мир постарел, мои ль устали очи?
Я онемел, иль мир, все спевший, нем?
Для каждого свои есть в жизни луны,
Мы, в свой черед, все обрываем струны
На наших лирах и молчим затем.
1918

СОНЕТ

Отточенный булат — луч рдяного заката!
Твоя игрушка, Рок, — прозрачный серп
луны!

Но иногда в клинок — из серебра и злата
Судьба вливает яд: пленительные сны!
Чудесен женский взгляд — в час грез и
аромата,

Когда покой глубок. Чудесен сон весны!
Но он порой жесток — и мы им пленены:
За ним таится ад — навеки, без возврата.
Прекрасен нежный зов — под ропот неж-
ный струй,

Есть в сочетаньи слов — как будто поце-
луй,

Залог предвечных числ — влечет творить
поэта!

Но и певучий стих — твой раб всегдашний,
Страсть,

Порой в словах своих — певец находит
власть:

Скрывает тайный смысл — в полустихах
сонета.

ОКТАВЫ

I

Вот я опять поставлен на эстраде
Как аппарат для выделки стихов.
Как тяжкий груз, влачится в прошлом сза-
ди

Бессчетный ряд мной сочиненных строф.
Что ж, как звено к звену, я в длинном ряде
Прибавить строфы новые готов.
А речь моя привычная лукаво
Сама собой слагается октавой.

II

Но чуть стихи раздались в тишине,
Я чувствую, в душе растет отвага.
Ведь рифмы и слова подвластны мне,
Как духи элементов — зову мага.
В земле, в воде, в эфире и в огне
Он заклиняет их волшебной шпагой.
Так, круг магический замкнув, и я
Зову слова из бездн небытия.

III

Сюда, слова! Слетайтесь к кругу темы.
Она, быть может, не совсем нова.
Любовь не раз изображали все мы,

Исчерпав все возможные слова.
Но я люблю не — новые проблемы!
Узор тем ярче, чем бледней канва.
Благодарю тот парадокс, который
Мне подсказал затейные узоры.

IV

И вот во мгле, лучом озарена,
Встает картина: девушка поникла
Над милым маленьким письмом; она
В него вникать за эти дни привыкла.
Сидит задумчива, бледна, грустна,
Пред ней проходят все виденья цикла
Ее скорбей — и первый поцелуй,
Во тьме ветвей, как говор близких струй.

V

И первый вечер жгучей страстной встре-
чи,

Тот страшный час, где двое лишь одно,
Когда бессвязны и безумны речи
И души словно падают на дно.
Упали вольно волосы на плечи,
И хочется, чтоб стало вдруг темно,
И нет стыда, а только трепет счастья
Впервые познанного сладострастья.

VI

Потом — письмо, и этот поздний час,
Когда она сидит одна в томленьи,
Давно известен и не нов рассказ!
Но вдумайтесь в жестокое значенье
Привычных образов, знакомых фраз!
Жизнь каждого — одни и те же звенья.
Но то, что просто в ряде слов звучит,
В действительности жизнь, как яд, мерт-
вит.

VII

Что просто — странно! — этого завета
Не забывайте! он — жестоко прав!
Мне ж пусть концом послужит правда эта!
Составил я покорно шесть октав,
Теперь седьмая — мной почти допета,
Я, эту форму старую избрав,
Сказал, что по канве узоры вышью,
И нитку рву на узелок двестишью!
<1918>

«В тихом блеске дремлет леска...»

В тихом блеске дремлет леска;
Всплеск воды — как милый смех;
Где-то рядом, где-то близко
Свищет дрозд про нас самих.
Вечер свеж — живая ласка!
Ветра — сладостен размах!
Сколько света! сколько лоска!
Нежны травы, мягок мох...
Над рекой — девичья блузка,
Взлет стрекоз и ярких мух...
Волшебство — весь мир окрестный;
Шелест речки, солнца свет...
Запах, сладко-барбарисный,
Веет, нежит и язвит.
Шепчет запад, ярко-красный,
Речи ласки, старый сват,
Кроя пруд зелено-росный,
Словно храм лазури свод,
И лишь ветер нежно-грустный
Знает: тени нас зовут.

1918

ПОСЛЕ СЕНОКОСА

Цветы подкошенные,
Рядами брошенные,
Свой аромат,
Изнемогающие,
В лучах сторающие,
Дыша, струят.
С зенита падающий,
Паля, не радующий,
Нисходит зной,
Рожден бездонностями
Над утомленностями
Тоски земной.
Вздых ветра веющего,
Вдали немеющего,
Порой скользит,
И роща липовая,
Печально всхлипывая,
Листвой шумит.
Да птицы взвизгивающие,
Сноп искр разбрызгивающие,
Врезают гладь...
Цветы отпраздновали!
Не сна бессвязного ли

Теперь им ждать?
Зима придвинулася...
Уже раскинулася
Тоска вокруг...
И ночь застенчивая,
Борьбу увенчивая,
Покроет луг.
1918

СВЕТОЧ МЫСЛИ

Венок Сонетов

I. АТЛАНТИДА

Над буйным хаосом стихийных сил
Зажглось издревле Слово в человеке:
Твердь оживили имена светил,
Злак разошелся с тварью, с сушей — реки.
Врубаясь в мир, ведя везде просеки,
Под свист пращи, под визги первых пил,
Охотник, пастырь, плужник, кто чем
был,—
Вскрывали части тайны в каждом веке.
Впервые, светоч из священных слов
Зажгли Лемуры, хмурые гиганты;
Его до неба вознесли Атланты.
Он заблистал для будущих веков,
И с той поры все пламенней, все шире
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.

II. ХАЛДЕЯ

Сияла людям Мысль, как свет в эфире;
Ее лучи лились чрез океан —
Из Атлантиды в души разных стран;
Так луч зенита отражен в надире!
Свет приняли Китай и Индостан,
Края эгейцев и страна Наири,
Он просверкал у Аймара и в Тире,
Где чтим был Ягве, Зевс и Кукулкан.
И ярко факел вспыхнул в Вавилоне;
Вещанья звезд прочтя на небосклоне,
Их в символы Семит пытливым влил.
Седмица дней и Зодиак, — идеи,
Пребудут знаком, что уже в Халдее
Исканьем тайн дух человека жил.

III. ЕГИПЕТ

Исканьем тайн дух человека жил,
И он сберег Атлантов древних тайны,
В стране, где, просверлив песок бескрай-
ный.

Поит пустыню многоводный Нил.
Терпенье, труд, упорный, чрезвычайный.
Воздвигли там ряд каменных могил,
Чтоб в них навек зов истины застыл:
Их формы, грани, связи — не случайны!
Египет цели благостной достиг,
Хранят поныне плиты пирамиды
Живой завет погибшей Атлантиды.
Бог Тот чертил слова гигантских книг,
Чтоб в числах три, двенадцать и четыре
Мощь разума распространялась в мире.

IV. ЭЛЛАДА

Мощь разума распространялась в мире —
Египет креп, как строгое звено,
Но было людям жизнь понять дано
И в радости: в резце, в палитре, в лире.
Влилась в века Эллада, как вино,—
В дворцовой фреске, в мраморном кумире,
В живом стихе, в обточенном сапфире,
Явя, что было, есть и суждено.
Но, строя храмы, вознося колонны,
Могла ль она забыть зов потаенный,
Что край Осириса ей повторил?
Шел Эллин к знанью по пути мистерий,—
Но дух народа блеск давал и вере,
Прекрасен, светел, венчан, златокрыл.

V. ЭЛЛИНИЗМ И РИМ

Прекрасен, светел, венчан, златокрыл,
Цвел гений Греции. Но предстояло
Спать в одно — халдейские начала
И мысли эллинской священный пыл.
Встал Александр! Все ж Року было мало
Фалангой всюду созданных горнил;
И вот, чтоб Рим весь мир объединил,
Медь грозных легионов застонала.
В те дни, как Азия спешила взять
Дар Запада, и каждый край, как призма,
Лил, преломляя, краски эллинизма,
К завоеванью всей вселенной — рать
Вел Римлянин; при первом триумвире
Он встал, как царь, в торжественной пор-
фире.

VI. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Он встал, как царь, в торжественной порфире,

Укрыв под ней весь мировой простор,
От скал Сахары до Шотландских гор,
От врат Мелькарта до снегов Сибири.
Столетий и племен смиряя спор,
Сливая голоса в безмерном клире,
Всем дав участие на вселенском пире,
Рим над землей свое крыло простер.
Все истины, что выступали к свету,—
Под гул побед, под сенью римских прав,
Переплавлялись властно в новый сплав.
Вела Империя работу эту,
Хоть вихрь порой величья не щадил,
Хоть иногда лампы Рок гасил.

VII. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Хоть иногда лампы Рок гасил,
Рим до конца исполнил труд владыки,
Он был свершен, когда, под вопль и крики,
Сонм варваров Империю свалил.
Народы хлынули, свирепы, дики;
Мрак разостлался, тягостен, уныл;
Казалось: луч наук навек почил;
И тщетно трон свой высил Карл Великий.
Но в мгле крушений отблеск золотой
Искал путей, везде сверкал мечтой,
Под стук мечей, под грозный скок вальки-
рий.

Меж камней, бывших кесарских палат,
Под робкий свет монашеских лампад
Дух знанья жил, скрыт в тайном эликсире.

VIII. СРЕДНИЕ ВЕКА

Дух знания жил, скрыт в тайном эликсире,
Поя целебно мутный мрак веков.
Пусть жизнь была сплошной борьбой вра-
гов,

Пусть меч звенел в бою и на турнире,—
Искал алхимик камень мудрецов,
Ум утончался в преньях о вампире,
Познать творца пытался богослов,—
И мысль качала мировые гири.
Монах, судейский, рыцарь, менестрель,—
Все смутно видели святую цель,
Хоть к ней и шли не по одной дороге.
В дни ужасов, огня, убийств, тревоги,
Та цель сияла, как звезда: она
Во все века жила, затаена.

IX. ВОЗРОЖДЕНИЕ

Во все века жила, затаена,
И жажда светлых, благостных веселий.
Настали сроки: струны вновь запели,
И краски вновь зардели с полотна.
Из дряхлой Византии в жизнь — весна
Вошла, напомнив о любви, о теле;
В своих созданьях Винчи, Рафаэли
Блеск бытия исчерпали до дна.
Теплыли за Колумбом в даль Америк,
Те с Кортесом несли на чуждый берег
Крест, чтоб с ним меч победно пронести.
Стремилась все — открыть, изобрести,
Найти, создать... Царила в эти годы
Надежда — вскрыть все таинства природы.

Х. РЕФОРМАЦИЯ

Надежда — вскрыть все таинства природы
—

Мир к высшей тайне привела, — и бог
Восстал над бурей будничных тревог,
Над сном народов, над игрушкой моды.
За громом Лютера прошли походы
Густава, Тилли; снова сумрак, строг,
Окутал землю, и военный рог
К войне за веру звал из рода в роды.
Промчался Кромвель; прогремела Ночь
Варфоломея; люди в пытках гибли;
Стал дыбой — крест, костром — страницы
Библий.

Но Истина, исканий смелых дочь,
Жива осталась в вихрях непогоды;
К великой цели двигались народы.

ХІ. РЕВОЛЮЦІЯ

К великой цели двигались народы.
Век философии расцвел, отцвел;
Он разум обострил, вскрыл глубины зол
И людям вспыхнул маяком свободы.
Упали с гулом вековые своды,
Был свергнут в бездну старый произвол,
Поток идей разлился, словно воды,
Что в марте затопляют луг и дол.
Гудели волны буйного потока,
Ученье братства разнеся широко,
Под знамя воли клича племена.
Бороться с правдой силился напрасно
Державный Север: под зарницей красной,
Шумя, Европу обняла война.

XII. НАПОЛЕОН

Шумя, Европу обняла война,
Глася: «Мир хижинам и гибель тро-
нам!»

Пусть эта брань потом Наполеоном,
В дыму побед, была усмирена.
Навек осталась вскрытой глубина;
Над ней теперь гудело вещим звоном —
Все то, об чем шептали лишь ученым
Намеки книг в былые времена.
Ваграм и Дрезден, Аустерлиц и Иена,
Вы — двух начал таинственная смена;
Толпе открыли вы свободный путь.
Народ рванулся ветром тайн дохнуть...
Но не давал дышать им в полной мере
Все ж топот армий, гулы артиллерий.

XIII. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Все ж топот армий, гулы артиллерий
Затихли; смолк войны зловецкий звон;
И к знанью сразу распахнулись двери,
Природу человек вдруг взял в полон.
Упали в прах обломки суеверий,
Наука в правду превратила сон:
В пар, в телеграф, в фонограф, в телефон,
Познав составы звезд и жизнь бактерий.
Античный мир вел к вечным тайнам нить;
Мир новый дал уму власть над природой;
Века борьбы венчали всех свободой.
Осталось: знанье с тайной съединить.
Мы близимся к концу, и новой эре
Не заглушить стремленья к высшей сфере.

XIV. МИРОВАЯ ВОЙНА XX ВЕКА

Не заглушить стремленья к высшей сфере
И буре той, что днесь шумит кругом!
Пусть вновь все люди — злобный враг с
врагом.,

Пусть в новых душах вновь воскресли зве-
ри.

На суше, в море, в вольной атмосфере,
Везде — война, кровь, выстрелы и гром...
Рок ныне судит неземным судом
Позор республик лживых и империй!
Сквозь эту бурю истина пройдет,
Народ свободу полно обретет
И сам найдет пути к мечте столетий!
Пройдут бессильно ужасы и эти,
И Мысль взлетит размахом мощных крыл
Над буйным хаосом стихийных сил!

XV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Над буйным хаосом стихийных сил
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.
Исканьем тайн дух человека жил,
Мощь разума распространялась в мире.
Прекрасен, светел, венчан, златокрыл,
Он встал, как царь в торжественной пор-
фире.

Хоть иногда лампы Рок гасил,
Дух знанья жил, скрыт в дивном эликсире.
Во все века жила, затаена,
Надежда — вскрыть все таинства природы,
К великой цели двигались народы.
Шумя, Европу обняла война...
Все ж топот армий, громы артиллерий
Не заглушат стремленья к высшей сфере.

<1918>

«Пора! Склоняю взор усталый...»

*И утлый челн мой примет вечность
В неизмеримость черных вод...
Urbi et Orbi*

Пора! Склоняю взор усталый:
Компас потерян, сорван руль,
Мой утлый челн избит о скалы...
В пути я часто ведал шквалы,
Знал зимний ветер одичалый,
Знал, зноем дышащий, июль...
Давно без карты и магнита
Кручусь в волнах, носим судьбой,
И мой маяк — звезда зенита...
Но нынче — даль туманом скрыта,
В корму теченье бьет сердито,
И чу! вдали гудит прибор.
Что там? Быть может, сны лагуны
Меня в атолле тихом ждут,
Где рядом будут грезить шкуны?
Иль там, как сумрачные струны,
Стуча в зубчатый риф, буруны
Над чьей-то гибелью взревет?

Не все ль равно! Давно не правлю,
Возьмусь ли за весло теперь,
Вновь ключья паруса поставлю?
Нет! я беспечность в гимне славлю,
Я полюбил слепую травлю,
Где вихрь — охотник, сам я — зверь.
Мне сладостно, не зная, что будет,
Куда влечет меня мой путь.
Пусть прихоть бури плыть принудит —
Опять к бродячим дням присудит
Иль в глуби вечных вод остудит
В борьбе измученную грудь!
Пора! спеши, мой челн усталый!
Я пристань встречу ль? утону ль? —
Пою, припав на борт, про скалы,
Про все, что ведал я, про шквалы,
Про зимний ветер одичалый,
Про, зноем дышащий, июль!

15 марта 1919

ВСТУПЛЕНИЕ

Жизнь кончена, я это сознаю,
Нет больше целей, нет надежд свобод-
ных,

Пора пересказать всю жизнь свою
В стихах неспешных, сжатых и холодных.
Мне — сорок шесть. За эти годы я
Людей значительных встречал немало
(Меж ними были и мои друзья),
Судьба меня нередко баловала,
Я видел много стран, и сквозь окно
Три революции мог наблюдать я жадно,
Испить любовь мне было суждено
И все мученья страсти беспощадной.
И все прошло, и все я пережил,
И многих нет, с кем я сидел на пире...
Смотрю спокойно на ряды могил
И больше ничего не жду я в мире.
20 марта 1919

ПРАЗДНИК ТРУДА

Гимн Первого мая 1919 года

На сонных каналах Венеции
Колышут весло гондольеры;
С весной пробуждаются в Греции
Античных столетий Химеры;
Смеется беспечная Франция,
Сбор золота щедро посеяв;
Мне кажется: в пламенном танце я,
Взглянув за зубцы Пиренеев;
Грозясь, торжествует Британия,
По свету суда рассылая...
Как будто и кровь и страдания
Забыты пред праздником Мая!
Но лишь единому народу,
Ликуя, можно встретить Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда,—
И мая Первого на пире
Он вправе первым быть — всегда!
Что день, исчезают бесследное

Безумства, царившие долго;
Прносятся залпы последние
Над Вислой, над Бугом, над Волгой;
Кончается бред неестественный,
Пять лет всех томивший сурово;
Выходят из пропасти бедственной
Заветные тени былого;
Вновь людям звучит все державнее:
«Свобода! — Равенство! — Братство!»
Кровавое время недавнее
Страшит, как в мечтах святотатство...
Но лишь единому народу,
Ликуя, можно встретить Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда,—
И мая Первого на пире
Он вправе первым быть — всегда!
Из праха встает, что разрушено:
Селения, фабрики, школы.
Пусть море из слез не осушено:
Жизнь кличет на подвиг тяжелый.
Вот снова машины стогудные
Завыли в казармах стооких,

Воскресли часы многотрудные
Под взорами стражей жестоких;
И, хитро таясь, но уверенно,
Вновь частую сеть капитала
Незримые руки — размеренно
Бросают в толпу, как бывало...
И лишь единому народу,
Ликуя, встретить можно Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда,—
И мая Первого на пире
Он вправе первым быть — всегда!
30 апреля 1919

ТРУД

В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут,—
Золотых, стальных, алмазных,—
Нет священной слова: «Труд!»
Троглодит стал человеком
В тот заветный день, когда
Он, сошник повел к просекам,
Начиная круг труда.
Все, что пьем мы полной чашей,
В прошлом создано трудом:
Все довольство жизни нашей,
Все, чем красен каждый дом.
Новой лампы свет победный,
Бег моторов, поездов,
Монопланов лет бесследный,
Все — наследие трудов!
Все искусства, знанья, книги —
Воплощенные труды!
В каждом шаге, в каждом миге
Явно видны их следы.
И на место в жизни право
Только тем, чьи дни — в трудах:
Только труженикам — слава,

Только им — венок в веках!
Но когда заря смеется,
Встретив позднюю звезду,—
Что за радость в душу льется
Всех, кто бодро встал к труду!
И, окончив день, усталый,
Каждый щедро награжден,
Если труд, хоть скромный, малый,
Был с успехом завершен!

1919

ПЕРВЫЙ ПРИВЕТ

Николаю Минаеву

*...а в миг паденья —
Взгляд, лишь взгляд один, без сожаленья!
Urbi et Orbi*

*Издревле сладостный союз...
Пушкин*

Годы делят нас и поколенья:
Дышишь ты весной, мгновенным ма-
ем,—

Я последние считаю звенья
Цепи той, что все мы не снимаем.
Но и ты, как я, на утре чистом,
Зов заветный слышал в полумраке.—
Голос Музы, — над путем росистым,
Там, где тени, тайны, сон и маки.
И пока ты — на тропе священной,
И твой взор надеждой вещей блещет,—
Над тобой скольжу я неизменно,
И в руке моей — венец трепещет.
3 августа 1919

«Что день, то сердце все усталей...»

Что день, то сердце все усталей
Стучит в груди; что день, к глазам —
Тусклей наряд зеленых далей
И шум и смутный звон в ушах;
Все чаще безотчетно давит,
Со дна вставая, душу грусть,
И песнь, как смерть от дум избавит,
Пропеть я мог бы наизусть.
Так что ж! Еще работы много,
И все не кончен трудный путь.
Веди ж вперед, моя дорога,
Нет, все не время — отдохнуть!
И под дождем лучей огнистых.
Под пылью шумного пути
Мне должно, мимо роц тенистых,
С привала на привал идти.
Не смею я припасть к фонтану,
Чтоб освежить огонь лица,
Но у глухой судьбы не стану
Просить пощады — до конца!
Путем, мной выбранным однажды,

Без ропота, плетясь, пойду
И лишь взгляну, томясь от жажды,
На свежесть роз в чужом саду.

1919

У ЦЕЛИ

Еще немало перекрестков,
И перепутий, и путей!
Я много схоронил подростков,
В могилу проводил детей.
Летами я не стар, но много
И видено и свершено,
И завела меня дорога
За цель, манившую давно.
Теперь ступил я за пределы
Своей младенческой мечты.
Что впереди? Мне скажут: целый
Мир, полный вечной красоты!
Но все, что будет, неизбежно,
Непрочны краски новизны,
И путнику с вершины снежной
Долины далеко видны.
Быть может, не скудеют силы,
Но повторенья мучат ум;
Все чаще тихий сон могилы
Пленительней, чем яркий шум.
Соблазн — последний срок исчислить
Душе порой неодолим,
И в жажде — не желать, не мыслить,

Я тайно упиваюсь им!
<1919>

«Сложив стихи, их на год спрятать в стол...»

Сложив стихи, их на год спрятать в стол
Советовал расчетливый Гораций.
Совет, конечно, не всегда тяжел
И не подходит для импровизаций.
Хотя б поэт был мощен, как орел,
Любимцем Аполлона, Муз и Граций,—
Не сразу же божественный глагол
Зажжет в нем силу мощных декламации!
Пусть он всю ловкость в рифмах приобрел
И в выборе картин для декораций;
Пусть он и чувство для стихов нашел,
Всем нужны образы для иллюстраций:
Диван и лампа иль холмы и дол,
Ряды гранитов иль цветы акаций...
Но я собрал с усердьем мудрых пчел,
Как мед с цветов, все рифмы к звуку
«аций»,
Хоть не коснулся я возможных зол
И обошел немало разных наций.
Теперь мне предоставлен произвол
Избрать иную рифму вариаций.

Что скажете, когда возьмусь за ум
И дальше поведу свой стих с любовью?
Поэт, поверьте, не всегда угрюм,
И пишет он чернилами, не кровью.
Но все ж он любит голос тайных дум,
И их не предаёт он суесловью.
Но мир ведь призрак, объясняет Юм,
И вот, стихи слагая по условию,
Он смело отдается чувствам двум:
Веселью и душевному здоровью.
И рифмовать он может наобум
Стих за стихом, не шевельнувши бровью.
На нем надет охотничий костюм,
Он мчится на коне в леса, к становью,
За ним мечта спешит, как верный грум,
Через изгородь, по пашням или новью,
И метко бьет львов, тигров или пум,
Гоня оленя к тайному низовью...
Но будет! Этих рифм тяжелый шум
Терзать придет с упреком к изголовью.

<1919 >

«Мелькают дни, и с каждым НОВЫМ ГОДОМ...»

Мелькают дни, и с каждым новым годом
Мне все ясней, как эта жизнь кратка;
Столетия проходят над народом,
А восемьдесят лет — срок старика!
Чтоб все постичь, нам надобны века.
Мы рвемся к счастью, к тайнам и свобо-
дам,
И все еще стоим пред первым входом,
Когда слабеет смертная рука.
Нам призрак смерти предстает, ужасный,
Твердя, что все стремления напрасны,—
Отнять намерен горе и печаль.
Но нет! Он властен заградить дыханье,
Но мысль мою, мои мечты, сознание
Я унесу с собой — в иную даль!
<1919>

ЗНАКОМЫЙ СТИХ

EXPOSITIO[7]

Знакомый стих любимого поэта!

Он прозвучал, и вот душа — ясней,
Живым лучом властительно согрета,
Скользнувшим отблеском далеких, милых
дней!

Слова поэта — магия печали:

В них мир таится мыслей и картин,
И часто словно разверзает дали
Мечтам — одна строфа иль стих один.
И как в зерне скрывается растение —
И стебель, и листья, и цветы, и плод,
Так и в стихе затаено виденье,—
Как семя, пав, оно в душе растет.

EXOUUM[8]

Вслед за картиной движется другая
И ряд еще, во, сладостно- слита
С мечтой поэта — (раня) и сверкая,—
Встает далекой юности мечта!
Я помню тот же стих; к знакомой книге
Приникли мы, счастливые, вдвоем.
И были полны вкрадчивые миги
Возникшим, как заклятие, стихом.
Он подсказал нам все, что мы таили,
Он объяснил, что в нас самих живет,
Нас подчинил своей чудесной силе,
Как Паоло с Франческой — Ланчелот!
Знакомый стих любимого поэта,
С тобой навек сплел эти миги я,
Диван высокий, тайны полусвета
И сладкий миг желанного ответа,
Крик радостный души: твоя! твоя!
1919

НАБРОСОК

Все роковое божественно,
Прав победитель всегда!
Пусть он ступает торжественно —
Пей упование стыда!
С ней, с неизменной, с возлюбленной,
Вот он на ложе любви!
Дерзостно с жертвой погубленной
Жгучие нити не рви.
Ты диадемой венчаешься,
Алые розы надень.
Пусть от огней опьяняешься,
Нежит и хмурая тень.
Нежит мученье последнее —
Плакать растоптанной в прах...
Ты торжествуешь победнее
С черным молением в зрачках.
1917 или 1919

«Я доживаю полстолетья...»

Я доживаю полстолетья,
И на события все ясней
Могу со стороны смотреть я,
Свидетель отошедших дней.
Мое мечтательное детство
Касалось тех далеких лет,
Когда, как светлое наследство,
Мерцал «Реформ» прощальный свет.
И, мальчик, пережил, как был, я
Те чаянья родной земли,
Что на последние усилия
В день марта первого ушли.
Потом упала ризой черной
На всю Россию темнота,
Сдавила тяжело и позорно
Всех самовластия пята.
Я забывал, что снилось прежде,
Я задыхался меж других,
И верить отвыкал надежде,
И мой в неволе вырос стих.
О, как забилося сердце жадно,
Когда за ужасом Цусим
Промчался снова вихрь отрадный

И знамя красное за ним!
Но вновь весы судьбы качнулись,
Свободы чаша отошла.
И цепи рабства протянулись,
И снова набежала мгла.
Но сердце верило... И снова
Гром грянул, молнии зажглись,
И флаги красные сурово
Взвились в торжественную высь.
Простой свидетель, не участник,
Я ждал, я верил, я считал...

1919

«Я выросстал в глухое время...»

Я выросстал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих.
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был ненужен стих.
Но смутно слышалось мне в безднах
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.
И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.
Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.
Год Пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен февраль.
Мне видеть не дано, быть может,

Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.
Март 1920

«Пусть вечно милы посевы, скаты...»

Пусть вечно милы посевы, скаты,
Кудрявость рощи, кресты церквей,
Что в яркой сини живут, сверкая,—
И все ж, деревня, прощай, родная!
Обречена ты, обречена ты
Железным ходом судьбы своей.
Весь этот мирный, весь этот старый,
Немного грубый, тупой уклад
Померкнуть должен, как в полдень брач-
ный
Рассветных тучек узор прозрачный,
Уже, как грома, гудят удары,
Тараны рока твой храм дробят.
Так что ж! В грядущем прекрасней будет
Земли воскресшей живой убор.
Придут иные, те, кто могучи,
Кто плыть по воле заставят тучи,
Кто чрево пашни рождать принудят,
Кто дланью сдавят морской простор.
Я вижу — фермы под вязью кленов;
Извивы свежих цветных садов;

Разлив потоков в гранитах ярк,
Под легкой стаей моторных барок,
Лес, возвращенный на мудрых склонах,
Листвы гигантской сгущает кров.
Победно весел в блистаньи светов,
Не затененных ненужной мглой,
Труд всенародный, труд хороводный,
Работный праздник души свободной,
Меж гордых статуй, под песнь поэтов,
Подобный пляске рука с рукой.
Ступив на поле, шагнув чрез пропасть,
Послушны чутко людским умам,
В размерном гуле стучат машины,
Взрывая глыбы под взмах единый,
И, словно призрак, кидают лопасть
С земли покорной ввысь, к облакам.

22 июля 1920

БЕССОННАЯ НОЧЬ

За окном белый сумрак; над крышами
Звезды спорят с улыбкой дневной;
Вскрыты улицы темными нишами...
— Почему ты теперь не со мной?
Тени комнаты хищными птицами
Все следят, умирая в углах;
Все смеются совиными лицами;
Весь мой день в их костлявых когтях.
Шепчут, шепчут: «Вот — мудрый, прослав-
ленный,
Эсотерик, кто разумом горд!
Он не гнется к монете заржавленной,
Не сидит он меж книг и реторт!
Юный паж, он в наивной влюбленности
Позабыл все морщины годов,
Старый Фауст, в зеркальной бездонности
Он das Weibliche[9] славить готов.
Любо нам хохотать Мефистофелем,
В ранний час поникая во мглу,
Над его бледным, сумрачным профилем,
Что прижат к заревому стеклу!»
— Полно, тени! Вы тщетно насмешливы!
Иль для ваших я стрел уязвим?

Вами властвовать знаю! Не те ж ли вы,
Что склонялись пред счастьем моим?
Вновь ложитесь в покорной предельно-
сти,—

Тайте робко в улыбке дневной,
Вторьте крику свободной безвольности:
«Почему ты теперь не со мной!»

26—27 июля 1920

«Гордись! я свой корабль в Египет...»

Гордись! я свой корабль в Египет,
Как он, вслед за тобой провлек;
Фиал стыда был молча выпит,
Под гордой маской скрыт упрек.
Но здесь мне плечи давит тога!
Нет! я — не тот, и ты — не та!
Сквозь огонь и гром их шла дорога,
Их жизнь сном страсти обвита.
Он был как бог входящий принят;
Она, предав любовь и власть,
Могла сказать, что бой он кинет,—
Гибель за гибель, страсть за страсть.
А мы? Пришел я с детской верой,
Что будет чудо, — чуда нет.
Нас мягко вяжет отсвет серый,
Наш путь не жарким днем согрет.
Те пропылали! Как завидны
Их раны: твердый взмах клинка,
Кровь с пирамиды, две ехидны,
Все, все, что жжет нас сквозь века!
А нас лишь в снах тревожит рана,

Мы мудро сроков тайны ждем.
Что ж даст нам суд Октавиана,
Будь даже мы тогда вдвоем!
Прощай! Я в чудо верил слепо...
Вот славлю смерть мечты моей.
И пусть в свой день с другим у склепа
Ты взнежишь яд священных змей!

6 августа 1920

УНЫНИЕ

Уныние! твой берег скал безлесных
Глухим прибоем пленных пен омыт;
Зловеще рыжи срывы стен отвесных,
Сер низкий купол, в жутких тучах скрыт.
К уклону круч, где смутно вход обещан,
Свой снизив парус, легкий челн причаль.
Свистящим ветрам петть из влажных трещин,
По камням мчатъ, как смерч крутя, печаль.
Безлюдье; чаек нет; не взбрызнут рыбы;
Лишь с вихрем раковин чуть слышный
вздых...

Прянь на утес, стань на нагие глыбы,
Ползи, сметая пыль, мни мертвый мох.
В очах темно, дрожь в груди, руки стынут,
Кровь под ногтями; скользок узкий путь...
Жди, там, с высот, где кряжа гребень мигнут,
На новый склон, в провал огня, взглянуть!
Верь, только верь, — есть пламенные доды!

Жди, вечно жди, — там в пальмах реет
зной.

Всходи, всползай, ломай гранит тяжелый,
Славь сад надежд, вися над крутизной!
24 августа 1920

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ВЕКА

Как с камней пыль, мгновеньем свиты
Огни «Лито», темь «Домино».
Крута ступень в храм Афродиты,
Лицо, в знак страха, склонено!
Дианы светоч, тих и яроч,
Кидает дождь прозрачных пен
К снам колоннад, к раздумьям арок,
На гордый мрамор строгих стен.
Над зыбью крыш встал Капитолий;
Он венчан золотом, недвижим;
По Тибру с ветром негу соли
Вдыхает с моря вечный Рим.
Мы тайны ждем, воздев ладони,
Обряд молитв без слов твора.
Тебе, рожденный в светлом лоне,
Наш скромный дар, цвет сентября.
Киприда, ты, чья власть нетленна,
Нас, падших ниц, благослови!
Не мы ль пришли сквозь мрак вселенной,
Века пробив тропой любви?
Не числь, благая, в грозной славе,
Людских обид! Взгляни: как встарь,
Здесь вольный Скиф и дочь Аравии

Чтут, в сладкой дрожи, твой алтарь.
Дней миллион, разгром империй,
Внесенный дерзко к небу крест,—
Исчезло все! Нам к прежней вере
Путь указал блеск вещей звезд.
Слух напряжен. Смех благосклонный —
Богини отзыв нас достиг...
Спит Рим, Селеной окропленный;
Но третьей стражи слышен крик.
Пора! Всплывает пар тумана?
Тибр тмится, форум мглой повит.
Стрельчатый вход к мечтам Тристана,
Струя багряный свет, открыт.
Там строй колонн взвел Сансовино,
Здесь дом, где Гретхен длила сон...
Блестя, внесла нож гильотина...
Встал в свет окна Наполеон...
Спешим! веков и миг не метит;
Пусть чары крепки, ночь везде,—
Уже со стен, уголь жуткий, светит
Вязь четких букв: Эс-эр-ка-де.

28 августа 1920

«Не лги, мечта! былого жгуче жаль...»

Не лги, мечта! былого жгуче жаль,
Тех светлых ласк, тех нежных откровений,

Когда, дрожа в рассветной мгле мгновений,

Была любовь прекрасна, как печаль.

По нас влечет дыханьем дымным даль,

Пьяня огнем неверных дерзновений.

В наш бред воспоминаний и забвений

Вонзает время режущую сталь.

В какой стране очнемся мы, кто скажет?

Гудящий ток разлившейся реки

Меж прошлым сном и настоящим ляжет.

И эти дни томленья и тоски

Растают тенью заревых обманов,

Как там, за лесом, завеса туманов.

4 декабря 1920

ДВОРЕЦ ЦЕНТРОМАШИН

Из тьмы, из бездн иных столетий,
Встает, как некий исполин,
Величествен в недвижимом свете,
Центродворец мотомашин.
Сталь ребер он согнул высоко,
До облаков внес два плеча;
Циклопа огненное око
Слепит неистовством луча.
Хребет залег, горе подобный,
Стеклянной чешуей повит;
Но днем и ночью жар утробный
Сквозь тело тусклое разит.
Растя до звезд, он в глуби вдвинут,
В земные недра тяжело врос,
И горны легких не остынут,
Дыша в просторы гулом гроз.
Кипит расплавленное чрево,
Дрожит натруженная грудь,
Крутясь, из алчущего зева
Исходит в дымном клубе муть.
Огромной грудой угля сытый,
Дракон бескрылый, не устань!
Над распрями стихий— гуди ты

Призыв на вековую брань!
Вращайтесь, мощные колеса,
Свистите, длинные ремни,
Горите свыше, впрямь и косо,
Над взмахами валов огни!
Пуды бросая, как пригоршни,
В своем разлете роковом,
Спешите, яростные поршни,
Бороться с мертвым естеством!
А вы, живые циферблаты,
Надменно-медленным перстом,
Безумьем точности объаты,
Вносите молча над числом!
Здесь — сердце города, здесь — в жилы
Столицы льются, вновь и вновь,
Незримо зиждущие силы,
Ее божественная кровь;
Чтоб город жил в огнях оконных,
В пыланьи лун на площадях;
Чтоб гром трамваев неуклонных
Не молк на спутанных путях;
Чтоб в кино быстрые картины
Сменялись в мерной череде;
Чтоб дружно лязгали машины,
Пот нефтяной струя в труде!

Реви, зверь мощный, множь удары,
Шли токи воль, не ослабей,
Чтоб город, созидатель старый,
Дышал свободно грудью всей,
Чтоб он, тебе придав заботы,
Тобой храним на всем пути,
За грань, сквозь толщу тайн, в высоты,
Мог мысль победную взнести!
17 декабря 1920

«Когда над городом сквозь пыль поют...»

Когда над городом сквозь пыль поют
Глухие сны лимонного заката,
И торсы дряблые сквозь тень снуют,—
В зачахлом сквере жалкая заплата.
Вновь ненавистны мне и дом и труд,
Мечта опять знакомой злобой сжата;
Над дряхлым миром я вершу свой суд,
И боль моя — за ряд веков расплата.
1920

БУНТ

В огне ночном мне некий дух предрек:
«Что значит бунт? — Начало жизни новой.

Объято небо полосой багровой,
Кровь метит волны возмущенных рек.
Великим днем в века пройдет наш век,
Крушит он яро скрепы и основы,
Разверзта даль; принять венец готовый,
В сиянье братства входит человек.
Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.
Пусть пашни черны; веет ветер горний;
Поют, поют в земле святые корни,—
Но первой жатвы не увидишь ты!»

1920

«Мечта внимай! Здесь, в полночи бездонной...»

Мечта, внимай! Здесь, в полночи бездонной,

Где изнемог мрак, пологи стеля,
Как враг врагу, как другу брат влюбленный,

Тебе кричит, верша свой круг, Земля:
«Довольно, люди, грозных распрь! устала
Я дым вдыхать, кровь телом всем впивать!
Иль вам убийств, слав, дележей — все мало?»

К оливе мира длань — вас молит мать.
Взрыт океан огнем эскадр бродячих,
Поля пальбой дрожат до тучных недр,
Пожаров буйный блеск слепит незрячих...
Смиритесь, дети! дар мой будет щедр.
Грызите грудь мне остро-тяжким плугом,
Вдвигайте в чрево камни стройных стен,—
Но пусть с востоком запад, север с югом
Признают вновь мой дружественный плен!»

— Нет, мать-Земля, молчи! ты миллиарды

Веков жила, чтоб встретить этот век;
Рождались черви, ящеры и парды,
Но смысл твоих рождений — человек!
Теперь он встал, чтоб жизнь твою осмыс-
лить,

Твои дела венчать своим венцом.
Он смеет ныне мыслить, мерить, числить,
Он во вселенной хочет стать творцом.
Гул наших битв есть бой святой, послед-
ний,

Чтоб земли все связать в единый жгут,
Все силы слить в один порыв, победней
Взнести над миром мудро-дружный труд.
Земля, смотри! упор единой выи
Ввысь всюду взводит светлый ряд аркад:
Рабы нам воды, ветры, все стихии,
Ты вся — эдем, ты вся — поющий сад.
Мы челны шлем путем междупланетным,
Мы учим правде звездных мудрецов,
Твой мир несем мы, именем заветным
Твоим крестим мы жизнь иных миров.
Тебе, Земля, путь устроаем новый,
Твой, мощью знаний, оживляем прах,
Жуть вечных далей одолев, готовы
От солнца к солнцу плыть в эфирных днях!

<1920>

«Когда стоишь ты в звездном свете...»

Когда стоишь ты в звездном свете,
Смотря на небо, не забудь,
Что эти звезды, блески эти
И те, что слиты в Млечный Путь,—
Все это — солнца огневые,
Как наше солнце, и кругом
Плывут шары земель, — такие,
Как шар земной, где мы живем.
В просторном океане неба,
Как в жизни нашей, — тот же круг;
Там тот же бодрый труд для хлеба,
Та ж радость песен и наук!

1920

«Современность грохочет, грозит, негодует...»

Современность грохочет, грозит, негодует,
Взрезом молний браздит наш уклончи-
вый путь,

Сон грядущего в зорких зарницах рисует,
Валит слабых и сильных стремится столк-
нуть.

Но ведь ярусы розы по-прежнему красны,
Пестры бабочки в поле, легки облака,
Камни мертвых строений упруго-бес-
страстны.

Быстро миги летят, собираясь в века.

Так стройте призрак жизни новой
Из старых камней давних стен.

Меня ж всегда закат багровый
Влечет, как узника, в свой плен.

Пройдут века, над вашим домом
Воздвигнут новые дома,—

Но будут жечь огнем знакомым
Все тот же блеск, все та же тьма.

Еще священней и чудесней
За ночью ночь воздвигнет храм,

Чтоб в нем по зову Песни Песней
Клонили зной уста к устам!
<1920>

«Не довольны ль вы прошлое нежили...»

Не довольны ль вы прошлое нежили,
К былому льнули, как дети?

Не прекрасней ли мир нынешний, нежели
Мертвый хлам изжитых столетий?

Иль незримо не скрещены радио,
Чтоб кричать о вселенской правде,
Над дворцами, что строил Палладио,
Над твоими стенами, Клавдий!

Не жужжат монопланы пропеллером,
Не гремят крылом цеппелины.

Над старым Ауэрбах-келлером,
Где пел дьявол под звон мандолины?

На дорогах, изогнутых змеями,
Авто не хохочут ли пьяно

Над застывшими в зное Помпеями,
Над черным сном Геркулана?

А там на просторе, гляньте-ка,
Вспенены китами ль пучины?

Под флотами стонет Атлантика,
Взрезают глубь субмарины!

<1920>

«С тех пор как я долго в немом ожидании...»

С тех пор как я долго в немом ожидании,
В тихом веселии,
Качался над пропастью смерти,—
Мне стали мучительны повествования
О невинной Офелии,
О честном Лаэрте,
И много таких же золотоволосых
Историй
О любви и о горе.
Волны у взморий
Стыдливо рокочут;
На зеленых откосах
Кузнечики сладко стрекочут;
Розы в стразовых росах
Влюбленным пророчат,
И та же луна
(О которой пела Ассирия),
«Царица сна»
(И лунатичек),
Льет с высоты
Свои древние, дряхлые чары

На круг неизменных привычек,
На новый, но старый,
Ах, старый по-прежнему свет.
Да, та же луна
Глядит с высоты,
Луна, о которой пела Ассирия,
Нет!
Иной красоты
Жажду в мире
Я.

<1920>

«Снова сумрак леса зелен...»

Снова сумрак леса зелен,
Солнце жгуче, ветер чист;
В яме, вдоль ее расселин,
Тянут травы тонкий лист.
Сквозь хвою неподвижных елей
Полдень реет, как туман.
Вот он, царь земных веселий,
Древний бог, великий Пан!
Здравствуй, старый, мы знакомы,
Много раз я чтил тебя.
Вновь пришел, мечтой влекомый,
Веря, радуясь, любя.
Я ль не славил, в вещи песне,
Запах листьев, ширь полян,—
Жажду петть еще чудесней:
Милый Пан! я счастьем пьян.
Старый, мудрый, стародавний,
Ты поймешь ли в этот день,
Что восторг любви — державной,
Чем высоких сосен тень?
Что лишь в час, когда ликуем
Мы от новых страстных ран,
Сладко метить поцелуем

Шерсть твою, Великий Пан!
<1920>

ВСАДНИК В ГОРОДЕ

Дух наших дней свое величество
Являл торжественно и зло:
Горело дерзко электричество
И в высоте, и сквозь стекло;
Людей несметное количество
По тротуарам вдоль текло;
Как звери, в мире не случайные,
Авто неслись — глаза в огне;
Рисуня сны необычайные,
Горели кино в вышине;
И за углом звонки трамвайные
Терялись в черной глубине.
И вот, как гость иного времени,
Красивый всадник врезан в свет;
Носки он твердо держит в стремени,
Изящно, но пестро одет:
Ботфорты, хлыст, берет на темени,
Былой охотничий жакет.
Как этот конь исполнен грации!
Его копыт как звучен звон!
Он весь подобен иллюстрации
К роману рыцарских времен.
Но как неверны декорации,

Восставшие со всех сторон.
Здесь, где шумит толпа столичная,
Полна всесилья своего,
Здесь, где, дымя, труба фабричная
Стоит — немое божество,—
Где стук машин — игра привычная,
Ты, выходец, искал чего!
Ты нарушаешь тон торжественный
Всей современности. Гляди:
Толпа, смеясь, на зов естественный,
Играя, мчится впереди.
Что ж! как кентавр, как миф божествен-
ный,
В былых преданьях пропади!

1920

В ВАГОНЕ

Душно, тесно, в окна валит
Дымный жар, горячий дым,
Весь вагон дыханьем залит
Жарким, потным и живым.
За окном свершают сосны
Дикий танец круговой.
Дали яркостью несносны,
Солнце — уголь огневой.
Тело к телу, всем досадно,
Все, как мухи, к стеклам льнут,
Ветер бега ловят жадно,
Пыль воздушную жуют.
Лица к лицам, перебранка,
Грубость брани, визглиый крик,
Чахлый облик полустанка,
В дым окутанный, возник.
Свет надежды; там, быть может,
Ковш воды, студен и чист!
Нет, напрасно не треножит
Паровоза машинист!
Прежний дым и грохот старый,
Духота, что раньше, та ж,
Караван в песках Сахары,

Быстро зыблемый мираж.
Все песок, пески, песчаник,
Путь ведет в песках, в песках.
Сон иль явь, ах, бедный странник,
Да хранит тебя Аллах!
1920

БОЛЕЗНЬ

Демон сумрачной болезни
Сел на грудь мою и жмет.
Все бесплодней, бесполезней
Дней бесцветных долгий счет.
Ночью сумрак мучит думы,
Утром светы множат грусть,
За окном все гулы, шумы
Знаю, помню наизусть.
То, что прежде так страшило,
Стало близким и простым:
Скоро новая могила
Встанет — с именем моим.
Что ж! Порвать давно готов я
Жизни спутанную нить,
Кончив повесть, послесловья,
Всем понятного, не длить.
Только жаль, мне не дожидаться
До конца тех бурь слепых,
Что гудят, летят, крутятся
Над судьбой племен земных.
Словно бывши на спектакле,
Пятый акт не досмотреть
И уйти... куда? — во мрак ли,

В свет ли яркий?.. Мысль, ответ!
1920

ВОЗВРАЩАЯСЬ

Возвращаясь, мечтать, что завтра,
В той комнате, где свалены книги,
Этих строк непризнанный автор
Опять будет длить повторенные миги
И, склоняясь у печки к остывающим тру-
бам,
Следить, как полудетские губы
«Нет» неверно твердят,
Как лукавые веки упорно
Прикрывают наивно-обманный взгляд,
А около,
Из-под шапочки черной,
Вьются два маленьких локона.
Возвращаясь, мечтать, что снова
Завтра, под снежным дождем,
Как в повести старой,
Мы пройдем вдоль Страстного бульвара
Вдвоем,
Говоря о причудах маркиза де Сада,
Об том, что мудро таит Кама-Шутра,
Об чем иступленно кричал Захер-Мазах,—
И будет все равно — вечер, день или утро,
Так как вечность будет идти рядом,

Та вечность, где живы
Каждый лепет счастливый
И каждый вздох.
Возвращаясь, мечтать о простом,
Об том,
Что завтра, маленьким чудом,
Я снова буду, — я буду! —
Тем же и с ней же!
Смейся, февраль, колючий и свежий,
В лицо мне,
С насмешкой тверди о моем вчера!
Ничего не хочу я помнить!
В памяти, умирая, простерты
Все прежние дни и ночи,
И возле,
Окоченели и мертвы,
Все утра и все вечера.
Февраль! Чего ж ты хохочешь,
«А после?» твердя ледяным языком!
Что будет после,
Подумаем после об том.
14 февраля 1921

«Дни для меня не замысловатые фокусы...»

Дни для меня не замысловатые фокусы,
В них стройность математического уравнения.

Пусть звездятся по водам безжизненные лилий,

Но и ало пылают бесстыдные крокусы.

Лишь взвихренный атом космической пыли я,

Но тем не менее

Эти прожитые годы

(Точка в вечности вечной природы)

Так же полны значения,

Как $f(x, y) = 0$.

Богомольно сгибало страдание страсти,

К золотым островам вводили наркотики,

Гулы борьбы оглушали симфонией,

В безмерные дали

Провал разверзали,

Шелестя сцепленьями слов, библиотеки.

Но с горькой иронией,

Анализируя

Переменные мигнов и лет,
Вижу, что миру я
Был кем-то назначен,
Как назначены эллипсы солнц и планет.
И когда, умиленным безумьем охвачен
Иль кротко покорен судьбе,
Я целую чье-то дрожащее веко,
Это — к формуле некой
Добавляю я «а» или «b».
26 февраля 1921

«Еще раз, может быть, в последний...»

Еще раз, может быть, в последний,
Дороги выбор мне дарован,
На высях жизни, здесь, где воздух
Прозрачной ясностью окован,
Где жуть волшебной, заповедней,
Где часто на порфирных скалах
В сны без надежд проснуться — роздых
Склоняет путников усталых.
Высок бесстрастно купол синий,
Внизу, как змей извивы, тучи,
Под ними грива острых сосен,
Чу! водопад с соседней кручи...
Я ль не над миром, на вершине?
И ропщет ветер с лживой лаской;
Усни! Довольно зим и весен,
Путь завершен, стань вечной сказкой!
Не верю! Посох мой не сломан,
И тропы вьют к иным высотам,
Через новый лог, былых — огромней,
Где шумен пчел разлет по сотам,
Где легких птиц певучий гомон,

Где высь безмерней, даль бескрайней,
Где, может быть, припасть дано мне
К твоей, Любовь, предельной тайне!
28 февраля 1921

«В священной бездне мглы архангел мне предстал...»

В священной бездне мглы архангел мне предстал,

В его зрачках сверкал карбункул и опал.

И вестник вечности сказал мне строго:

«Следуй!»

Я встал и шел за ним. Все стало сродно бреду.

Мы понеслись, как вихрь, меж огненных светил,

Внизу, у ног, желтел водой священный Нил,

Где ныне барка Ра уже не гнет папирус;

Потом меж гибких пальм Ганг многоводный вырос

Но спал на берегу осмеянный факир;

Мелькнул тот кругозор, где буйный триумф-вир

Бежал от Августа, в бою палим любовью;

И арки, давшие мечту средневековью,

Веселье, что творил свободный Рафаэль,

Конкистадоров гром и вдохновенный

Хмель,

Маркиз нарядных сон, под звуки менуэта,
Когда была вся жизнь беспечностью одета;
Кровавый блеск, где был нож гильотин

внесен,

Твой пламенный пожар меж битв, Наполе-

он,

Разгары новых войн и мятежей, стихии,
Зажегшие векам огни Ресеферии.

Все в диком хаосе взметалось подо мной,
И голос слышал я, катившийся волной:

«Внемли! Изведал я все таинства Изиды,
И то, как, бросив храм разящей Артемиды,
Бежали элины туда, где деял чары Вакх;
Как возбуждал вражду в квиритах смелый

Гракх,

Как с гибеллинами боролись яро гвельфы
В лесах, где при луне играли резво эльфы;
Как, океан браздя, Колумб едва не сгиб,
Как молча созерцал аутодафе Филипп,
И был Эскуриал весь дымами окутан,
Как в яблоке закон миров провидел Нью-

тон

И в лагере постиг сознанья смысл Декарт.
Как в дождевой апрель (по-старому — был

март),

В светлице, где сидел недавно сторож царский,

Стихам Гюго внимал с улыбкой Луначарский».

Внимая, я дрожал, а вестник мне: «Гляди!»

И хартии тогда раскрылись впереди.

Гласила первая: я — истина Биона,

Через меру — ничего! вот правило закона!

Вторая: не забудь — я мыслю, ergo sum.[10]

Но слишком много слов запутают и ум.

А третья: сам Гюго сказал: мне рек Все-
вышний —

Искусство в том, чтоб все зачеркивать, что
лишне.

3 апреля 1921

«Эй, рабочие мира! ложь — все то сладкопенье!..»

Эй, рабочие мира! ложь — все то сладкопенье!

Держите к ружьям примкнуты штыки!

Лишь в день, когда лопнет земное терпенье,
С ним цепь милитаризма разлетится в куски.

С ним цепь милитаризма разлетится в куски.

Чем орды гудели, даль трясся, при Саргоне,

Чем ухали пушки под топот Аттил,—

Нам вчера звенело с аппаратов Маркони,

Сегодня говор газет подхватил.

И бои, где за греком стоит англичанин,—

Перезвон под набатом исторических дат:

Что и сотый век на земле не причален

И к войне против войн вызван красный солдат.

Сентябрь 1922

А. К. ГЛАЗУНОВУ

Слава — властителю звуков! творцу вдохновенному —
слава!

Звуками нас ты прославил, мы звуками
славного славим!

Стелется вольное Море;
раскинулся Лес на раздольи;
Веет Весна по просторам;
по Волге плывет Стенька Разин;
Чу! Трубадура припевы;
чу! стук костяков, — Пляска Смерти;
Нет, то Мазурка топочет!
нет, это — Славянская Свадьба!
Западный марш, честь Чикаго...
Причудливость Грез о Востоке...
Радостен взлет Саломеи;
но Песня Судьбы беспощадна.

Звуками мир ты прославил, мы звуками
славного славим!

Слава — властителю звуков, творцу вдохновенному —
слава!

12 октября 1922

«Странствующий рыцарь, Дон Кихот!..»

Странствующий рыцарь, Дон Кихот!
Чуден был, был вдумчив твой приход.
Двадцать пять столетий ждали мы;
Вдруг пробил Сервантес толщу тьмы.
С толстым Санчо Панса на осле,
Тощий, ты поехал по земле
Из родной Ламанчи вдаль и вдаль.
Ты поныне едешь, и едва ль
Ехать перестанешь где-нибудь.
Странствующий рыцарь, здесь побудь!
<1922>

«Быть может, у египетских жрецов...»

Быть может, у египетских жрецов
Учился ты; кой-что познал, быть может,
Из тайн халдейских; споры в синагогах
Ты слушал; в строки Библии вникал
И много думал о вопросах вечных.
Твой ум был остр, но тесен кругозор
И замкнут гранью тесной Палестины.
Тир и Сидон, с их роскошью увядшей,
Тебе казались образцом богатств,
Лишь по бродячим греческим купцам
Ты знал Элладу, глух к стихам Гомера,
К виденьям Фидия, к мечтам Платона;
Рим — по солдатам, что привел Пилат,
Да по монетам, где представлен «Кесарь».
Шел грозный век, империя творилась,
В горниле римском плавилась культуры,
А ты в глуши своих родных пустынь,
Сын плотника, в затишьи Назарета,
Мечтал восстать учителем земли...
Земли?.. быть может... может быть, и нет.
Как разгадать мечты твои в пустыне,

Где Дьяволом ты искушаем был!
Ты вышел как соперник Иоанна,
Чтоб скромно поучать родной народ.
Но рыбаки со скал Генисаретских,—
Простой и грубый, неученый люд,—
Твоим словам восторженно дивились
И ужасались мудрости твоей.
Ты их учил — и представлял пророком;
Ты исцелял — казался чудотворцем,
И вот, успехом легким опьянен,—
Сначала тайно, после все открытей,
Ты дерзко объявлял себя Мессией,
И рыбаки поверили тебе...
Свою мечту запечатлел ты смертью,
Как тысячи пророков, и пошла
Молва глухая о тебе по свету...
И все бы кончилось глухой молвой.
<1922>

«Люблю в закатном замираньи...»

Люблю в закатном замираньи
Луча, над блесками зыбей,
На миг немое трепетанье
Пугливых, сизых голубей;
Они в предчувствии утраты
Дня, осенявшего их дрожь,
Скользят, — и вот уже трикраты
Я прошептал: «Снов не тревожь!»
Те сны! как паутинной нитью
Они над памятью давно,
Кружась, легли, и по наитью
Я сам вертел веретено.
Вот черный волос, вот багряный,
Зеленый, синий... света сны!
В клубке дыханья нитей пряны,
И ими полночи пьяны.
Но здесь, у плахи солнца! в силах
Еще я крикнуть вслух: убей!
Чтоб глубь дрожанья отразила
Пугливых сизых голубей.
17 января 1923

УЛЬТИМАТУМ ВЕСНЫ

Каждогодно все так же, из миллионолетия в
новые,

В срочный день объявляет весна ультимату-
тум,

Под широтами дальними на время осно-
вывая

Царство, где оборона отдана ароматам.
И поэты все так же, новаторы и старые,
Клянутся, что не могут «устоять при встре-
че»,

И церемониймейстер, с мебели бархат сне-
га спарывая,

Расстилает парчу зелени вдоль поречий.
Каждое эхо, напролет не сутки ли,
Слушает клятвы возобновленных влюб-
ленных,

Даже, глядя на город, в каменной сутолоке
Око синего неба становится ослепленным.
В этот век — черед мой; по жребию назна-
ченный,

Должен я отмечать маятник мая,
[Повторять] в строфах, где переиначены,
Может быть, славословья Атлантиды и

Майи.

Служить не стыдясь Весне, ее величеству,
Слагаю вновь, мимоходом, в миллионолетиях — году,

С травами, зеленью, небом, со всем, что
приличествует

Придворному поэту, — очередную оду.

28 марта 1923

РЕСПУБЛИКА ПОСЛЕДНИХ СНОВ

Республика последних снов на грани,
Где шелест нив и шум лесной к пустыне
Приносят гул надбрежных обмираний!
Предельные, где скат песков, святыни!
Убогий храм, прямя пальмовой колонны,
И нить бойниц, в простом, но тесном тыне.
Там, на крыльце, твой светлый лик, на-
клонный

К окну, где свет от светочей Кибелы;
Чу! хоры жриц — мне омен благосклон-
ный!

Там, сзади, край, где, в битвах огрубелы,
Ввысь вызов мечут журавлям пигмеи,
Где склоны гор костями странных — белы;
Там тяжек путь, пустых ночей немее,
Самумов зов, за сушью сдвиг миража,—
А здесь, а здесь! твой взор, — черты камеи!
Был долгод срок — искать возврат. Пора же
В тень памяти швырнуть Край Носорогов.
Слышней наш топот; копыя вносит стра-
жа.

Миг, разве миг? Я, пыльный, на порогах,
Мечта, стой здесь! Мечта, в день не гляди
ты!

Что, кроме влажных губ к губам! С отрогов
Последних снов диск ранней Афродиты.
11 июня 1923

«Развертывается скатерть, как в рассказе о Савле...»

Развертывается скатерть, как в рассказе о
Савле,
Десятилетия и страны последних эпох;
Что ни год, он сраженьем промочен, про-
славлен,
Что ни дюйм, след оставил солдатский са-
пог.
Война на Филиппинах; война в Трансваа-
ле;
Русско-японская драма; гром на сцене Бал-
кан;
Наконец, в грозном хоре, — был трагичней
едва ли,
Всеевропейский, всемирный кровавый
канкан!
Но всхлип народов напрасен: «поторговать
бы мирно!»
Вот Деникин, вот Врангель, вот Колчак,
вот поляк;
Вот и треск турецких пулеметов под Смир-
ной,

А за турком, таясь, снял француз шапо-
кляк.

Жизнь, косясь в лихорадке, множит под-
счеты

Броненосцев, бипланов, мортир, субма-
рин...

Человечество — Фауст! иль в музеях еще
ты

Не развесил в досталь батальных картин?

Так было, так есть... неужели так будет?

«Марш!» и «пли!» — как молитва! Первен-
ствуй, капитал!

Навсегда ль гулы армий — музыка будней?

Красный сок не довольно ль поля пропи-
тал?

Пацифисты лепечут, в сюртуках и во фра-
ках;

Их умильные речи — с клюквой сладкий
сироп...

Но за рынками гонка — покрепче арака.

Хмельны взоры Америк, пьяны лапы Ев-
роп!

<1923>

ШАРМАНКА

Не запела, застонала,
Заскрипела то, что знала,
И забыла, — была иль сон?
Песня — вздохи, пляска — стон.
Скорбный вопль за блеском бальным,
Вальс в напеве погребальном...
Вздрагнет, охнув, ржавый вал,
Кашель старческий обронит,—
И мазуркой вновь хоронит,
Плачем правит карнавал.
Наших бабушек приманка,
Как ты, шамкая, шарманка,
До трамваев дожила?
Краска с ящика сошла,
Доски гнилы, слева, справа;
Лишь на створке — немец бравый,
В шляпе длинное перо.
Петь ты хочешь дряхлым хрипом,
Но, под полинялым трипом,
Ох, скрипит, болит нутро!
Звуки, словно в стужу, дрогнут.
А старик, над старой согнут,
Вертит, вертит рукоять...

Эй, бедняк! чего стоять!
Все — кто в кино, кто на даче...
Или ты не ждешь подачи,
Нищий мейстер? — что пятак!
Только б стоном удлиненным
Жить в былом, в похороненном:
Плакать можно ведь и так!
1923

ГЕРМАНИИ 1923

Кошмар! Кошмар опять! Один из многих,
Историей являемых в бреду:
Сонм пауков, огромных, восьминогих,
Сосущих кровь близ мертвых клумб в саду.
Германия! Да, ты в былом повинна
За страшное, но — страшен твой расчет!
Раздавлена низринутой лавиной,
Ты знала казнь, вновь казнь, и казнь еще!
Нет ничего: ни стран — манить под тро-
пик,
Ни стимеров — дробить в морях стекло,
Ни фоккеров — кричать, что век торопит,
Ни шахт, копивших уголь и тепло,
Ни золота, ни хлеба... Да! свидетель
Весь мир, как рок смеялся и казнил:
Твои богатства рвали все, а детям
Нет молока, и в школах нет чернил!
И тщетно те, кто зиждил это
Богатство, те, чей подвиг — труд,
Встают, чтоб мышцами атлета
Открыть блистанье лучших руд:

Им против — свой земляк-предатель,
Им против — звон чужих монет...
На Шпрее зажечься ль новой дате?
Мечтаешь: да! быть может: нет...
От Сен и Тибров до Миссурей
Следит строй мировых владык,
И, веря в помощь, твердо в Руре
Стоит француз, примкнув свой штык.
А те? — Веселятся и пляшут, ведь раны
Их бойни избытой — не им;
И золото, золото, — пряно, багряно, —
Поет им оркестром немым.
Им весело, весело, — золото в башни
Слагать, вить второй Вавилон.
Что день, их восторг удалей, бесшабашней:
Весь мир им достался в полон.
Там черный, там желтый, там парий, там
кули:
Всех — в копи, к станкам, на завод!
«Недаром же в Руре штыки мы примкну-
ли!» —
Поют, выводя свой гавот.
«Враг сломлен, мы вместе, теперь мы по-
смеем»,
«Нам власть над землей с этих пор!»

«Над толпами станем, пропляшем по зме-
ям»,

«А в фасках фашистов — топор!»

Те пляшут, та исходит кровью,

Мир глухо ропщет под пятой...

Но с трона вдруг поводит бровью

Пугливо идол золотой.

На миг в рядах поющих смута,

И мысль, прожженная огнем,

Кричит невольно и кому-то:

«Не надо вспоминать об нем!»

А он, у грани их веселий,

С земли всходя до звездных сфер,

Стоит; и тучи вниз осели,

Чтоб людям вскрыть СССР.

Да, так. Старуха Клио хмурее

Глядит, как точит кровь земля;

Но внове ль ей? все ж от Лемурии

Был путь до Красного Кремля.

И все равно, опять прольются ли

Такие ж токи в тайну тьмы:

Из бурь войны, из революции

Мир стал двойным: они и мы.

Иных нет сил...

<1923>

НА СМЕРТЬ ВОЖДЯ

Пред гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто был
Ленин

Кто громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!»

Сюда, под знаменем Советов,

Борцы из армии Труда!

Пусть умер он: его заветов

Мы не забудем никогда!

Он повел нас в последний

И решительный бой,

И к победе мы, Ленин,

Смело шли за тобой!

Мысль твоя твердо знала,

Где наш путь и какой:

С Интернационалом

Воспрянет род людской!

Мы стали вольны, стали сильны,

Нас к торжеству ведет судьба,

И мы кладем на прах могильный

Борца — его призыв: Борьба!

Он громко воззвал, указуя вперед:

«Вставай, подымайся, рабочий народ!»

Пред гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто был Ле-
нин!

1924

РЕКВИЕМ

На смерть В. И. Ленина

(Музыка Моцарта)

Все голоса.

Горе! горе! умер Ленин.
Вот лежит он, скорбно тленен.
Вспоминайте горе снова!
Горе! горе! умер Ленин!
Вот лежит он, скорбно тленен.
Вспоминайте снова, снова!
Ныне наше строго слово:
С новой силой, силой строй сомкни!
Вечно память сохрани!
Сопрано, тенор, бас.
Вечно память, память
вечно —
Альт.
Вечно память
Ленина —
Сопрано, тенор, бас.
Сохрани!
Альт.
Храни!

Все голоса.

Память!

24 января 1924

«Смерть обмер, тени наклонились...»

Свет обмер, тени наклонились,
Пространней запах слитых лип;
Последний звон заходит, силясь
Во тьме сдержат надгробный всхлип.
И стала ночь, и снова стало
Пустынно-тихо. Грезит луг,
Спят люди, не вернется стадо,
Реке дано катиться вслух.
Века, века, века учили
Земное ночью никнуть в сон,
Мять думы дня в слепом точиле,
Закрыв глаза, пить небосклон.
Шныряют совы; шум летучих
Мышей; лет легких мотыльков...
Все это — искры звезд падучих,
Чей мертвый мир был далеко.
Нам солнца ждать! Нам тьма — граница,
Нам тишь — черта меж гулов дней.
Наш мозг в дыханьях трав гранится,
Нам в снах вся явь борьбы видней.
18 мая 1924

«Трава весенняя допела...»

Трава весенняя допела
Свою живую зелень. Зной
Спалил сны мая, и Капелла
Кропит июньской белизной.
Вот ночи полночь, полдень года,
Вот вечер жизни, но, во мгле,
Вот утро, жгучий луч восхода,
Не к вышине, а по земле!
Зари, еще не возвещенной,
Вино пьяно, и я, взамен,
Готов, заранее прощенный,
Для всех безумств, для всех измен.
Пусть вечер! он же — полдень! — Где-то
Цветам процветь, их пчелам пить,—
И стебли чьих-то рук воздеты,
Чтоб вечный полюс торопить.
Пусть август будет. Плод налитый
Спадет в корзину, мертв и жив.
За десять лет замшеют плиты,
Недавний гроб не обнажив...
Но нынче ночь. Кротка Капелла,
Кропя июньской белизной;
Трава сны зелени допела,

И всюду — только свет и зной!
1924

DOLCE FAR NIENTE[11]

*Под столетним кедром тени...
Tertia Vigilia, 1900 г.*

И после долгих, сложных, трудных
Лет, — блеск полуденных долин,
Свод сосен, сизо-изумрудных,
В чернь кипарисов, в желчь маслин;
И дали моря, зыбь цветная,
Всех синих красок полукруг,
Где томно тонет сонь дневная,
Зовя уснуть — не вслух, не вдруг...
Расплавлен полдень; гор аркады,
Приблизясь, шлют ручьи огня...
Но здесь трещат, как встарь, цикады,
И древний кедр признал меня,
Щекой припасть к коре шершавой,
Вобрать в глаза дрожанья вод...
Чу! скрипнул ключ, издавна ржавый,
Дверь вскрыта в сон былой, — и вот,
Пока там, в море, льются ленты,
Пока здесь, в уши, бьет прибой,
Пью снова dolce far niente
Я, в юность возвращен судьбой.

Алупка
8 июля 1924

«Краткими складками взморщи...»

Краткими складками взморщи,
Ветер, пугливую гладь,
Пленную пену на взморьи
К темным утесам приладь!
Ветер! мы вместе взбивали —
Вспомни, верхушки олив,
Где им любовь напевали
Волны, вбегая в залив;
Ветер, — припомни, — пьянели
Вместе мы в снах миндалей,
Ты на лету пел не мне ли:
«Первую кручь одолей!»
Выше, где смолы сквозь горный
Воздух плывут, как пары,
Рыли мы древние горны
Гномов третичной поры.
После, сронив ароматы,
Прянув за грани скалы,
Мчались мы с бурей косматой
Тмином и мятой яйлы!
Ветер с мохнатых магнолий,

Ветер, мой давний свояк,
Прошлое кануть могло ли —
Утром задутый маяк?
Ветер, лихой запевало,
Гладь синеватую брось!
Чтоб на яйлу, как бывало,
Нам закружиться не врозь!
17 июля 1924

МАКСИМИЛИАНУ ВОЛОШИНУ

Наш Агамемнон, наш Амфитрион
И наш Орфей, царь области рубежной,
Где Киммерии знойный Орион
Чуть бросит взгляд и гаснет неизбежно!
Ты, ты изваял этих гор хребет,
Им оградил себя от горьких лавров,
И в тверди глыб, для казни и побед,
Свой лабиринт сокрыл для минотавров,
Ряд входов с моря ты открыл в Аид,
Чтоб доступ к Стиксу прост был; ты, по
мраке,
Там души предков кличешь, но таит
Тьма недр виденья: голоса и зраки.
В расщепы гор вложил ты халцедон,
И аметист, и сердолик, — но ими,
Твоей волшбой, гремит лишь Посейдон,
Играя в мяч со скалами нагими.
К себе деревьям путь ты запретил,
Свой мир покрыв полынью и волчцами,
Чтоб был над степью ярче ход светил
В твоих волнах, дробящихся венцами.

Но по желанью смерч ты взводишь ввысь,
Иль тмишь Луну в багровом одеянии,
Иль чарой слов ей вновь велишь: явись —
Да небеса гласят твои даянья!
И тщетна баснь, что древний Карадаг
Изверженец давно былого мира:
Тобой творен он, и ты рад, о маг,
Скрыть божество в безликий столп куми-
ра.

17 августа 1924

ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ

Он в старой раме, с блеклыми тонами,
В губах усмешка, взгляд лукав и строг,
И кажется, везде следит за нами,
Чуть в комнату вступаешь на порог.
Прическа старомодна, но в сверканьи
Зрачков — не тайна ль тайн затаена?
Чем пристальней глядишь на их мелька-
нье,

Тем явственней, что говорит она:
«Нет, только нас поистине любили,
И дать любовь умеем только мы.
Пришла весна, и землю зазнобили
Холодные предвестники зимы.
Вы не любви, вы ищете победы,
Мужскую робость шумом слов прикрыв.
Каким презреньем встретили бы деда
Всю вашу страсть, весь жалкий ваш по-
рыв!»

23 августа. 1924

СОЛОМОН

Что было? Вихрь тысячелетий
Качал весы, играл людьми,—
За ратью рать влачили плети
С полей Ашура в край Хеми.
На краткий век вставал прославлен
Крылатый бык иль коршун Гор.
И вновь металл племен, расплавлен,
Шел к новым формам в вечный горн.
Так с двух сторон мятущий молот
Дробил, кромсал обломки стран.
Казалось, в прах и в сон размолот,
В дым былей взвеен Ханаан.
Но мир двух сил в противоборстве
Сам жег себя, как скорпион,
Пал, ядом черн; и вот, в упорстве,
Сиять над ним ввысь встал Сион.
Простер от моря к морю длани,
С высот к высотам розлил хмель,
Как спрут, провлек сосцы желаний
В блеск Индий, в Пунт, за край земель.
Гром, чудо, слава Соломона,
Запруды сбив, одна река,
Смыв Вавилон, смыв храм Аммона,

Вся ярость, хлынула в века.
Чтоб в наши дни, врываясь ярко,
Нас спрашивать, нам отвечать,
Горя сквозь вязь колонн San Marco
На Соломонову печать.
25 августа 1924

КРЫМ

Лестью солнца в лоск обласкан,
Берег вплел в меандр меандр,—
Франт во фраке! скалы — лацкан;
Ал в петлице олеандр;
Брижжи пен припали к шее;
Мат магнолий— галстук их...
Старых мод покрой свежее
Новых вымыслов тугих!
Солнце льстит; флиртует море;
Ветер — остр, ведет causerie...[12]
Берег, в полдень, спит в изморе.
Кипарисов тень — драпри.
Глянет вечер. Белой раной
Вскроет месяц тьму воды;
В лавр и в мирт блеск ресторана
Вдавит плавкие следы.
Эх! что тут вам, nereidy!
Мотор бьет: место взято...
Мертв сон пушкинской Тавриды...
И ревут, идут авто!
«Где Мария? Где Зарема?
Кто нас песней обманул?»
Берег-франт к дверям гарема

Свой червонец протянул.
7 сентября 1924

«Вот я — обвязан, окован...»

Вот я — обвязан, окован
Пристальным глазом змеи очковой,
Над былинкой лесная газель;
Вновь тропу преградила Цель.
Здесь, в стране исканий,
Где века грохочут листвою,
Мысли гениев — реки, и с камней —
В непостижность водопад роковой;
Где направо — скалы в грядущее,
Где налево — пропасть в прошедшее,
Где ветры, над истиной дующие,
Кричат, как сумасшедшие;
В лесу исканий,
Без Энея Асканий,
Лань пред змеей очковой,—
Обвязан, окован.
Иду
По всем тропам;
Рублю топором череду,
Кожа мудрецов — барабан!
Сквозь лианы, шипы
На все тропы,
И будто —

Я Заратуштра, я Будда,
Я Христос, я Магомет,
Я — индейский сашем —
Курю калюмет...

И всюду —

Чудо:

«Почему» превращается странно в «зачем».

Глазом змеи очковой

Я очарован.

1924

ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ

Поэма в 6-ти главах

(Обработка и окончание поэмы А. Пушкина)

I

Прекрасен и беспечен пир
В садах Египетской царицы,
И мнится: весь огромный мир
Вместился в узкие границы.
Там, где квадратный водоем
Мемфисским золотом обложен,
За пышно убраным столом
Круг для веселья отгорожен.
Кого не видно средь гостей?
Вот — Элин, Римлянин, Испанец,
И сын Египта, и Британец,
Сириец, Индус, Иудей...
На ложах из слоновой кости
Лежат увенчанные гости.
Десятки бронзовых лампад
Багряный день кругом струят;
Беззвучно веют опахала,
Прохладу сладко наводя,

И мальчики скользят, цедя
Вино в хрустальные фиалы;
Порфирных львов лежат ряды,
Чудовищ с птичьей головою,
Из клювов золотых, чредою,
Точа во глубь струю воды.
Музыка стонет сладострастно;
Дары Финикии прекрасной,
Блистают сочные плоды;
А вдалеке, где гуще тени,
На мозаичные ступени
Теснится толпами народ:
Завидуя, из-за ворот
Глядит на смены наслаждения.
Но что веселий праздник смолк?
Затихли флейты, гости немы;
В сверканьи светлой диадемы,
Царица клонит лик на шелк,
И тени сумрачной печали
Ее прозрачный взор застлали.
Зачем печаль ее гнетет?
Чего еще недостает
Египта древнего царице?
В своей блистательной столице
Спокойно властвует она,

И часто пред ее глазами
Пиры сменяются пирами;
Она хвалой упоена,
И величавые искусства
Ей тешат дремлющие чувства.
Горит ли африканский день,
Свежеет ли ночная тень,
Покорны ей земные боги;
Полны чудес ее чертоги;
В златых кадилах вечно там
Сирийский дышит фимиам.
Звучат тимпаны, флейты, лира
Певцов со всех пределов мира.
Чего желать осталось ей?
Весь мир царице угождает:
Сидон ей пурпур высылает;
Град Киликийский — лошадей;
Элада — мрамор и картины;
Италия — златые вина,
И Балтика — янтарь седой.
Наскучил город ей? — Вдоль Нила,
Поставив пестрые ветрила,
Она в триреме золотой
Плывет. Ее взволнуют страсти?
Пойдет, с сознанием гордой власти,

В покои тайные дворца,
Где ключ угрюмого скопца
Хранит невольников прекрасных
И юношей стыдливо-страстных.
И все ж она невесела:
Ей скучен хор льстецов наемных
И страсть красавцев подъяремных;
Не сходит тень с ее чела.
Ей все послушно, все доступно,
И лишь любовью неподкупной
Ей насладиться не дано!
И долго, с думою глубокой,
Она сидела одиноко.
И стыло гретое вино.

2

Был снова праздник в пышном зале
Александрийского дворца.
На ложах гости возлежали;
Вокруг, при факелах, блистали
Созданья кисти и резца;
Чертог сиял. Гремели хором
Певцы при звуке флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир.
Сердца неслись к ее престолу.

Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главою...
И пышный пир как будто дремлет;
Безмолвны гости; хор молчит;
Но вновь чело она подьемлет
И с видом ясным говорит:
«В моей любви для вас блаженство?
Блаженство можно вам купить...
Внемлите мне: могу равенство
Меж вами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю —
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?»
Рекла, — и ужас всех объемлет.
И страстью дрогнули сердца...
Она смущенный ропот внемлет
С холодной дерзостью лица.
«Я жду, — вещает, — что ж молчите?
Или теперь бежите прочь?
Вас было много, — приступите,
Купите радостную ночь!»
И взор презрительный обводит
Кругом поклонников своих...

Вдруг из толпы один выходит,
Вослед за ним и два других:
Смела их поступь, ясны очи;
Навстречу им она встает.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти их зовет.
Благословенные жрецами,
Теперь из урны роковой
Пред неподвижными гостями
Выходят жребии чредой.
И первый — Флавий, воин смелый,
В дружинах римских поседелый;
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья;
Он принял вызов наслажденья,
Как принимал во дни войны
Он вызов ярого сраженья.
За ним — Критон, молодой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,
Последний — имени векам
Не передал; его ланиты

Пух первый нежно оттенял;
Восторг в очах его снял;
Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом...
И с умилением на нем
Царица взор остановила.
«Клянусь, о мать наслаждений!
Тебе неслыханно служу:
На ложе страстных искушений
Простой наемницей всхожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
И боги грозного Аида!
Клянусь, до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утомлю,
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утолю!
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь, под смертною секирой
Глава счастливцев отпадет!»

3

И вот уже сокрылся день,
И блещет месяц златорогий.

Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Окончен пир. Сверкая златом,
Идет царица в свой покой
По беломраморным палатам.
За ней — рабов покорный строй
И круг поклонников смущенных,
Вином и страстью утомленных.
Меж них, спокоен и угрюм,
Безмолвно выступает Флавий,
Речей внимая смутный шум...
Его судьбе и горькой славе
Дивятся гости, трепеща.
У всех, под складками плаща,
Сердца дрожат в глухой тревоге.
Но вот царица, на пороге,
Замедлила, и ясный лик
К смущенным лицам обратила:
В ее глазах — какая сила!
Как нежен стал ее язык!
«Я жду тебя, отважный воин:
Исполнить клятвы пробил час!
Я верю: будешь ты достоин
Обета, сблизившего нас!
Приди ко мне, желанный, смелый!

Я этой жертвы жду давно.
Мое прославленное тело
Тебе богами суждено!
С тобой хочу предаться страсти,
Неотвратимой, как судьба,
Твоей я подчиняюсь власти,
Как неподкупная раба!
Всего, чего возжаждешь, требуй:
Я здесь — для сладостных услуг!
Доколь не пробегут по небу
Лучи зари, ты — мой супруг!»
Сказала: и, простерши руки,
В объятья мужа приняла.
Раздались флейт поющих звуки
И хора стройная хвала.
И гости, сумрачны и бледны,
Боясь понять свою мечту,
Глядят, как полог заповедный
Скрывает новую чету.
И каждый, с трепетом желаний,
Невольно мыслит: «Мог и я...»
Но свисли пурпурные ткани,
Гимена тайны затая.
Фонтаны бьют, горят лампы,
Куруется легкий фимиам,

И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам;
В роскошном золотом покое,
Средь обольстительных чудес,
Под сенью пурпурных завес
Блестит ложе золотое.
Что там? Свежительная мгла
Теперь каким признаньям внемлет,
Какие радости объемлет,
Лаская страстные тела?
Кто скажет! Только водомета
Струя, смеясь, лепечет что-то.
Замолк дворец. Устало спят
Рабы в своих каморках темных;
Безлюдны дали зал огромных;
Лишь сторожа стоят у врат.
В задумчивых аллеях сада —
Молчанье, сумрак и прохлада...
Но кто застыл в беседке роз?
Один, во власти мрачных грез,
Он смотрит на окно царицы,
И будет, молча, ждать денницы,
Прикован взором, недвижим,
Безумной ревностью томим,
Иль плакать вслух, как плачут дети!

Не он ли, хоть на краткий срок,
Царицы грустный взор привлек,
Не он ли вынул жребий третий?

4

Означились огни денницы;
Рабочий пробудился люд;
По узким улицам столицы
Ряды разносчиков снуют.
Глядяся в зеркала морские,
Встречает день Александрия.
Но тих торжественный дворец.
Еще угрюмый страж-скопец
Не отворял глухих затворов;
Еще, на беспощадный зов,
Во сне счастливый — сонм рабов
Не открывал в испуге взоров.
И лишь на ложе золотом
Царица гордая не дремлет,
Небрежно дальним шумам внимлет
И смотрит, с пасмурным челом,
На мужа, кто простерт на ложе.
Ах, не она ль вчера ему,
Всем сладострастьем женской дрожи,
Как властелину своему,
Вливала в жилы страсть? — И что же!

Ах, не она ль, среди затей,
Припоминала вдруг лукаво
События недавних дней
И Цезаря с бессмертной славой:
Как миродержец-исполин
Ее ласкал рукой могучей,
И прибавляла, с лестью жгучей,
Что он, пришлец, ей он один
Напомнил Цезаря? — И что же!
За мигом миг казался строже
Взор гостя странного, и он,
Вином как будто упоен,
Вдруг твердо отстранил царицу:
«Довольно, женщина! Пора
Пред дымом смертного костра
Мне сном приветствовать денницу!»
Он лег, заснул, и вот он спит.
Царица сумрачно глядит
На сон бестрепетно-спокойный,
И грудь ее — в тревоге знойной.
«Проснися, воин! близок день!»
И Флавий открывает очи.
Давно исчезла летней ночи
Прозрачно-голубая тень;
Свет, через пурпурные ткани

Проникнув, бродит на полу,
И светлый дым благоуханий,
Виясь, колеблет полумглу.
«Что, утро? Здравствуй, Феб-губитель!»
И, с ложа прыгнув, пояс свой
Гость надевает. Но, с мольбой,
К нему царица: «Мой властитель!
Еще есть время. Я — твоя!
Ужель и взгляда я не стою?
Я наслаждения утрою,
Пресыщу новой лаской я
Твои последние мгновенья!
Пади на ложе наслажденья,
Где ждет тебя любовь моя!»
Но странный гость, в ответ, сурово,
Бесстрастье гордое храня:
«Ужель ты думаешь, мне ново —
Все, чем прельщаешь ты меня?
Ты прихотлива и затейна,
Но слаще вольная любовь,
В дубравах, за пределом Рейна!
Ты страстью распаляешь кровь,
Но в ласке девушки испанской,
В объятьях пленницы британской
Есть больше неги и огня!

Во дни жестокие Фарсала,
Я вспомнил, как и ты, ласкала
Одна фракиянка меня;
Но я забыл ее лобзанья,
Ее приманчивый напев,
Храня всегда воспоминанья
О днях блаженного свиданья
С одной из гордых галльских дев!
Прощай!»

Она дрожит от гнева,
Ее изменены черты.
«Когда тебе любая дева
Милей, чем я, зачем же ты
Мой принял вызов? Посмеяться
Ты надо мной хотел? Тебе
Спокойно с жизнью не расстаться!
Твоей мучительной судьбе,
Твоей неумолимой казни
Все ужаснутся!»

Без боязни
Он смотрит на лицо ее.
«Ты надо мной властна, быть может,
И тело бедное мое
Безжалостный палач изложет.
Но все ж я — прав. Что обещал,

Я, в эту ночь, исполнил честно:
С тобой я, как тебе известно,
До третьей стражи разделял
Твои, царица, вожделенья,
Как муж, я насыщал твой пыл...
Что ж! Я довольно в мире жил,
А ты—свершай свои решенья!»
И он, суровый сын войны,
Клеврет Великого Помпея,
Спокойным взором, не бледнея,
Встречает гневный взор жены.
Безмолвно, ярость подавляя,
Та бьет по меди молотком,
И звуки, стражу призывая,
Звеня, разносятся кругом.
Раскрыты завесы у двери.
Рабы, как на веревках звери,
Вступают в золотой покой;
И, грозной стражей окруженный,
В свое раздумье погруженный,
Проходит воин через строй.
Палач у входа. Но царица
Уже зовет своих рабынь;
Бежит невольниц вереница,
Неся одежды, пух простынь,

Фиалы тонких умащений...
Бледнеет тень ночных видений...
И вновь, прекрасна и ясна,
На пир готовится она.

5

Все ограниченной, короче
Остаток малый новой ночи,
И снова первый робкий луч
Уже скользит меж завес окон
И трогает, огнист и жгуч,
Царицы сине-черный локон.
Не сонных в спальне луч застал!
Чу! говор, вздохи, поцелуи,
И звонко в искристый фиал,
Опенены, сбегают струи.
«Клянуся Вакхом! я — не сыт!
Царица! Ты — Андиомена,
Любимица молодых харит!
Мне кажется, морская пена
Доныне с ног твоих бежит.
Дай осушить ее устами!
Пред тем, как Феб, грозя лучами,
Блеснет,— владычица любви,
Порыв жреца благослови!
Он здесь, коленопреклоненный,

Лобзает, весь горя огнем,
Святыни, спрятанные днем,
И каждый волос благовонный
На теле божеском твоём!»
Он — счастлив, он — безумен страстью,
Он медлить заклинает тьму,
Чтоб до конца упиться властью,
На срок дарованной ему;
Не признавая утомлений,
Творит хотенье из хотений;
Но, пресыщенно холодна,
На свет зари глядит она.
Довольно! Пробил час. Аврора
Открыла дверь. Помчится скоро
По крутизне лазури Феб.
Она встает...
Но он ослеп,
Он ничего не видит, кроме
Прекрасной груди, рук и плеч,
Он молит, в трепетной истоме,
Опять на мягкий пух прилечь,
О близкой смерти забывая.
Он обречен, но ласки ждёт.
И, неохотно уступая,
Как милостыню подавая,

Царица снова предает
Свой стан объятням распаленным;
Но, внемля клятвам иступленным,
Приемля зной палящих губ,
Она ненужных слов не тратит
И мыслит:

«Он — красив, не глуп,
Он жизнью эту ночь оплатит,
Но почему так чужд мне он?
Простой невольник и Критон,
Мудрец изнеженный, — меж ними
Какая разница? Своими
Лобзаньями, на краткий час,
Они развлечь умеют нас,
И только. В рощах Арголиды
Он воспринял завет Киприды;
Но той же страстью распалит
На рынке купленный Нумид!
Другие, нашими жрецами
Воспитанные в тайном храме,
Объятий странных новизной
На время изумить способны...
Но все — что листья, все — подобны,
Для ночи созданы одной!»
Очнулась, поднялась на ложе.

Он снова припадает к ней,
Он смотрит ей в глаза. Но строже,
Чем прежде, взгляд ее очей.
«Настало время расставанья».
«Еще, еще одно лобзанье!»
«Пора. Сияет в окна день».
«Нет! Погляди! Повсюду тень!»
«Конец!» Она встает и властно
Идет, чтоб дать условный знак,
Но он влечется сладострастно
За ней, целуя каждый шаг.
«Помедли! Видишь, я не трачу
Ни мига даром! Пью до дна
Блаженство! Я от счастья плачу,
Что ты была мне суждена.
Что Зевс, с его безмерной силой!
За весь Олимп я не отдам
Того, что есть, того, что было,
И не завидую богам!»
Одета белым покрывалом,
Она стоит перед кимвалом,
Не отвечает и стучит.
Все ближе по порфиру плит
Шаги. «Пока они у двери,
Хоть поцелуй, по крайней мере!»

Молчит. «Хоть раз позволь взглянуть
Мне — на божественную грудь!»
Вошли. Рабы теснятся строем,
Влекут его, но, обратясь,
Он, сладко плача и смеясь,
Любуется ночным покоем...
На двор мощный за дворцом
Из храмины Критон выходит;
Палач с тяжелым топором
Его на лобный камень взводит.
Но юноша в последний раз
К рассвету простирает руки:
«Постой, палач! В свой смертный час,
За счастье принимая муки,
Хочу приветствовать зарю!
Тебя, о Феб, благодарю!
Ты вовремя на колеснице
Надел лучистый ореол!
Кто эту ночь, как я, провел,
Вдвоем с божественной царицей,
Не может и не должен жить:
Мне больше некого любить!
Пока ты светить в этом мире,
Гласи сияньем, что нельзя
Блаженней быть, чем ныне я!»

И наклонился он к секире.
Палач ударил раз и два;
Упала наземь голова,
И струи алые помчались,
И кровью площадь залита...
Но все ж, казалось, улыбались
У мертвой головы — уста.

6

И третья ночь прошла. Он спит,
Ребенок, страстью истомленный.
Царица, с думой потаенной,
Печально на него глядит.
Так молод! Были так стыдливы
Его невольные порывы,
Так робки просьбы детских глаз!
В ответ на хитрые соблазны,
Он лепет повторял бессвязный,
И вспыхивал, и быстро гас.
Напрасно ласково учила
Она его игре страстей:
Его неопытная сила
Чуждалась пламенных затей.
Он плакал в буйстве наслаждений,
Страшась изысканных забав,
Потом, обняв ее колени,

Молчал, к возлюбленной припав,
И долго, счастьем умиленный,
Смотрел во взор ее бездонный.
Он спит. Но сонные уста
Так чисты! Так ресницы милы!
Ужели эта красота
Сегодня станет прах могилы?
Какая страшная мечта!
Царица вздрогнула невольно,
Как будто вдруг уязвлена,
Ей жутко, ей почти что больно.
Над спящим тихо склонена,
Касаньем ласковым она
Ребенка будит осторожно:
«Проснись, мой мальчик, рассвело!»
И на прекрасное чело
Кладет свой поцелуй тревожно.
Он пробуждается. Уже?
Все вспомнил. Так: чертог, царица,
И в окна бьющая денница,
И он стоит на рубеже...
Воспоминая жгучей ласки
На миг лицо зажгли; потом
С его ланит сбежали краски:
Он бледен, страшен он лицом.

И сердце царственной блудницы
Внезапной болью стеснено,
И чувства, спавшие давно,
Оживлены в душе царицы,
И двое на лучи денницы,
Равно дрожа, глядят в окно.
И, голос понижая, словно
Кого-то разбудить страшась,
Лепечет быстро и любовно
Царица, к юноше склонясь:
«Мой мальчик! встань, иди за мною!
Я тайный путь тебе открою!
Хочу спасти тебя! Беги!
Есть дверь за северной колонной.
Проход выводит потаенный
У Нила, в поле... Чу! шаги!
Нельзя нам медлить. Я не властна
Нарушить грозный свой обет.
Час минет, — и спасенья нет.
Беги!»

Он смотрит. Та — прекрасна;
Божественны ее черты.
И он с волнением ей: «А ты?»
«Что я? Беги, пока есть время!»
«Жить без тебя? Какое бремя!

И дни и годы пустоты!
Беги со мной!» — «Но ты безумен!
Твой зов нелеп и неразумен.
Послушай: дорог каждый миг!
Я всем скажу, что задремала,
Не догадалась, не слыхала,
Что ты в подземный ход проник...»
Она зовет, почти что молит,
Она его войти неволит
В дверь отворенную. Но он,
И слепо счастлив и смущен,
Противится, твердя упорно:
«Беги со мной!» Пред ними ход,
Ведущий вглубь, угрюмый, черный;
Она туда его влечет:
«Спеши! Иль ты себя погубишь!»
А он: «Нет, ты меня не любишь!»
«Ты позабыл, кто ты, кто я!
Есть у тебя отец, родные.
Живи для них! Сии края
Покинув, удались в чужие...»
И, новой грусти не тая,
Он возражает ей упрямо:
«Не любишь ты! Скажи мне прямо!
И я умру рабом твоим.

Но если... если я любим!
Какое дивное блаженство!
Любовь нам возвратит равенство;
Как боги счастливы, вдвоем
В другие страны мы уйдем!
Иль дорожишь ты багряницей?
Тебя пленяет пышный прах?
Ты будешь для меня царицей
В моей душе, не на словах!
Что знаешь ты? Притворство лести,
Обманы! Я, и день и ночь,
С тобой единой буду вместе,
Не отходя ни шагу прочь!
Подумай: видеть, просыпаясь,
Черты любимого лица
И жить вдвоем, не расставаясь,
До вожделенного конца!»
Что может отвечать царица
На детский, на бессвязный бред?
А за стеной шумит столица...
Он — обречен; спасенья нет.
Но юноша, не понимая,
Что значит складка роковая
На лбу царицы, шепчет вновь:
«Бежим! Нас позвала любовь!

Я понял: это — воля Рока!
Меня привел он издалека,
Чтоб вывести тебя!» И вот
Мечтатель, взорами сверкая,
Спешит, царицу побуждая
Сойти за ним в подземный ход.
Но та безумца отстранила.
Ее чело пробороздило
Раздумье тайное. Потом,
Скользнув к своей постели гибко,
Она, с обманчивой улыбкой,
Наполнила бокал вином.
«Ты — прав! Мне вдруг понятно стало,
Что я тебя лишь ожидала!
Так! Мы бежим из этих зал!
Прочь, злато, ткани и каменья!
Но, уходя, в знак единенья,
Прощальный выпьем мы фиал!»
Он кубок пьет. Она руками
Его любовно обвила
И снова нежными устами
Коснулась детского чела.
Улыбкой неземного счастья
Он отвечает, будто вновь
Дрожит на ложе сладострастья...

Но с алых губ сбегает кровь,
Взор потухает отененный,
И все лицо покрыто тьмой...
Короткий вздох, — и труп немой
Лежит пред северной колонной.
Закрыв ненужную теперь
Над лестницей подземной дверь,
Царица долго любовалась,
Склонясь к недвижному лицу,
И долго странно улыбалась...
И вдруг далеко по дворцу
Пронесся медный звон кимвала.
Заслыша им знакомый звон,
Бегут рабы со всех сторон
И раскрывают опахала;
Рабыни выбрали давно
Наряд для утреннего часа;
Уже разубрана терраса,
Над ней алеет полотно...
Все приготовлено для пира:
Сегодня во дворце своем,
За пышно убранным столом,
Царица встретит триумвира.
И вот идет толпа гостей;
Сверкают шлемы, блещут брони;

И, посреди своих друзей,
Привыкший удивлять царей,
К царице близится Антоний.
1914–1916

Примечания

1

С точки зрения вечности (лат.).

[^^^]

Голос народа (лат.).

[^^^]

Рассказы (англ.).

[^^^]

4

Сколь приятно должно быть послание (лат.).

[^^^]

Спальный вагон (англ.).

[^^^]

Умереть (лат).

[^^^]

Тема (лат.).

[^^^]

Развязка (лат.).

[^^^]

Женственность (нем.).

[^^^]

10

Следовательно, существую (лат.).

[^^^]

Сладкое безделье (ит.).

[^^^]

Беседа (фр.)

[^^^]